

ПИОНЕР

СЕНТЯБРЬ

9

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1968 г.

675

ВСТРЕЧИ С ТРЕМЯ
ЛЕТАМИ ВЕЩАНИЯ

с 1 сентября!

ШКОЛА

ПИОНЕР

V25

285

ЭКСПЕДИЦИЯ

ЗДРАВСТВУЙ,

"ЗДРАВСТВУЙ"

«Здравствуй» — отличное слово! Сколько раз в день ты его повторяешь, и всегда радостно. «Здравствуй!» — говоришь ты новому дню. «Здравствуй!» — обращаешься ты к ребятам в школе. «Здравствуй!» — знакомишься с новым товарищем. Каждый день «Пионер» получает от ребят письма, которые начинаются словами: «Здравствуй, дорогая редакция!»

★

Надя Худякова (она живет в г. Сайрам, Чимкентской области, и учится в 6-м классе «Б» школы № 15) спрашивает, как и из чего смастерить кукол «сестрицу Аленушку» и «братца Иванушку» — ее отряд затевает у себя кукольный театр. А ребята из Челябинска пишут, что у них уже есть пионерский театр кукол! Они поставили две сказки, и за три месяца их спектакли посмотрели две тысячи малышей.

★

Совет клуба интернациональной дружбы из Свердловской области просит дать его адрес (г. Полевской, Коммунистическая ул., д. 8, кв. 40) другим таким же клубам — хочет знать, что и как они делают. А в письме из Одинцова, Московской области, рассказывается о том, как работает школьный клуб «СССР — Чехословакия».

Вот было бы славно, если бы все эти ребята познакомились друг с другом!

★

Мы хотим помочь им и объявляем экспедицию «ЗДРАВСТВУЙ!».

Но и ты не сиди сложа руки, не жди, пока «Пионер» разыщет тебя и первый скажет тебе: «Здравствуй!»

РАЗ, ДВА, ТРИ, ЧЕТЫРЕ, ПЯТЬ НА ВОЛНЕ «ПИОНЕРА»

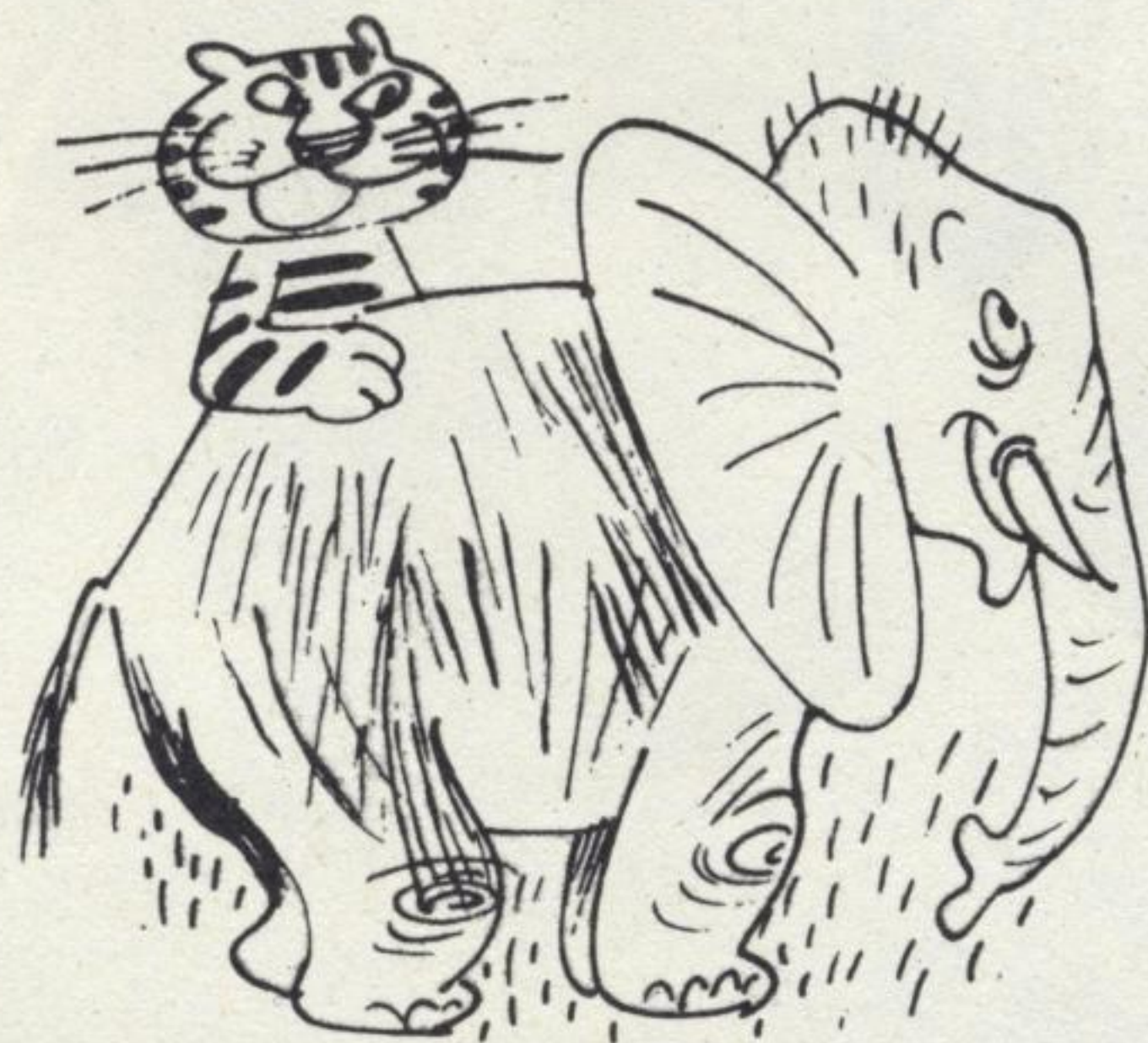
я иду искать!

«Пионер» разыскивает всех, кто придумал и довел до конца ДЕЛО, интересное ребятам и нужное людям — жителям их улицы, города или села.

РАЗ, ДВА, ТРИ, ЧЕТЫРЕ, ПЯТЬ

выходи встречать!

С НОВЫМ ГОДОМ, читатель! Да, да — это не ошибка, с НОВЫМ УЧЕБНЫМ ГОДОМ поздравляет журнал тебя и твоих товарищей. Каникулы позади, и в последние дни августа появились в редакции знаменитые, неразлучные Известные, всегда втроем: Икс, Игрек, Зет. Сняли черные шляпы, молча раскланялись и на стол положили новые задачи.

НАЧИНАЕТ... Начинает свою работу ПИОНЕРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ «ЗДРАВСТВУЙ!». Сюда весь год будут стекаться донесения дружин и отрядов о полезных и добрых делах, обязательно доведенных до конца.

У тебя в руках номер ПРЕДЪЮБИЛЕЙНЫЙ. В следующем, десятом, мы празднуем ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЕ СЛАВНОГО ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА, но уже теперь, в сентябре, ты прочтешь наши КОМСОМОЛЬСКИЕ СТРАНИЦЫ и поговорит с тобой Ирина Григорьевна Овчинникова. О чем? О важнейшем из поступков, который тебе, читатель, пионер, предстоит еще совершить...

В этом номере начинается НОВАЯ ПОВЕСТЬ ВЛАДИСЛАВА КРАПИВИНА, она называется «Тень каравеллы». О чем она — узнаешь чуть позже.

Ты ПОПАДЕШЬ в этом номере в ТЕАТР... В Большой театр! Но не в зрительный зал, чтобы смотреть спектакль, а за кулисы, где в сложном, многоэтажном лабиринте этот спектакль готовится.

ЕСЛИ ТЫ СОБИРАЕШЬ ЗНАЧКИ и даже если ты их не собираешь, то — все равно — прочти очерк Героя Советского Союза Павлова о его совсем особой коллекции, в которой ни одного значка покупного...

Наверно, о многих часах ты знаешь, а вот о «СОЛДАТСКИХ ЧАСАХ» едва ли... Прочти, что пишет о них писатель Борис Никольский.

ЛОДКИ НА СТРАНИЦАХ! Лодки непростые, особенные.

Запомни на будущее, что, кроме географии физической, политической, экономической, будет еще и «ГЕОГРАФИЯ ПОЭТИЧЕСКАЯ». Создается такая география у нас, в «Пионере», начиная с этого номера. Точка.

ТЕНЬ

КАРАВАНЩИК

В. КРАПИВИН

Моей матери—первому моему учителю, критику и другу.

Синее и белое

Мир, в котором жили мы, был устроен удобно и просто. В середине его стоял наш длинный двухквартирный дом, который назывался «флигель». По сторонам, в разных концах заросшего двора, находились другие постройки: бревенчатый сарай с сеновалом, двухэтажный дом с каменным низом, скрипучая кривая голубятня и кирпичный магазинчик, окруженный забором из неструганных горбылей.

Во флигеле жили мы: я, мама и сестра Татьяна, которая училась в техникуме. В соседней квартире, за стенкой, жила Анна Васильевна и ее сын Павлик.

Население двухэтажного дома состояло из множества людей, которые назывались одним словом — «соседи». А те, кто жил за стенкой, соседями не назывались. Они были просто тетя Аня и Павлик.

Среди соседей встречались разные люди: хорошие, так себе и вредные. Хоро-

шей считалась тетя Ира, которая держала корову и давала нам в долг молоко. Так себе была Таисия Тимофеевна, которая тоже держала корову, но в долг молока не давала. К вредным относился прежде всего Славка Дыркаб.

В сарае хранились дрова и жили две коровы.

В голубятне никто не жил. Давным-давно, до войны, там держал голубей старший брат Славки Дыркаба. Но потом он ушел на фронт, а его почтари или сдохли с голоду, или были съедены. Почерневшая голубятня скрипела на ветру и хлопала дверцами.

Осталось сказать о магазинчике. В нем, конечно, жильцов не было, разве только крысы. Зато по утрам вдоль забора выстраивалась очередь. Стояли там главным образом старухи, инвалиды и мальчишки. Инвалиды в зеленых солдатских штанах и стоптанных чувяках мусолили самокрутки и все время спорили, старухи хмуро и осуждающе молчали — они здесь были главные. Мальчишки, заняв очередь, соби-

орая держала
молоко. Так
и, которая то-
г молоко не
прежде все-

жили две ко-

Давным-дав-
лубей стар-
Но потом он
или сдохли
Почерневшая
и хлопала

нике. В нем,
азве только
забора вы-
там главным
мальчишки.
их штанах и
самокрутки
и хмуро и
десь были
ередь, соби-

рались в своем углу. Играли на щелчки в «номера» — у кого больше номер на деньгах, или усердно толкались — «давили са-ло», не забывая прижимать локти к на-грудным карманам, где лежали хлебные карточки. Они первые замечали пожилую сонную кобылу, которая тащила фанерную повозку с белой надписью «Хлеб». Тогда раздавался тревожный крик: «Везут!» Очередь начинала беспокойно колы-хаться.

Но мы тем летом редко стояли в очере-ди. Продавщица Катя, которая жила на квартире у Таисии Тимофеевны, постоянно говорила: «Не мучайтесь вы, ради бога, зря. Я своим знакомым всегда оставляю».

Видите, как все здорово было устроено.

Кроме того, у нашего крыльца рос гро-мадный тополь. Самый высокий в нашем городе. Не думайте, что я прихвастнул. Все взрослые говорили, что такого боль-шого дерева нет ни на одной улице.

В июне тополь зацветал.

Осторожный ветер снимал с веток мил-лионы пушинок, и по всем окрестным дво-

рам и улицам начинала кружить медлен-ная тополиная метель. Теплая бесшумная метель под чистым небом. Дома, заборы, деревья становились зыбкими, словно на-рисованными на синей марле. Казалось, что небо спустилось к самой траве и мож-но полететь, как ласточка, если оттолк-нуться сандалиями от упругих стеблей «пастушьей сумки», от плоских листьев подорожника.

И я летал.

Встречный воздух парусом надувал ру-башку. Мягкий щекочущий пух забирался в рукава и под воротник, ласково и стре-мительно касался щек, губ, шеи. И радость жизни была легкая, как этот пух, чистая, как утреннее небо.

Правда, иногда эта радость стремитель-но уходила, уступая место режущей тре-воге: на улице раздавался знакомый стук босоножек — шла почтальонша Люба.

Все ее знали, маленькую, словно девоч-ка, в синем беретике, в желтой гимнастер-ке, с сумкой, черной и громадной, как пианино.

Над улицей повисало молчание. Казалось, даже пух замирал в синем воздухе. Только Любины каблучки стучали по доскам тротуара. Стучали негромко и как-то виновато. Тишина становилась свинцовой. Иногда она взрывалась где-нибудь громким женским плачем, и тогда слово «похоронная» как бы нависало над улицей. Словно кто-то написал его в воздухе черными буквами...

И все-таки когда я думаю о том времени, то вспоминаю чистое небо июня и радостный полет среди тополиной пурги. Это не потому, что память отбрасывает все плохое. Неправда. Все помнится: и беспощадность военных зим, когда распухали от холода пальцы, и лепешки из картофельных очисток, и короткий лязг ножниц, вырезающих из хлебных карточек мелкие квадратики талонов. Но у детства смелый характер. Оно борется за радость. Оно эту радость находит, несмотря на голод и невзгоды.

Что ж, в конце концов все шло не так уж плохо. Война была далеко, наши били немцев так, что от тех только щепочки летели. Начиналось лето сорок четвертого года. Почтальонша Люба иногда оставляла в фанерном ящике у калитки бумажные треугольники с почерком отца, а беду обносила стороной. А тополь цвел.

И, видимо, в этом белом кружении под безоблачным небом лета прозвучал для меня впервые голос синих пространств. Голос, который делает из мальчишек моряков, поэтов и путешественников.

Не знаю, как это случилось. Я не думал тогда ни о парусах, ни о море. Но в один из таких дней захотелось мне сделать крылатый кораблик, чтобы летать в тополиной метели, держа его на ладони. Не самолет, а именно кораблик с крыльями. Вроде того корабля, который я видел в фильме «Золотой ключик». Этот фильм я смотрел два раза в кинотеатре «Сокол», где работала контролером Анна Васильевна, которая жила за стенкой.

Кораблик я решил сделать из глины, а по бокам хотел укрепить сухие стрекозиные крылья. Их я надеялся отыскать в траве. Мне тогда и в голову не пришло, что крылья эти, похожие на лепестки стеклянных ромашек, можно найти лишь в конце лета, когда стрекозы уже гибнут.

Зато, где взять глину, я знал точно. Было такое местечко позади дома, в сыром углу у забора.

Я вооружился щепкой, похожей на плоский штык, и через минуту докопался до влажного слоя.

И тут меня отыскал Славка Дыркаб.

Фамилия у Славки была самая простая — Иванов, а Дыркабом его звали ребята. Прозвище это казалось непонятым, но подходящим.

Пятиклассник Славка был большой, круглоголовый и безнадежно рыжий. Если он в солнечный день сидел у окна, от стриженной под машинку головы, как от начищенного самовара, по углам разлетались желтые отблески. Круглые веснушки на Славкином лице сияли, будто новые копейки. И глаза у него были рыжие, кошачьи. Хитрые и непонятные глаза.

Я знал, что от Славки бывают неприятности, а хороших вещей не бывает. Поэтому смотрел на него с опаской, и голова моя сама собой втягивалась в плечи.

Однако Дыркаб не торопился устраивать неприятность. Улыбнулся, лениво сощурился и сказал:

— Значит, лепить собираешься...

Улизнуть было нельзя. Пришлось ответить:

— Ага... Лепить.

— А чего?

— Не знаю еще, — осторожно сказал я. Раскрывать свои планы рыжему злодею я не собирался.

Дыркаб вздохнул и печально заморгал. Я насторожился еще больше.

— Я, когда маленький был, тоже любил из глины лепить, — неожиданно признался Славка.

В желтых глазах его появилась задумчивость. Он присел рядом. Это было кстати, а то у меня уже шея одеревенела: попробуй-ка, сидя на корточках, смотреть на человека, если он стоит за спиной.

Славка потыкал пальцем глиняный ком и сказал все так же печально и доверительно:

— Я и сейчас лепить люблю. Времени только нет. Мать как увидит меня, сразу: «А ну, марш в очередь за хлебом!» — или: «Марш за керосином!» Или еще чего-нибудь. Покамест в очереди торчишь, вечер подходит, надо за Манькой в садик ковылять. Потом мамка на ночную смену уходит, а я опять же с Манькой... У тебя-то житуха спокойнее, ты у матери младший.

Этим неожиданно серьезным разговором Дыркаб рассеял мою недоверчивость. Подумать только, он искал у меня сочувствия!

Я старательно вздохнул:

— Трудно тебе...

— Да... А лепить я больше всего корабли люблю. Когда-то хорошо умел. Хочешь, сделаю кораблик?

Разве можно было отказаться?!

— Только здесь неинтересно, — подумав, решил Славка. — Испытывать негде. Давай у вас на кухне. Сразу слепим и сразу в бочке испробуем.

— Знаешь что, Славка, — сказал я, — лучше не надо. Глина же не деревянная. Она бульк — и на дно.

Славка оскорбленно выпрямился.

— Я дурак, да?

— Не...— сказал я опасливо.

— Нет, ты скажи: дурак?

Я растерянно моргал. Признать Славку дураком было невозможно. Однако, что глина тонет, я знал точно.

— Глина же тяжелая,— пробормотал я, не глядя на Дыркаба.

— А железо?— спросил он.— Железо еще тяжелей. А из чего делают пароходы? Из железа. А пароходы тонут?

Пароходы не тонут. Их для того и делают, чтобы они не тонули, а плавали. И возражать тут было смешно.

— Вот видишь,— снисходительно заметил Дыркаб.— Главное, знать, как сделать.

Мы пришли на кухню. Славка раскатал на столе глиняную колбасу с заостренными концами, приплюснул ее и налепил сверху плямбу.

— Подводная лодка,— объяснил он.— Похожа?

Я сказал, что похожа, но про себя подумал, что Дыркаб врет, не лепил он корабли.

— Бери теперь и пускай ее в воду,— предложил Славка.— Не бойся.

Но я боязливо заспорил:

— Да... а вода чистая. А глина грязная...

— Глина?— изумился Славка.— Грязная? Из нее посуду делают. В ней ни одного микроба нет. Да не бойся ты!

Я нехотя снял с бочки дощатую крышку, тяжелую, как щит Ильи Муромца. Бочка словно вздохнула. Запахло сырým деревом и дождем.

— Ну, давай, давай,— торопил Славка.

Я осторожно опустил «подводку» к воде, жалобно глянул на Славку... и разжал пальцы.

Лодка булькнула и ушла на глубину. Разошлись круги. Я увидел в черном зеркале воды свое растерянное лицо. И сказал шепотом:

— Славка, не плавает.

— Ты что? Как не плавает?— торопливо заговорил Славка.— Она же подводная, под водой и плавает. Поплавет и поднимется. Ты подожди. Ну, я пойду, а то мать ругаться будет.

Хлопнула дверь. Я остался у бочки, проклиная подлого Дыркаба. Слезы падали в воду, и наполовину пустая бочка тихонько звенела.

Слезы беде не подмога. А беда была немаленькая. Воду носили от водокачки за четыре квартала. Дело это было хлопотное и долгое: у водокачки всегда стояла очередь. Я испортил двухдневный запас воды и ничего хорошего не ждал от жизни.

Я засучил до плеча рукав, лег животом на край бочки и попытался выловить подводную лодку. Где там! Разве дотянешься до дна... Тогда я принес кочергу и долго бултыхал в бочке, стараясь зацепить потонувшее глиняное судно.

За этим печальным занятием застал меня Павлик.

Он незаметно возник на пороге, и я вздрогнул, когда услышал вопрос:

— Ты что? Клад ищешь на дне морском? Или похлебку варишь?

Вопрос был задан с легким удивлением, но и с ехидством тоже.

Павлик вообще никогда не разговаривал со мной по-обыкновенному. Если сердитый был, ворчал и советовал «убратъся с горизонта». Если находился в хорошем настроении, все время насмешничал. Я привык. Другого я и не ждал. Ему уже стукнуло одиннадцать, а мне и семи еще не было.

— С чем похлебочка?— продолжал он ядовитый допрос.— Попробовать дашь?

— Лодка утонула,— сказал я отрывисто, чтобы не разреветься.

Тогда он удивился по-настоящему:

— Что за лодка такая?

— Дыркаб подводную лодку сделал. А она...

Павлик хмыкнул. Не было в нем сочувствия.

— Балда,— сказал он. Было совершенно ясно, что он имеет в виду меня, а не Дыркаба.

Худой, уже загоревший, с отросшей до бровей челкой, он стоял передо мной, пружинисто покачиваясь, и, наверно, размышлял: спасти меня или оставить на съедение злой судьбе? В светло-коричневых Пашкиных глазах блестели хитрые, острые, как иголки, точки.

— Эх ты, капитан Немо!— вздохнул он наконец (так я впервые услышал это имя).

Не снимая выцветшей испанки, он бесстрашно ухнул в гудящую пасть бочки и через несколько секунд выбрался на свет, держа на ладони раскисшее чудо подводного флота. Со слипшейся кисточки испанки часто капали капли, чиркали по голубой майке, оставляя на ней темные полосы.

— Забирай,— насмешливо сказал Павлик.

Я послушно подставил ладошки под глиняное тесто.

Павлик поднатужился и водрузил на место крышку.

— Все.

— А как сейчас...— начал я, с опаской глядя на бочку.— Вода ведь грязная теперь...

— Пф!— Он презрительно оттопырил губы.— Помереть боишься? От гнилой картошки не померли, а от глины и совсем не помрем! Если хочешь знать, в Африке есть такой народ, который специально глину ест, когда больше нечего.

— Правда?— живо откликнулся я, потому что это имело практический интерес.

— Говорят... Да ну ее, глину! Картошка лучше, даже гнилая.

— А если узнают про лодку? — опять забеспокоился я.

— Ха! Как узнают? Может, ты болтать будешь? Может, я буду? Думаешь, я ябеда? Не бо-ойся...

Так связала нас маленькая тайна.

Увы, ниточка эта оказалась совсем непрочной. Через пять минут я услышал, как Павлик вместе с Дыркнабом хохочет над моей глупостью.

Грустно мне стало, но я не обиделся. Как я мог обижаться на Павлика? Павлик имел право смеяться. Он был не просто сильнее и старше. Он был человек из другого мира. Мир этот, большой и шумный, включал в себя многие улицы, стадион, реку, где можно было купаться и сколько хочешь смотреть на пароходы. Была в этом мире и школа и целая толпа друзей, у одного из которых имелся даже велосипед.

А я? Кто был я? Семилетний заморыш, не нюхавший школы, не ходивший в одиночку даже по ближним улицам. Я рос, окруженный дощатым забором нашего двора. И приятелей у меня не было, если не считать драчливой Томки из большого дома и ее пятилетнего братца Тольки — нытика и попрошайки.

Конечно, двор был большущий, играть я умел и один, поэтому до поры до времени не чувствовал тесноты и грусти. Но вот, забыв про меня, умчался по своим делам Павлик, и я понял, что мир мой мал, а я одинок. От тоски я отлупил Томку, издали запустил камнем в предателя Славку и вдобавок нарисовал на заборе его портрет и подписал: Дыркнаб — драк.

Букву «у» я пропустил только из-за торопливости, потому что вообще-то писать и читать тогда я уже умел прилично. Научился, когда было пять лет.

Дыркнаб целый час ходил у меня под окнами, громко рассказывая, что он делает со мной, когда поймает...

А Павлик, хотя и смеялся надо мной, про подводную лодку никому не сказал. И тонкая ниточка, видимо, не совсем порвалась. В конце концов он именно мне, а не кому-то из друзей оставил на хранение учебную гранату, когда на месяц уехал в лагерь.

А потом был август и тот вечер, когда мы почувствовали, что нас тревожит одно и то же ожидание. Чувство, похожее на близость приключения.

Это было как первая капля нашей дружбы. Вернее, сначала и не дружбы, а просто симпатии, которая появляется, когда два человека хорошо понимают друг друга. После этой капли был еще долгий перерыв. Как в том дожде, о котором я сейчас вспомнил.

Капля упала с потемневшего неба на крыльцо, разлетелась на пылевые брыз-

ги и оставила на серой доске темный след. Он был похож на разбившуюся звезду. Пока я разглядывал этот лучистый след, вторая капля щелкнула по моей сандали, нырнула в одну из дырочек, пробитых в коричневой коже, и холодной ящеркой скользнула между пальцами.

— Владик, иди домой, гроза начинается! — крикнула мама из кухни.

Я не пошел и от влажной звезды на крыльце поднял глаза. Мне хотелось увидеть падение новых капель. Я любил это волшебное зрелище — стремительное снижение маленьких стеклянных шариков. Но капель больше не было. Туча уже перевалила середину неба и развернула над всей землей темно-синий грозовой занавес.

Над забором, над низкими крышами я видел высокую башню со шпилем. Я знал, что это колокольня старой церкви, в которой помещалась тогда городская библиотека. Знать-то знал, но что с того? Я даже близко от этой библиотеки не был, не приходилось. Она всегда была для меня просто башней, видимой издали. А то, что видишь только издали, всегда кажется немножко таинственным.

Мне нравилась эта башня. А в тот грозовой вечер нравилась особенно. Она была очень белая. Такая плотная и свежая белизна бывает у кусков мела, еще ни разу не взятых в руки. Этот белый цвет на грозовой синеве почему-то радовал и успокаивал меня.

Вокруг башни, словно рой бабочек вокруг абажура, носилась птичья стая. Птицы тоже были белые. И, видимо, они не боялись грозы, хотя были от нее очень близко.

Взвизгнула калитка, и во двор влетел Павлик. Он лихо затормозил перед крыльцом и выпалил:

— Ух, и отоварит сейчас дождичком! Мы с Вовкой самолет по нитке пускали, и вдруг как поглядим, как увидим! Какая туча! Ага? — Но тут мысли его скакнули в другую сторону: — Эй, Владька! А где моя учебная граната, которую я тебе оставил, когда в лагерь поехал? Я с Вовкой на самолет поменяюсь. Где? — Он наклонил набок голову и подозрительно смотрел на меня из-под выгоревшей челки.

Мне по многим причинам не хотелось касаться скользкого вопроса о гранате. Я отвел глаза и снова стал смотреть, как кружится у башни голубиная стая.

— Замылить хочешь? — в упор спросил Павлик. — Чего молчишь?

— Я на башню смотрю. И на птиц.

Павлик удивился и притих. Тоже стал смотреть, как кружат белые птицы. Не знаю, что он почувствовал. Но стоял и смотрел он долго. Тускло-розовая горбатая молния бесшумно сгорела выше башни и птиц. Было увлекательно и страшновато.

Павлик громким шепотом сказал:

— Как на море. Будто там маяк и чайки...— Шепот его звучал тревожно: — Будто скоро шторм.

Плотная синева громадных грозовых пространств со всех сторон окружала притихшую землю. Домá, казалось, хотят спрятаться под крыши, как черепахи под панцирь. Только башня, высокая и светлая, бесстрашно пронзала тревожную синеву. Она была как парус, как лебедь. Как белый маяк на краю беспокойного океана.

— Как на море,— отчетливо повторил Павлик.

С той поры эти два цвета — синий и белый — стали связаны у меня с мыслями о море. Белое и синее — значит, чайки и паруса в морской дали, волны прибоя, тельняшки и матросские воротники, незнакомые города над заливами, флаги отхода на мачтах многоэтажных кораблей. Бело-синими были обложки журналов «Вокруг света» и контурные школьные карты, так похожие на морские...

Конечно, это пришло постепенно. А в тот вечер, когда туча стала уплывать и приоткрыла яркую щель заката, я забыл о синем шторме и белых птицах. На время.

Потом наступил сентябрь, и я пошел в первый класс, а Павлик — в четвертый. Ближние улицы перестали казаться мне таинственной страной. Большой овраг, который раньше был страшным и запретным, стал местом веселых игр. Когда выпал снег, я одним из первых пробороздил там санками крутой склон.

Жить стало интереснее, но гораздо труднее. Школа оказалась совсем не праздником. Читал-то я хорошо, но с первых дней не ладилось у меня с почерком. Буквы меня не слушались. Они вели себя просто подло: разбредались с линеек кто куда, валились набок. Крупнокалиберные кляксы сыпались на тетрадные страницы автоматными очередями.

С ребятами в классе я сходилась очень трудно. Ленинградец Юрий Давыдов, с которым я подружился, неожиданно уехал. До весенних каникул было далеко-далеко, а других радостей я не ждал.

Над забором я видел высокую башню со шпилем.

Так было до того январского вечера, с которого я хотел сперва начать эту повесть. Но, вспоминая все по порядку, я понял, что началась она раньше. Не этим зимним вечером, а в синие летние дни впервые задела крылом Павлика и меня тень каравеллы...

Визит Билли Бонса

Ветер за окнами был пронзительный и лютый. Он басовито выл в проводах и тополиных ветках, но иногда срывался и начинал верещать, как прижатая в ловушке крыса. Я знал, что он лижет

сугробы и взметает над ними языки летучего снега. При ледяном свете луны эти языки похожи на бледное, прозрачное пламя.

Я любил смотреть на эти прозрачные факелы. Окна закрывались ставнями, но у одного ставня отвалилась нижняя половинка и оставила свободным оконце размером с тетрадку. По углам оно было затянуто узорчатым льдом. Я прижимался носом к стеклу и смотрел, как полыхают и дымятся холодом сугробы, как летят по снегу тени. Луны видно не было, но я знал, что она, не уставая, катится навстречу стремительным облакам.

Однако мама и Татьяна быстро прогнали меня: от окна дуло. А если я был один, то и сам не решался подходить к окошку. Неизвестно откуда появлялся дурацкий страх: вдруг с улицы навстречу мне поднимется и прилипнет к окну плоская белая рожа со страшными глазами.

Конечно, когда приходили взрослые, мысль о белой роже начинала казаться невероятной чушью.

Но в этот вечер взрослых дома не было. Вообще никого не было. Кроме меня.

Натянув пальтишко, нахлобучив шапку, я сидел у стола и рисовал. Вернее, не сидел, а стоял коленками на стуле, навалившись грудью на край стола.

Такие скверные вечера я называл унылым словом «уты́к».

Уты́к — это если все несчастья утыкались в одного человека — в меня.

Нынешний уты́к начался еще днем: я получил очередную двойку по письму. Чтобы отомстить Антонине Петровне, я дома не стал делать задание по арифметике. Однако сейчас меня грызла мысль, что от такой мести Антонина Петровна пострадает меньше, чем я сам. Впрочем, не очень сильно грызла. Гораздо хуже было то, что я остался один. У мамы или собрание, или внеочередное дежурство в редакции. У Татьяны тоже какое-то дело в техникуме, она вообще часто задерживается.

Мама, наверно, думает, что Татьяна дома, истопила печку, сварила на ужин овсяный кисель (я глотнул слюну). А Татьяна думает, видимо, что все это сделала мама. «А в крайнем случае, — думают они обе про меня, — посидит у Павлика, пока мы не придем».

Но беда в том, что и Павлика нет. Из школы он пошел, наверно, на работу к матери, сделал там уроки и теперь в уютной кинобудке четвертый раз подряд смотрит фильм «Два бойца».

Я с горькой завистью подумал, как тепло и интересно там, у больших трескучих аппаратов.

В доме было до чертиков холодно. Видимо, Татьяна днем не успела истопить печ-

ку. Холодными были стены, печная плита, стол, покрытый голубой клеенкой. Даже карандаш, когда я зажал его в пальцах, показался ледяным, как сосулька.

Это был мой любимый заслуженный карандаш. Военный. С одного конца черный, с другого — оранжевый. Весной мне подарил его знакомый офицер, который жил тогда у нас на квартире. Этим карандашом очень удобно было рисовать на полях газет горящие самолеты и танки фашистов: черное железо с крестами и оранжевое пламя. Но сейчас я рисовал без всякой радости. Просто так. В озябших пальцах толкалась привычная тупая боль. Она называлась «ревматизм».

Взгромоздившись валенками на стол, я распутал на электрическом шнуре узел и опустил к самой клеенке лампочку.

Чтобы отогреть пальцы, я обнял лампочку ладонями, но тут же по стенам взлетели громадные тени, а в заиндевелом углу у окошка начала шевелиться мохнатая темнота. Ходики на стене застучали отчетливо и часто, словно предупреждая об опасности.

Я убрал руки и сердито всхлипнул. Уты́к был полный и глубокий. Еще и есть хотелось сильнее обычного. Конечно, я не помышлял о макаронах, оставленных маме и Тане, но, если бы топилась печка, я нарезал бы тонких картофельных ломтиков и поджарил бы их на плите. С солью.

Я опять проглотил слюну и с ненавистью взглянул на плиту. Она была холодная, как Северный полюс.

У печной дверцы лежало несколько сосновых поленьев. Вверху, на кирпичном уступе дымохода, лежали спички-гребешки в синей бумажной обертке и коричневая дощечка-чиркалка. Но что с того? Разжигать печку сам я не мог. Это было запрещено раз и навсегда. Нарушить этот железный запрет было страшнее, чем получить сразу пятьдесят двоек или съесть одному хлебный паек всей семьи.

Считалось, что если я возьмусь за растопку, то обязательно сожгу дом, себя и полгорода. Кроме того, в печке могло что-нибудь взорваться. Ведь взорвались же у Павлика учебные патроны (ох, и звону было!).

«Однако, — подумал я, — взорвались они у Пашки, а не у меня. А к печке не пускают меня, а не Пашку. Его-то пускают, пожалуйста, топи сколько хочешь...» Эта мысль была первой искрой бунта.

Бунт был молчаливый и стремительный. «Все равно!» — отчаянно подумал я, прыгая со стула.

Дров было мало. Но тащиться за ними в темный сарай, через двор, где валяет дурака колючий ветер, я, конечно, не собирался. Семь бед — один ответ! Я решил сжечь запасы бумаги, которые шли на растопку.

Тумбочки письменного стола были заполнены бумажным хламом: старыми учебниками и тетрадями сестры, довоенными журналами отца, пачками газетных вырезок, какими-то неинтересными книгами. Мама с Таней иногда жгли это добро, но очень осторожно. Они все боялись, что там может оказаться что-то нужное.

А я не боялся.

Я ударил валенком по тумбочке, чтобы заставить попрятаться живших там мышей, и дернул дверцу. С шелестом выползли к моим ногам несколько скучных журналов, связка газет и учебник зоологии с зубастым ящером на обложке. Я нагнулся, чтобы подобрать их.

И тогда, словно дождавшись нужного момента, прямо в ладони мне скользнула еще одна книжка.

Она была разлохмаченная, без переплета. На первом листе я увидел два крупных слова. А ниже, с середины страницы, шли слова, рассказывающие о старом морском волке, появившемся неизвестно откуда в приморской таверне.

Это было необычно, не встречалось раньше. Короткое воспоминание о белом маяке среди синей грозы толкнуло меня, как легкая тревога.

С книжкой в руке я шагнул ближе к лампочке...

Безотрадный вечер, называемый словом «утык», растаял, провалился, исчез. Обладатели белых рож могли открыть все ставни, слоняться под окнами целыми взводами и заклеивать жуткими лицами все стекла — я бы их не заметил.

Неловко навалившись боком на стол, касаясь щекой теплой лампочки, я глотал страницу за страницей, и море гремело у серых гранитных уступов, и ветер яростно хлопал ставнями на окнах одинокой таверны, и старые часы скрипуче били полночь...

Наверно, так бывает только в детстве: читаешь книгу, но не замечаешь слов, а как бы видишь кино. Я видел совершенно отчетливо стертые ступени гостиничной лестницы, частые переплеты окон, за которыми ночь и опасность, дрожащие свечи в руках испуганной хозяйки и ее сына Джима. Огоньки этих свечей желтыми точками отражались в железных полосках, которыми был окован зеленый дубовый сундук. И, наконец, видел я хозяина этого сундука. Старый Билли Бонс будто сел рядом со мной, скрипя кожей ремней и башмаков, хрипло ворча и откашливаясь. На его полосатой вязаной фуфайке блестяли капельки дождя (так же, как блестят на мамином платке капельки растаявшего снега, когда она приходит с работы). От него пахло табаком и промокшим сукном камзола.

Билли Бонс неторопливо сложил и затолкал во внутренний карман медную подозрную трубу, отхлебнул из мятой железной фляжки, сморщил красное обветренное лицо и глянул на меня стариковскими слезящимися глазами.

— Что, парень? Тебе тоже не сладко?

— Да нет, ничего, — шепотом сказал я.

Он мне понравился, этот старый таинственный капитан. Конечно, он бывал иногда грубоват и вспыльчив, но ведь и жизнь у него была несладкая. По крайней мере я полюбил его гораздо больше, чем хозяинокинного сына Джима, который сначала был настоящим размазней и трусом. Когда Билли Бонс умер, я чуть не заплакал.

Зато я с большой радостью узнал, что один из его врагов попал под копыта лошадей. Так ему и надо! Ух, как гремели подковы по мерзлой дороге!

Я не сразу понял, что гремят не подковы, а грохочет дверь под ударами кулаков.

— Кто? — крикнул я, вылетая в сени.

— Дрыхнешь, что ли?! — яростно завопил за дверью Павлик. — Сам бы поторчал здесь на холоде! Я все кулаки расплющил! Открывай, верблюд несчастный!

Я откинул крючок. На обидные выкрики я не обратил внимания. Во мне еще гремели отголоски удивительного мира опасностей и тайн. Скорее, скорее туда, назад, чтобы узнать тайну пиратского сундука!

— Засоня, — презрительно сказал вслед Павлик.

— Балда, — откликнулся я на ходу. — Я не спал. Я зачитался.

— Зачитался! «Ма-ма мы-ла ра-му. Ла-ра мыла Лушу».

Я остановился. Мы стояли в общей кухне, каждый у своей двери.

— Сам ты Луша. У меня такая книжечка!.. Треснешь, как пузырь, от зависти. Пальчики обсосешь.

— Пф! Про курочку Рябу.

— Сам ты Ряба! Про старого пирата.

— Ты! Про пирата? Ой, умру!

— Начинай, — холодно сказал я. — Когда умрешь, крикнешь. — И взялся за ручку двери. Истина была на моей стороне.

Павлик бросил портфель и шагнул ко мне.

— Ну ладно. Ну покажи.

С тайным торжеством я протянул книжку.

— Ух ты... — быстро сказал Павлик, и глаза у него стали ласковыми, словно он взял в руки любимого щенка.

— «Остров сокровищ», — сказал он почти торжественно. — Роберт Льюис Стивенсон.

Он произнес это имя протяжно и немножко странно: «Робэрт Ль-уис Стýвенсо-он». Было ясно, что в книгах таких и в именах он знает толк.

— Я ее давным-давно прочитать хотел, — заговорил Павлик, жалобно поглядывая на меня. — У Сережки Сазонова просил, а он фигу показал. Я ему автомат с железной трещоткой обещал, а он все равно не дал. Свинья, верно?

Я кивнул, но, чуя опасность, не сводил глаз с книжки.

— Этот автомат я могу хоть сейчас тебе отдать, — бодро пообещал Павлик. — А ты мне книжечку всего на один вечерок. Идет?

Действовать надо было мгновенно. К счастью, книжку держал он не очень крепко. Я кошачьим движением выхватил ее и скользнул за дверь. Звякнул задвижкой.

— Владька! — тоскливо взвыл Павлик.

— Прочитаю, тогда дам, — непреклонно сказал я.

Павлик потрогал дверь, но задвижка была прочная.

— Жила, — безнадежно сказал он. — Буржуй. Купец, помещик, капиталист. И этому типу я отдал свою гранату!

— Возьми ее обратно.

— Ну, Вла-адик. Ну, на вечерок... А?

— Бэ, — сказал я.

— Жадюга. Вот скажу в школе, все ребята тебя лупить будут.

— Тогда и через год книжечку не увидишь!

Он шумно вздохнул за дверью и замолчал. Я понял, что он придумывает самые убедительные, самые-самые действующие слова. Ох, как хотелось ему прочитать «Остров сокровищ»!

— Много ты прочитал? — вдруг спросил Павлик.

— Тридцать пять страниц.

— Как ты быстро читаешь! — сказал он вкрадчиво.

— Это была грубая лесть. Ведь он не знал, сколько времени я читал.

Мне стало жаль Павлика.

Даже не то чтобы жаль, а просто я представил, как он безнадежно топчется у двери и чуть не плачет от огорчения.

— А ты совсем ее не читал? — спросил я.

— Пятнадцать страничек. Да еще в середине немножко. Сазонов давал почитать на переменах.

— Давай так, — начал я, осторожно взвешивая слова. — Ты сейчас затопишь у себя печку...

— Ага... — откликнулся он с проснувшейся надеждой.

— Потом решишь мне задачку...

— Хоть десять!

— Примеры.

— Хоть тыщу!

— Потом я дам тебе почитать до тридцать пятой...

— У-у...

— А потом вместе будем, вслух! А ты один хотел? Хитрый...

— Ура!

На радостях он грянулся грудью о дверь и сорвал задвижку с винтов.

Отблески на парусах

Эту книжку мы читали пять вечеров подряд.

Мы не торопились. Ждали, когда загустеют в окнах фиолетовые сумерки, и потом отправлялись в комнату к Павлику. Там, у печки, был просторный уютный угол. Наш угол. От комнаты его отгораживали спинка кровати и тумбочка.

Печка была круглая, покрытая черным блестящим железом — голландка. Казалось иногда, что это не печка совсем, а основание корабельной мачты, которая уходит вверх сквозь палубу. Где-то высоко над крышей шумят ее паруса. Шум был на самом деле: это хозяйничал в тополе ветер. Когда открывали трубу, он начинал обрадованно голосить в ней.

Мы садились на поленья у приоткрытой дверцы. Павлик брал книгу. Он становился спокойным и строгим. Он мне очень нравился в такие минуты — ненасмешливый, добрый, настоящий. Глаза Павлика делались темными, и пламя билось в них беспокойными звездочками.

Не помню, как читал Павлик: тихо или громко, с выражением или без. Среди пляшущего огня я видел, как на экране, одного Сильвера с крикливым попугаем, двухмачтовую «Испаньолу», опоясанный ружейными дымками форт. Головешки, рассыпаясь, стреляли, как мушкеты. Угли были, как освещенные закатом скалы острова. Юнга Джим шел по следам сокровищ и воевал с пиратами. Он оказался не таким уж размазней, каким выглядел.

Но вот вместе с пятым вечером кончилась книжка.

Честное слово, я растерялся. Я знал, что она должна кончиться, но нельзя же так сразу. Что же дальше? Не будет больше парусов, прибоя, дальних берегов?

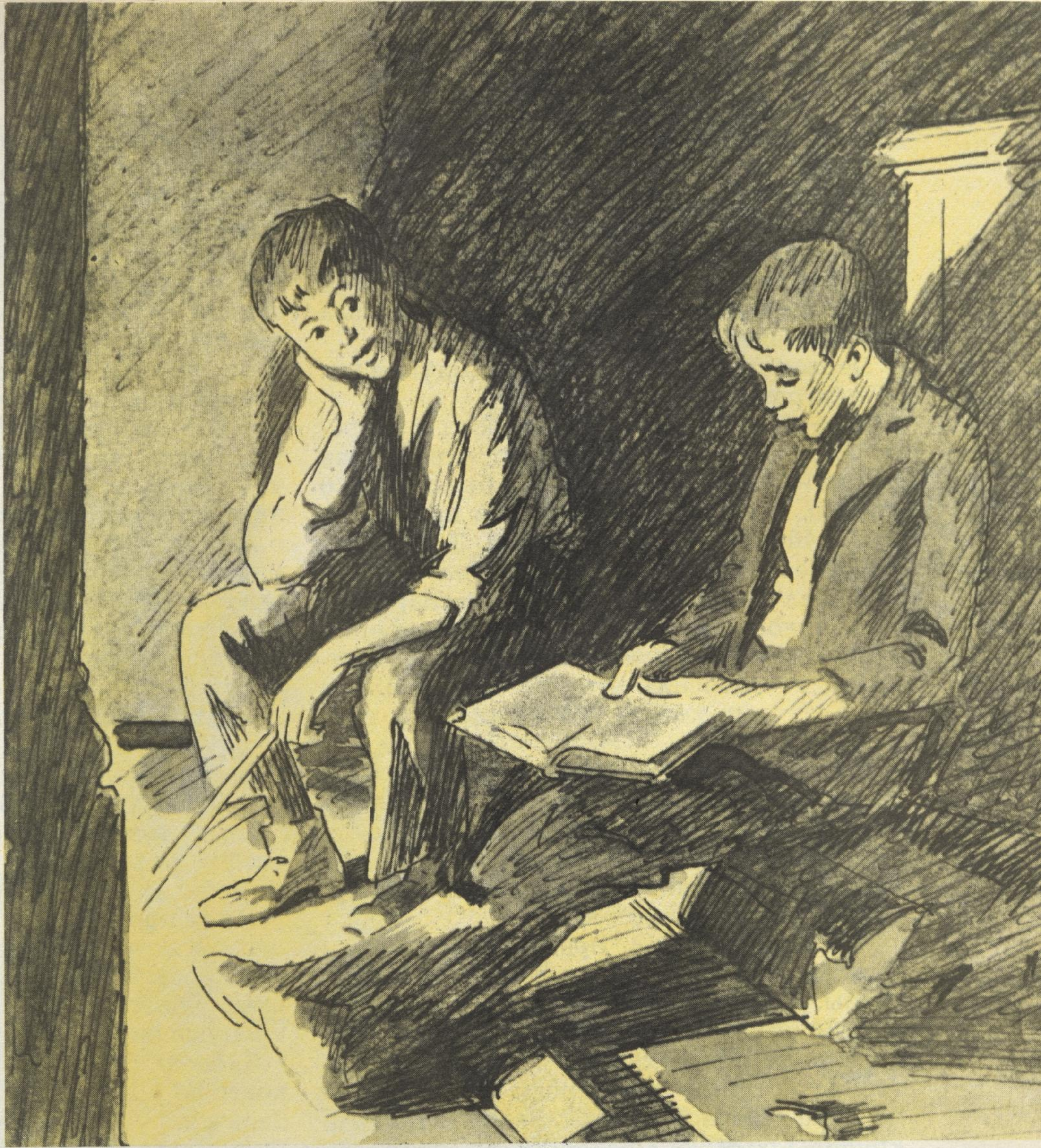
— Хорошая книжка, — потягиваясь, сказал Павлик. — Побольше бы таких.

— Разве есть еще такие? — очень удивился я.

— Завтра принесу одну. Выпросил кое-как у Сереги. Называется «Морская тайна».

«Морская тайна» тоже была замечательной книжкой, только тонкой. Два вечера мы читали про наших моряков, которые оказались в плену на подводном японском крейсере.

А потом Павлик принес «Приключения Гулливера».

Эту книжку мы читали
пять вечеров подряд.

Книжка начиналась словами, похожими на строчку из песни: «Трехмачтовый бриг «Антилопа» уходил в Южный океан»...

Мне показалось, что ласковый ветер пошевелил волосы и приподнял листы книги,— вот какие это были слова.

Но Павлик оборвал чтение.

— Что за чушь? — сказал он серьезно, даже встревоженно.

— Что? — не понял я.

— Не бывает же трехмачтовых бригов...

Для меня эта наука была, как темная ночь.

— Почему?

Несколько секунд он смотрел на меня молча, потом, видно, понял, что разговаривать со мной об этом бесполезно. Сердито и негромко сказал:

— Вот потому... Кончается на «у».

— Раз написано, значит, бывают, — заметил я.

Тогда он взорвался:

— Написано! Если он трехмачтовый с прямыми парусами, значит, он фрегат, а не бриг!

— А если не с прямыми?

— Не с прямыми бриги не бывают, яс-

но? Они всегда с прямыми, всегда двухмачтовые! Вот!

— Откуда ты знаешь?

Он уже успокоился и не хотел спорить.

— Мало ли... Откуда хочешь... Словари-то почти в каждой книжке есть...

— Ну ладно. Давай читать, — нетерпеливо потребовал я.

Он помолчал немного и вдруг сказал:

— Не буду.

— Ну, Павлик! — взмолился я.

— Не буду, — спокойно и твердо повторил он. — Если с первого слова вранье начинается, дальше, значит, совсем...

Я понял, что он в самом деле читать не станет. Все рушилось. Погибал хороший вечер с горящей печкой и заманчивой книжкой, где на картинках были якоря, корабли и маленькие воинственные человечки из неизвестной страны.

— Все ты знаешь! — бросил я с отчаянной обидой. — Морской профессор! Может, раньше были трехмачтовые бриги! Сейчас нет, а раньше были! Совсем давно!

— Раньше? — повторил он.

— Ну да! — уцепился я за спасительную мысль. — Ты все на свете знаешь, что ли?

Нет, все на свете он не знал. Подумал и согласился:

— Может, правда. Раньше. Насчет раньше я только немножко знаю. Про каравеллы.

«Гулливер» был спасен. А когда и этой книжке пришел конец, Павлик раздобыл где-то «Пятнадцатилетнего капитана».

Первая глава называлась «Шхуна-бриг «Пилигрим»».

Я не забыл недавнего разговора и потребовал у Павлика объяснения: что это за штука — шхуна-бриг? И это было только начало. Я уже не хотел только приключений. Мне нужно было знание. То знание, которое отличает капитана от пассажира.

Я стал придирчив. Что такое «спардек»? Что такое «ванты»? Что такое «форстенги — стаксель»? Павлик стонал и ругался, но объяснял, что мог. Потом я, как и он, привык копаться в словарях и примечаниях.

Впрочем, это не портило наши вечера. Это было похоже на игру. Да и в самих словах «норд-вест», «бейдевинд», «формарсель» звучали отголоски удивительных морских историй. Это были слова из синей и белой песни моря.

Мы поняли тогда простую вещь: нам нужны не просто книжки про острова и тайны. Нужны такие вечера. Вечера с гудящим огнем и разговорами о маяках и коралловых рифах. И с ломтиками картошки, которые мы жарили на железной полоске у печной дверцы. Звонко стреляли крупички соли, на ломтиках появлялись коричневые пузырьки. Потом эти ломтики хрустели во рту, как печенье, и были вкуснее всего на свете.

В те дни все складывалось как-то удачно. Ушла тревога за отца: его часть вывели из боев, и она стояла в тихом городке с длинным нерусским названием. Отступил голод: мама получила какие-то дополнительные талоны на муку. Не за горами была и весна, и все знали, что весна принесет победу. Даже в школе мне везло: я получил две четверки по письму. Но запомнились прежде всего не дни, а счастливые вечера, согретые огоньком начинавшейся дружбы.

Правда, вначале их портила Татьяна. Взяла такую моду: придет из техникума, просунет в дверь голову и медовым голосом начинает допрос:

— Владик, а уроки ты сделал? Все? И по письму? А что было задано? А какие отметки в школе? А что сказала Антонина Петровна?

Эти разговоры надоели мне, как похлебка из мороженой капусты. Меня от них тошнило. Я даже пробовал скрипеть зубами, но скрип не получался, только зубам было больно. И однажды лопнуло терпение.

Я сказал, что это свинство. Да-да! И не простое, а громадное свинство. Нет, я правильно выбираю выражения! Как еще можно выражаться, если тебе каждый вечер портят настроение? Ну и жалуйся! Хоть директору школы! Каждый вечер одно и то же! Кашалоту в глотку такую заботу! Только попробуй! Думаешь, ты одна умеешь ремнем махать? Тысяча чертей и один грот-марсель с двумя рифами! Кто бы другой говорил об уроках! Нет, тот, у кого «хвосты» по черчению! Да, знаю, что такое «хвосты», еще хуже двоек! Об этих «хвостах» и говорю, да! А ты думала, о других? Можно и о других: еще хвостами называются те, кто за кем-нибудь таскается по пятам! Например, тот курсант из пехотного училища, или Лешка Солодовников, или... Ах, не мое дело? А тебе в мои можно соваться? Подумаешь, старше! Зато глупее! И не приду, буду ночевать у Павлика. Тебе же от мамы попадет! Что-о? Силенки не хватит! А вот так и смею! Подумаешь! Большая, а ревет...

Что и говорить, скандал был не меньше восьми баллов, но я выстоял в этой буре. Я победил.

С тех пор никто не мешал нам. Вечер бежал за вечером. Они пролетали словно в тени больших парусов, на которых танцевали отблески огня. Что это было? Вспышки пушечных залпов? Отсветы пламени вулканов? Блики таинственных береговых костров? Едва сгущались сумерки, как белые паруса уносили нас в синюю страну бурь и открытий. И мы жили в этой стране, пока с улицы не доносился стук в дверь. Долгожданный стук.

Да, несмотря на радости хорошего вечера, ожидание этого стука все время жило во мне. Оно пробивалось сквозь книжные тревоги, опасности тайны.

Отпирал дверь обычно Павлик. Он возвращался, и я спрашивал с замиранием:

— Чья мама пришла?

— Твоя,— говорил он со вздохом.

Я срывался и вылетал в кухню.

Не судите строго. Даже настоящие суровые капитаны становились маленькими в те минуты, когда им случалось встречать маму. Можно понять нас, мальчишек, росших без отцов. Мама — это было все. Мамино возвращение с работы — это была радость, о которой думали с утра. Пусть простят меня паруса и пассаты, что в этот счастливый миг я забывал о них. Я прижимался к маминому пальто, усыпанному бисером растаявшего снега, и мама говорила всегда одно и то же:

— Ой, Владька! Ой, ну сумасшедший ты человек! Я же вся ледяная, ты простудишься насмерть.

И я, худой семилетний малек с ноющими от ревматизма суставами, всегда отвечал:

лись бело-синие волны. Я просыпался от этого грохота.

— Мама, что это?

— Спи, маленький, — говорила она. — Это радио. Салют в Москве. Наши взяли еще один немецкий город...

Каравелла

Карта и каравелла появились у нас почти в одно время. Карта на сутки раньше.

В тот день я сидел дома, потому что утром старательно изобразил ужасный кашель. Татьяна разразилась длинной речью, обвиняя меня в лени и обмане, но мама вздохнула и разрешила в школу не ходить.

Итак, я лодырничал и пропустил важное событие, которое произошло в школе.

В положенное время вернулся с уроков Павлик. Окруженный морозным облаком, он ввалился в кухню и втащил за собой тонкие жерди, обмотанные грязной бумагой и марлей. Валенки его гремели, как ведра. С них сыпалась ледяная корка. Павлик поочередно дрыгнул ногами, и валенки, стуча, разлетелись по углам.

Я молча хлопал глазами.

Павлик тем временем гордо поднял жерди, потрянул их, и предо мной с треском развернулась карта полушарий.

Со сдержанным торжеством Павлик сказал:

— Во! Видал?

Я огуленно молчал. Первое впечатление было такое, словно непонятный великанище глянул на меня в синий бинокль.

Потом почудилось мне в карте что-то знакомое. Конечно, таких больших карт я раньше не видел, но все равно знакомое в ней было. Два синих круга на белом поле. Желто-зеленые материки с темными жилками рек лишь чуть вносили пестроту. Синий и белый цвета были главными.

История карты была связана у Павлика с первым плаванием и опасностями...

И предо мной с треском развернулась карта полушарий.

— Я? Простужусь? Я закаленный, как тысяча айсбергов!

Потом мы шли из кухни в нашу крошечную «прихожую», и я помогал маме раздеваться, пока Татьяна однообразно ябедничала на меня.

Потом мы садились чай пить с сахарным и звали Павлика, потому что его мама приходила еще позже.

После чая у меня начинали слипаться глаза. Неизвестно как я оказывался в кровати. Мне снились корабли и скалы, о которые с равномерным грохотом разбива-

— Каравелла...
Вот она какая.

Наша маленькая школа занимала старинный дом, в котором до революции жил какой-то купец. Мы учились на верхнем этаже, а нижний, полуподвальный, всегда пустовал. Осенью и весной его заливало, а зимой там было холодней, чем на улице. Всем был известен давний порядок: весной и осенью — вода, зимой — холод. Но в тот день, когда я «болел», порядок был нарушен: случилось зимнее наводнение. Говорят, лопнула какая-то труба.

Первые два урока школа жила радостным ожиданием: все были уверены, что вода вот-вот замерзнет. Тогда нижние комнаты превратятся в чудесные катки. Можно будет со свистом носиться на скользящих валенках по гулким залам, можно будет играть в «буру», гоня по льду пустые пузырьки из-под чернил.

Однако вода упрямо не застывала. Видимо, назло. Разведгруппы тайными путями проникали в подвал и возвращались с кислыми лицами. К третьему уроку в школе царило уныние. Только самые упорные не поддались печали. И Павлик не поддался.

После третьего урока он двинулся на разведку снова. Дверь в подвал была, конечно, закрыта. К тому же перед ней разгуливали две дежурные девчонки с карандашами, чтобы записывать нарушителей, и уборщица тетя Феня с метлой. Но у разбитого оконца, которое выходило во двор, никто не дежурил. Павлик пробрался к нему по сугробам. Он просунул голову и плечи в гулкий сырой полумрак. Конечно, сначала он ничего не увидел. Помещение

было без окон — что-то вроде широкого коридора, куда выходили двери всех комнат. Павлик сжал в ладони и бросил вниз снежный комок. Он думал, что услышит всплеск незастывшей воды, но комок ударился о что-то твердое. Лед?

Павлик перевесился через подоконник. Нет, черная вода поблескивала по-прежнему. А под окном приткнулись к стене три доски, сколоченные вместе. Это были остатки мостиков, по которым здесь ходили во время осеннего потопа.

Три сколоченные доски — это плот. Какой нормальный человек откажется от плавания по пустому подвалу, таинственному, как пещера капитана Немо. Павлик был нормальный человек. Он втиснулся в окошко вперед ногами, повис, держась за подоконник, и прыгнул на доски.

От удара и от тяжести край плота ушел на глубину. Вода залила валенки. Авария! Чтобы не было полной катастрофы, Павлик бросился с края на середину. Плот выпрямился и незаметно отошел от стены.

Только тут отважный капитан сообразил, что никакое судно не может плыть само собой, по щучьему велению. Нужен мотор, или парус, или в крайнем случае весло. Если нет весла, можно грести и ладонями, но для этого надо наклониться, дотянуться руками до воды. А как дотянешься, если плот качается? Вот-вот угодишь за борт. Ни присесть, ни наклониться.

Оставалось громко зареветь и сдать тете Фене и дежурным.

Павлик не заревел и не сдался. Он пред-

ставил, как поведут его на глазах у всей школы к директору Марии Павловне. Ужас! Под конвоем, в мокрых валенках. Под злорадное хихиканье девчонок! Не директора он боялся, а унижения.

Павлик на пиратский манер заскрипел зубами и прищуренно оглянулся, ища выхода. И нашел. В трех метрах от него поднимался над водой большой полуразвалившийся шкаф. Дверца его была украшена медной ручкой, похожей на узорный крюк. Павлик, вздрагивая от холода и злости, стянул с себя свитер и рубашку, снял ремень. Ремень он привязал к рукаву рубашки, а другой рукав узлом притянул к обшлагоу свитера. Потом сделал на обшлаге петлю.

Он говорил, что накинул этот аркан на ручку шкафа со второго раза. Наверно, хвастался. Но так или иначе, накинул. И подтянул бортом к шкафу свое судно. Край плота прижался к этому «причалу», и плот стал устойчивей. Павлик осторожно дотянулся до дверцы, чтобы оторвать рейку. Рейкой можно было грести и отталкиваться. Он рванул. Дверь сорвалась и грохнула поперек плота. По подвалу грянуло барабанное эхо. Павлик присел, ожидая вторжения тети Фени. Но было тихо.

Стуча зубами, он оделся. Потом заглянул в шкаф. Там плавал большой глобус с пробоиной в районе Северной Атлантики, а в углу стояли две большие палки, обмотанные грязной марлей. Сначала Павлик не подумал, что это за палки. Просто они удобней, чем рейка. И взял их.

— За них меня и вытащили,— сказал он.— А то как бы я выбрался? Окошко-то высоко, не уцепишься.

— Кто вытащил?

— Да так... Девчонка одна. Милка Журавлева. Она сзади меня на парте сидит. Я у нее чернила мажаю, когда у меня нет.

Я хихикнул. Имя было коровье—так звали корову Таисии Тимофеевны. А Павлик неожиданно рассердился:

— А чего гогочешь? Кроме нее, никто не знал, что я туда полез! А она знала и прибежала посмотреть, где я. И вытащила. А кто бы еще вытащил? Ты, что ли?

Я гордо и обиженно ответил, что, конечно, вытащил бы, если бы был в школе. А Павлик сказал, что раз меня не было, то и хихикать нечего.

— Слушай лучше...

Только во дворе Павлик понял, какая у него ценная находка. Карта всего мира! Он решил, что школе она не нужна, а нам нужна очень. И сунул ее в снег.

Весь четвертый урок Павлик провел в беспокойстве: не украл ли кто-нибудь карту? Но она оказалась на месте...

Мы прогладили карту горячим утюгом, заклеили дыры, подровняли, разлохмачен-

ные края. Потом один конец верхней рейки положили на спинку кровати, а другой на гвоздь, который Павлик нарочно вколотил в стену. Угол наш у печки оказался совсем отгороженным. Мы захватили в свои владения тумбочку, выкинули из нее всякий хлам и решили хранить в ней книжки.

Карта сделала уголок похожим на каюту. И все океаны, все земли были перед нами.

На следующее утро Павлик не пошел в школу. Не потому, что простудился. С ним-то ничего не случилось. Но чтобы просушить как следует валенки, Павлик затолкал их за печку, а она оказалась слишком горячей, и один валенок обгорел.

У него обуглился бок и вывалилась пятка.

Открылась эта беда утром. Я услышал, как тетя Аня за стенкой кричит плачущим голосом:

— Паразит ты безмозглый, нет на тебя никакой гибели! Не мог ты сам сгореть у этой печки! Это что же такое делается на свете!

Затем донеслись удары, похожие на отдаленное уханье барабана. Я узнал после, что тетя Аня в великой досаде лупила дорогого сына обгоревшим валенком между лопаток. И в самом деле, как тут было не расстроиться? Других валенок у Павлика, разумеется, не было. Их надо было покупать или выменивать на толкучке. Чтобы купить, лишние деньги нужны. А чтобы выменять... Ну на что обменяешь? Чаще всего меняли на хлебные карточки. Но ведь тогда с голоду совсем заведешь.

Однако лупи не лупи, горю не поможешь. К тому же после каждого удара валенок выбрасывал клубы едкой коричневой пыли. Тетя Аня закашлялась, швырнула остатки валенка под кровать и ушла на работу. Дверью грохнула так, что дом заколыхался и долго дзенькал стеклами, а наш старый самовар крякнул и осел на один бок.

Павлик остался дома. Я позавидовал такой его удаче и поплелся один в школу, потому что повторить свой трюк с кашлем не решился.

Когда я вернулся, Павлик встретил меня на пороге. Сказал нетерпеливо:

— Пойдем, покажу что-то...

В комнате на черной клеенке стола лежала знакомая мне летняя испанка с кисточкой. Вернее, не лежала, а стояла торчком, пряча под собой что-то загадочное.

Павлик оглянулся на меня и поднял испанку за уголок. Поднял осторожно, словно там сидела удивительная бабочка, и он не хотел, чтобы эта бабочка сразу улетела.

Она не улетела. Она оказалась белым корабликом.

Кораблик был нарисован на бумаге, вырезан и держался на маленькой подставке. То есть мне сначала показалось, что он нарисован, а потом я разглядел, что это печатная картинка.

Были у кораблика круглые борта, высокая узорчатая корма, туго надутые паруса разных размеров и форм. Самый маленький парус пристроился под задорно выдернутым бушпритом.

Удивительный был кораблик — весь наполненный ветром.

Павлик ласково сказал:

— Каравелла... Вот она какая!

Так появилась у нас каравелла.

В общем-то не случилось ничего необычного. Просто Павлик начал от скуки рыться в старых журналах и нашел в одном картинку с корабликом. Он безжалостно вырвал лист, наклеил вареной картошкой на кусок картона и очень аккуратно, маленькими ножницами вырезал каравеллу. Потом он укрепил ее на подставке из разрезанной пополам картофелины.

А днем он показал каравеллу мне. Вот и все.

Но мы оба понимали, что это не все. Потому что очень хотелось необычного.

— Пойдем, — сказал Павлик.

Мы пролезли за карту, в нашу «каюту». На тумбочке вместо развалившейся электроплитки с чайником стояла старая лампа без абажура. Она ровно и неярко освещала пестрые земли и синие океаны. Без лампы здесь было бы темно: ведь печка не топилась.

Павлик посмотрел на меня с незнакомой какой-то улыбкой — немного смущенной и мягкой.

— Океаны есть, — сказал он. — Моря есть... Да, Владик? Можно плавать, где хочешь...

Было тихо. За окнами далеко вскрикнул удивленно паровоз. Скреблась за шкафом старая, всем знакомая мышь. Еле слышно звенел в горящей лампочке волосок. Я молча поставил на ладонь каравеллу и поднес ее к карте. Она оказалась в Охотском море.

— Нехорошее место, — вполголоса сказал Павлик. — Японцы, подводные лодки.

Я кивнул и, качнув ладонью, повел каравеллу к выходу в океан, держась у берегов Камчатки.

Так началось плавание.

Уставала рука. Ныло плечо, затекала кисть. Ведь плавание продолжались подолгу, и все это время приходилось держать кораблик у карты. В поднятой ладони.

Конечно, можно было сделать иначе. Можно было карту развернуть на полу, а каравеллу двигать по морям, как пешку по доске. Но мы так никогда не поступа-

ли. Почему? Трудно объяснить. Нет, мы не боялись открыть нашу «каюту»: все равно все вечера мы были одни. Боялись другого: если сделаем что-нибудь не так, как вначале, исчезнет радость игры. Эта радость, окрашенная легким отблеском тайны и приключений, требовала многого. Ей нужен был тихий шелест висящей карты, потрескивание огня, покачивание ладони, на которой стоит каравелла. И даже ноющая усталость в руке была нужна. Так уставали руки рулевых после долгих штормовых вахт. Мы боялись что-то изменить. Так боятся иногда легким шумом спугнуть лесную тишину или неточной линией испортить хороший рисунок.

Мы полюбили каравеллу радостно и крепко. Порой я забывал, что она просто плоский бумажный кораблик. Каравелла снилась по ночам — большая и настоящая. Подробно и ярко я видел, как подходит она к скрипучему деревянному пирсу и выпуклый борт ее нависает над грудями пузатых бочек, свернутыми в кольца канатами и причальными тумбами. Высоко поднимается корма, похожая на узорчатый дом с узкими окнами и балкончиками. Пахнут дегтем коричневые доски обшивки. Почему-то пахнут огуречным рассолом желтоватые свернутые паруса. На тугих, как струны, вантах сидят и весело скалят зубы парни в пестрых косынках. И вся каравелла, еще не остывшая от солнечного жара южных морей, дышит теплом, как подошедший вплотную паровоз...

Слова «мыс Горн» и «Кейптаун», «Каттегат», «Тасмания» уже не звучали как непонятная музыка. Мы знали, где эти места, чем хороши и чем опасны. Мы прошли на своем судне через два океана вслед за Диком Сэндом, а потом повторили тяжелый путь Лаперуза. О Лаперузе прочитали мы в суровой и печальной книге «Навстречу гибели».

Тень нашей каравеллы скользила по океанам.

Еще в тот вечер, когда я впервые поставил каравеллу на ладонь, Павлик сказал:

— Ты не шурши ею по карте, держи ближе к свету. Пусть на карту падает тень. Там, где ляжет тень от бушприта, там мы, значит, и плывем.

Я придвинул каравеллу к лампе, нацелил бушприт на мыс Доброй Надежды. Тень нашей каравеллы темной бабочкой легла на Индийский океан...

Там, где ляжет тень каравеллы, зашумят над волнами наши паруса и защелкают флаги.

Там, где ляжет тень каравеллы, мы пройдем сквозь тяжелые удары выстрелов и штормовое завывание ветров.

Там, где ляжет тень каравеллы, будут трудные дороги, соль разъест на ладонях кожу, морозы сожгут лицо, солнце обуг-

яснить. Нет, мы не «каюту»: все равно дни. Боялись другобудь не так, какость игры. Эта ратим отблеском тайбовала многого. Ейст висящей карты, качивание ладони, елла. И даже ноюбыла нужна. Такых после долгих ялись что-то измеда легким шумом или неточной лирисунок.

еллу радостно и ал, что она проораблик. Каравелбольшая и настоявидел, как подхоеревянному пирсу сает над грудамив кольца канамми. Высоко подя на узорчатый и балкончиками. ие доски обшивречным рассолом аруса. На тугих, и весело скалят осынках. И всяая от солнечношит теплом, как аровоз...

«Кат-Сейптаун», «Катне звучали как алали, где эти мены. Мы прошли океана вслед за овторили тяжеерузе прочитали книге «Навстре-

скользила по впервые постаПавлик сказал: карте, держи карту падает от бушприта,

лампе, нацелил адежды. Тень абочкой легла

еллы, зашумят и защелкают

еллы, мы пройвыстрелов и

веллы, будут т на ладонях солнце обуг-

лит плечи. Тысячи загадок лишат человека покоя и сна. Но не будет там в жизни уныния и ленивой скуки.

Два капитана и Боббин Тэпп

Павлик — брат мой и товарищ... Вот ведь как получилось! Семь лет жили рядом, перекликались по вечерам через тонкую стенку, спорили временами, вместе иногда в кино бегали, случалось потом — вместе шагали в школу. Заглядывали в гости, просто так. И не знали до той зимы, как мы нужны друг другу.

А ведь были нужны, черт возьми! И не только в те вечера. Ведь недаром так отчаянно искали друг друга потом, хотя в жизни хватало иных забот.

Я помню, как встретились мы через... даже боюсь сказать, сколько лет. Я приехал к нему в окруженный соснами городок, взлетел по лестнице на третий этаж, отбиваясь чемоданами от возмущенного вахтера, толкнул дверь со знакомой фамилией на табличке...

Конечно, я знал, что не увижу там худого мальчишку с отросшей челкой над озорными глазами, в больших валенках и голубом бумажном свитере с широкой щелью застежки на левом плече. Но все же растерялся на секунду. Я увидел коренастого дядьку с залысинами и с рубцом на щеке. Дядька энергично орал в телефон. Я с удивлением выслушал конец разговора:

— ...посылал и буду посылать! И не одну, а четыре экспедиции. Нет, четыре! Что?! Пусть катится со своей комиссией к... ко всем морским ведьмам! Вот так! — Он швырнул трубку на рычаг и поднял на меня глаза. Дядька был незнакомый, а глаза Пашкины.

— Значит, это ты и есть? — спросил он, остывая и делаясь насмешливым (вот язва, все такой же!).

— Свинство не писать столько времени, — сказал я, швыряя в кресло чемодан (кресло охнуло). — Бюрократ. Телефончики тут у него, понимаете ли... И скажи вашему вахтеру там, внизу, чтобы не кидался на меня, как на шпиона...

— Смотри-ка ты, — заметил он, — прищурившись. — Еще и ругается. Нун-ну... А в общем-то, ничего, хорош. Длинные брюки тебе идут. И значок университетский...

— Лысая образаина, — сказал я. — А был когда-то похож на человека.

— Книжечки все пишешь? — спросил он. — Знаю, читал как-то. Одну. Ничего. Не Чехов, конечно...

— Он читал! — хмыкнул я. — Можно подумать, что он что-то читает, кроме своих графиков и отчетов. Растерял всю шевелюру над своими синхрофазомолотилками. Кабинетная крыса.

Мы медленно сошлись, меряя друг друга насмешливыми взглядами. Он вдруг облапил меня и тихо сказал:

— Владька... Владька...

— Павлик...

Но это было потом, долгое время спустя. А в ту зиму мы не думали ни о будущих встречах, ни о расставании. Мы были счастливы.

Среди огорчений и редких радостей школьной жизни, среди снежных игр и дневных забот Павлик оставался прежним. Как и раньше, убегал куда-то с незнакомыми мне Серегой Сазановым и Вовкой Брыком. На переменах со своими приятелями гонял во дворе обледенелый дырявый глобус, который у них назывался «мяпа». Строил с Дыркнабом какие-то сани с рулем. Правда, он не насмешничал, как раньше, но почти забывал про меня.

Но я пишу про каравеллу. И та зима вспоминается сейчас не застывшими чернилами, не тетрадками, сшитыми из газет, не очередями у магазина. Она вспоминается, как непрерывная цепь «корабельных» вечеров.

В ожидании такого вечера Павлик становился спокойным и ласковым. Он даже называл меня Владик, а не Владька, хотя Владькой меня звали все, в том числе и мама.

Я приходил к Павлику, когда за окнами плотно синели сумерки. Он меня ждал, не зажигая света. Бесшумно выходил из комнатного сумрака и вполголоса говорил:

— Пришел... Хочешь хлебушка?

Он вынимал из кармана плоский кусочек и ломал пополам...

Несколько лет спустя я услышал или прочитал где-то слова: «...и у огня он разломил с ним свой хлеб». Это были слова о братстве. Я вспомнил тот ломтик хлеба, частичку четырехсотграммового пайка.

Но это случилось потом. А тогда мы жевали кисловатый мякиш, разжигали печку и включали лампу. И доставали из тумбочки каравеллу.

Мы не спорили об имени корабля. Он был просто каравеллой. Мы не делили должностей и званий: оба были капитанами. Зато делили пополам не только хлеб, но и подвиги и славу.

А подвигов было много. Вот их история, история каравеллы, сложившаяся у огня и карты.

Однажды весной два моряка с миноносца «Летучий» попали в плен к фашистам. Эсэсовцы заковали их в цепи и отправили на гранитный остров у западных берегов Балтики. Ночью пленников держали в холодных фанерных бараках, а на рассвете угоняли на другой конец острова, где был тайный, подземный завод. На заводе выпускались торпеды.

Конечно, два храбрых моряка не соби-

рались работать на фашистов. Темной ночью они распилили цепи, стукнули часовых тяжелыми табуретками и отобрали у них автоматы. Потом беглецы бросились на аэродром, где стоял двухместный самолет начальника лагеря. Перестреляв охрану, они запустили моторы и взмыли над гранитными зубцами острова.

Моряками были, разумеется, Павлик и я.

Мы вырвались на волю! Сначала сбросили на завод бомбы, которые нашлись в самолете, а потом взяли курс на восток. Завод рванул так, что самолет отбросило километров на сто! От удара мы потеряли сознание.

И я и Павлик были, конечно, хорошими моряками, но хорошими летчиками мы не были. Да и самолет был дурацкий — не наш, а немецкий. Мы заблудились среди туманов и туч. А потом ударил штормовой ветер, и нас понесло неизвестно куда. Горючее давно кончилось, но ветер был такой, что носил самолет, как бумажную голубку. А когда шторм кончился, мы увидели под крыльями волны океана.

Павлик посадил самолет. Машина была легкая и качалась на волнах, словно лодка.

Из парашюта мы соорудили отличный парус, и пассаты несли нас по океану, пока не встал из воды заросший пальмами остров.

Там нас захватили в плен туземцы. Привязанные к пальмам, целый день мы жарились на солнце, а племя решало нашу судьбу. Наконец судьба была решена, и коричневые воины деловито зачиркали брусками по наконечникам стрел и копий.

— Скверное дело, — заметил Павлик. — Надо как-то сматывать удочки, а то продырявят в десяти местах.

Старый лохматый вождь Табу-Ретус, закутанный в плащ из нашего парашютного шелка, настороженно прислушивался к Пашкиным словам. Потом озабоченно заговорил по-английски (мы его, конечно, поняли):

— О чужеземцы! Речь ваша мелодична и совсем не похожа на карканье тех, кто прилетал сюда раньше на железных птицах с черными крестами. Кто же вы?

Мы горячо заверили почтенного вождя, что не имеем ничего общего с теми, кто прилетал сюда раньше, а «железную птицу» похитили у своих врагов.

В тот же вечер был большой праздник, и под бой барабанов племя смелых охотников за акулами приняло нас в почетные вожди. А старый Табу-Ретус, прослезившись от волнения, сказал:

— Мы были бы счастливы, если бы вы навсегда остались с нами. — Но вы отважные воины. Вас зовет дорога битв и подвигов. Мы не задерживаем вас. Много тысяч лун назад здесь впервые появились

белые люди. Они приплыли и погибли, потому что пришли как враги. Остался их корабль. Он стоит в тихой лагуне. Он стар, но крепок. Вы пришли как друзья, и этот корабль — ваш. Да хранят вас демоны моря...

Удивительно, как она сохранилась. Даже краска на деревянных узорах кормы облезла лишь местами. На гладком полу кают лежали солнечные рисунки узких решетчатых окон. Под бушпритом, на блиндаре, зеленой бахромой повисли пышные лианы. Казалось, что у каравеллы выросли усы. Мы взяли за ручки штурвального колеса. Оно со скрежетом повернулось, шевелив заснувший руль: в порядке. Паруса истлели, но у нас хватало материи от парашютов. Днище было обито медью, и морские черви его не тронули.

На палубе мы увидели восемь позеленевших пушчонок и подарили их Табу-Ретусу. Нам требовалось иное оружие.

Мы вооружили каравеллу малокалиберной пушкой с самолета, а потом, когда потопили пару немецких торпедных катеров, сняли с них еще несколько пушек и пулеметов.

И началась такая жизнь, что захватывало дух.

Мы жили в морях, удивительных, как сон. В них бродили пиратские эскадры, всплывали под звездное небо невиданные чудовища, у островов сквозь солнечную воду видны были затонувшие корабли. На них скрывались тайны и клады. А по горизонту, зловеще дымя, тянулись немецкие эскадры, еще не зная, какие беды им несет старинный корабль с блестящими парусами.

Для начала мы разгромили у берегов Тасмании парусную флотилию кровожадного Джимми Косопуза, а потом, в северных фиордах, утопили один за другим двенадцать фашистских катеров-торпедоносцев и сожгли их базу. После этого ушли в реку Амазонку, чтобы поохотиться на крокодилов. Это была не просто забава. Из крокодильих шкур мы хотели сшить водолазные костюмы, чтобы в них пробираться на вражеские корабли.

В устье Амазонки нас заперла немецкая подводная лодка «Летучая пиявка».

Командир «Пиявки» фюрер-капитан Боббин Гапп, размахивая белым флагом, явился на борт каравеллы. Он был худой и длинный, как грот-мачта, с лошадиной головой и блестящими стальными зубами. На его высокой фуражке сверкал череп со скрещенными якорями. Приятно улыбаясь, Боббин Гапп заявил:

— Я буду иметь предложить вас сдаваться. Ваша борьба есть без пользы. Если вы сдадитесь, мы вас отпустить домой. Если нет — мы вас бросим к акулам.

— Мы будем иметь дать вам по шее, —

изячно ответил Павлик,— если вы сейчас же не уберетесь на ваш ржавый бочонок. А потом мы будем иметь пустить вас на дно. Только жаль акул, которые отравятся вашим протухшим мясом.

Боббин Гапп отправился восвояси и вызвал по радио на помощь два миноносца и пиратский клипер «Три кашалота».

Конечно, мы обманули врага и ночью ускользнули в океан. Однако на следующий день «Пиявка» и ее друзья стали догонять нас. Отстреливаясь, мы растянули на реях и штагах всю материю, до последней салфетки. К счастью, дул хороший ветер с веста. Клипер мы подожгли, а миноносцы и субмарина отстали.

Это был горячий денек и счастливый вечер. Ох, какая это радость, когда выигран бой, остывают стволы, ветер поет в такелаже, а впереди свободное море!

...В пятнадцать лет, когда, как и всем, пришла мне пора писать стихи, я вспомнил подвиги каравеллы и об этом вечере оставил такие строчки:

В ушах пальбы утихнул звон,
И сумерки легли,
Ушли за темный горизонт
Чужие корабли.
Мы без огней плывем во тьме,
Уйдя от всех погонь,
И лишь украдкой на корме
Горит, как свечка на окне,
Нактоузный огонь...

В тот раз мы ушли от «Летучей пиявки», но скоро она догнала нас опять и несколько раз посылала в нас торпеды. К счастью, мимо. Ночью мы подкараулили, когда «Пиявка» всплыла, чтобы набрать воздуха, и вlepили ей в рубку два снаряда. От такого «гостинца» Боббин Гапп сразу потерял смелость и повел свою посудину на базу ремонтироваться.

Пока он ремонтировался, мы освободили узников в том самом лагере, из которого бежали, побывали в Севастополе, где получили награды от командующего флотом, потом боролись с ураганом в гремящих сороковых широтах, охотились за работниками на южном побережье Африки. И наконец решили навестить старого друга Табу-Ретуса.

У самого острова нас опять настигла проклятая «Пиявка». Мы едва успели проскочить в лагуну.

Мы сидели в гостях у охотников за акулами, а гнусный Боббин Гапп на своей посудине болтался у входа в лагуну и каждый день присылал с парламентарями ехидные письма.

Мы жаловались Табу-Ретусу:

— Чертово подводное корыто! Если бы вытянуть его на поверхность, мы бы дали ему прикурить! А под водой как его достанешь?

Мудрый Табу-Ретус думал:

— О мои братья,— изрек он наконец.— Я думаю так: эта злая «Пи-явка» все равно, что большая морская черепаха из железа. А ловить больших черепах наши охотники умеют с давних пор. Нужны рыбы-прилипалы.

Про таких рыб мы слышали. Это очень ленивые морские твари. Чтобы не плавать самим, они присасываются к кораблям, к китам и даже к акулам и путешествуют вместе с ними...

Итак, Боббин Гапп радостно потирал руки, а мы ловили тем временем рыб-прилипал целыми сотнями и дрессировали их в лагуне. Потом мы привязали к хвосту каждой рыбы длинный линь из кокосового волокна и смело вышли в море.

Конечно, «Пиявка» бросилась на нас, но прежде, чем она успела выпустить торпеды, к ней устремились две тысячи дрессированных прилипал. Они облепили лодку со всех сторон. Мы запустили лебедку и подтянули каравеллу вплотную к «Пиявке». Она болталась под нами на глубине пяти метров! Теперь Боббин Гапп не мог ударить нас торпедами. От взрыва развалилось бы его собственное корыто. «Пиявка» включила двигатели и долго таскала нас по морю. Потом у нее кончился воздух, и она всплыла.

Это было последнее всплытие «Летучей пиявки». От залпа наших пушек она развалилась на две части и пошла на дно.

Боббин Гапп выбросился через торпедный аппарат. Он долго плыл за каравеллой, просил прощения, кричал и плакал. Потом его съел кашалот.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В
СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ

Рисунки А. КРЫЛОВА

И. ОВЧИННИКОВА

Перед тобой чистый лист, вырванный из школьной тетрадки. Крупно, старательно ты написал на нем пока одно только слово: «Заявление». Подчеркнул и задумался. Что же сказать дальше? «Прошу принять меня в члены ВЛКСМ. Хочу...»

Чего же вы хотите, мальчики и девочки, достигшие полагающихся по уставу четырнадцати лет? Что имеете в виду, когда после некоторых раздумий выводите слышанные где-то, примелькавшиеся слова: «...быть в первых рядах»? И какие они, эти первые ряды?

Готов ли ты всю жизнь шагать впереди? До сих пор ты был ведомым. Ты шел за вожаком — старшеклассником, комсомольцем. Готов ли ты стать ведущим, вести за собой других? Завтра и послезавтра — всегда? Не торопись выкрикнуть: «Всегда готов!» Подумай сначала. Сегодня подумай, раньше, чем зажмешь в руке маленькую книжечку с ленинским профилем на обложке.

Ты вступаешь в Коммунистический союз молодежи. Коммунистический. Не случается ли так, что, вступая в его ряды, ты не очень-то серьезно вдумываешься в первое и главное слово названия своего союза? Ну, правда же, что будут говорить о тебе твои товарищи из совета дружины, рекомендуя тебя в комсомол? Какие качества перечислят?

Скажут: активный. Но в чем? Может быть, ты просто-напросто хорошо читаешь стихи или поешь и потому постоянный участник школьных вечеров. Или любишь путешествовать, и потому не обходится без тебя ни один поход.

Скажут: хороший товарищ. Но был ли случай проверить тебя в деле? Или все ограничилось вещами элементарными: заболел сосед по парте, и ты пошел к нему домой, объяснил пропущенные уроки.

Я слышала однажды, как, рекомендуя товарища в комсомол, член совета дружины говорил о нем: отличный спортсмен, защищает честь школы в самых различных соревнованиях. А я думала о том, что юноша собирается вступить не в спортивное общество «Юность» и не в яхт-клуб. Он готовится стать членом политической, понимаешь, политической организации. И, значит, речь должна идти в первую очередь об убеждениях и готовности постоять за них.

Ты можешь усмехнуться, читая эти строки: зачем спрашивать об убеждениях человека, не только отец, но даже дед которого вышел из страны Пионерии, прошел через страну Комсомолию... Ясно, мол, какие убеждения — правильные. Да и с кем прикажете сегодня за них бороться, как и кому доказывать приверженность коммунистической идее?

Попробую поспорить с тобой. Коммунист в наши дни (а комсомолец — разве не завтрашний коммунист?) — это раньше всего совершеннейший образец человеческого поведения. Один из способов доказать миру превосходство коммунистического идеала в сравнении со всяким иным — вырастить поколение людей, прекрасных нравственно и физически, всем обликом, всем строем мыслей и чувств соответствующих издавна вымечтанному человечеством образцу.

Значит, если ты называешь себя молодым коммунистом, ты должен строго спросить себя: готов ли я к неустанной борьбе с собст-

ТО ХОТЕЛ БЫ СТАТЬ КОМСОМОЛЬЦЕМ

венными слабостями, готов ли к непрерывному, ни на день не прекращающемуся сражению с самим собой?

Правда, твои завоевания не очень заметны, их трудно предъявить, невозможно перечислить в рапорте. И все-таки это настоящие победы. Ими можно гордиться.

Вот твои сверстники часто спрашивают: можно ли вступить в комсомол с тройками? Мне кажется, тройка тройке рознь. У одного она свидетельство душевной лени, стремления жить потихоньку, не переутомляя себя, на минимуме усилий. А для другого тройка — предел, достигнутый ценой величайшего напряжения. В первом случае она опасный симптом. Есть все основания крепко призадуматься, прежде чем принимать человека в комсомол. Во втором — тройки в таблице не должны нас смущать. Так я думаю.

Смущать, по-моему, должно другое. Однажды в классе, где я была классным руководителем, рекомендовали мальчишку в комсомол. Все шло как по маслу, ни у кого никаких сомнений. И тогда я позволила себе вставить слово:

— Но ведь он может солгать. Пусть пока в мелочах, но может же.

— Ну и что? — загалдели ребята. — А кто не врет, все врут, одни больше, другие меньше. Найдите такого, кто совсем уж без греха. Тогда некого будет и в комсомол принимать.

— Нет, неправда это, — стояла я на своем. — Они есть, есть и среди вас люди, способные устоять перед любыми соблазнами, готовые жить по формуле «если не я, то кто же?», люди, которые никогда не попадутся на удочку пошленькому житейскому утешению: мол, подумаешь, все такие, все с каким-нибудь изъянцем.

Я не знаю, удалось ли мне тогда убедить ребят. Но сама я убеждена: если ты живешь по принципу «все так, и я так», ты еще не комсомолец. По крайней мере сегодня. Завтра, возможно, дорастешь, что-то в себе поборешь, изменишь. Потому что, если человек уже задумался над своим характером, если ему что-то в себе не нравится, это уже немало. Ну, например, ты знаешь за собой такую слабость: каждый раз даешь себе слово начать с понедельника жить по-новому, а потом глядь — уже и вторник и среда, но все идет, как раньше. Вот и попробуй справиться с собой сейчас, сегодня, испытай себя на выдержку, на крепость. Удалось? Отлично. Значит, ты сделал шаг навстречу тому дню, когда с чистой совестью сможешь сказать: «Я готов».

Комсомолец — прежде всего деятель. Не

словами, а каждодневно совершаемыми поступками предстоит тебе доказать приверженность коммунистической идее.

Я знаю ребят, которые мнят себя настоящими комсомольцами на том основании, что безотказно выполняют так называемые поручения. Не трогай их — и они будут сидеть преспокойно, пусть на их глазах творится что угодно. Зато если «велели», они сделают. Тоже что угодно.

Вот я расскажу тебе такую историю. В одну школу, сельскую, далекую от райцентра, приехал инспектор и привез контрольную работу по математике. Учительница показала ребятам задачи и примеры за день до контрольной. Их перерешали. И когда во время контрольной на доске появились те же самые задачи, ребята очень удивились. Класс зашумел, засмутился, но все достали свои ручки, листочки в клеточку и принялись списывать с доски условия. И тогда встал один мальчик и сказал: «Мария Петровна! Так нечестно. Мы так не хотим. Дайте нам другую контрольную. Настоящую». Ему было, наверное, очень трудно, этому мальчику. Он не знал, как отнесутся к его поступку товарищи, учительница, но он знал: он комсомолец, и иначе ему нельзя.

«Если тебе комсомолец имя», ты не позволишь себе быть равнодушным к обману и надувательству. Ты выступишь против. И всегда в жизни ты будешь непримирим к подлости, стяжательству, карьеризму.

И ты всегда найдешь дело, которое послужит людям.

Ты не будешь ждать, когда директор школы призовет тебя превращать пустырь в стадион или сад. Ты сам возьмешь в руки лопату и позовешь товарищей. Ты не станешь дожидаться вызова на комитет, где тебе предложат шефствовать над младшими. Ты сам пойдешь в первый класс и поможешь учителю работать с теми, кому трудно дается грамота, сам организуешь в своем дворе малышей, если увидишь, что они слоняются без интересного дела, сам встанешь на защиту несправедливо обиженного. И всегда ты будешь спрашивать себя в тревоге: а вдруг я комсомолец только по названию?

Так готов ли ты быть настоящим, четырнадцатилетний товарищ, написавший на тетрадном листке пока одно только слово: «Заявление»? «Стойте, мальчики, будьте высокими!» И к тебе тоже обращены эти хорошие слова. Готов ли ты быть высоким? Всегда, даже если очень трудно? Потому что высота никогда не бывает легко достижимой. Иначе какая же это высота?

ИЗ ПОКОЛЕНИЯ В ПОКОЛЕНИЕ ПЕРЕДАЕТ КОМСОМОЛ СВОИ ТРАДИЦИИ. ТАМ, ГДЕ ТРУДНО, ТАМ, ГДЕ НУЖНЫ СМЕЛЬЧАКИ, ПЕРВООТКРЫВАТЕЛИ, ТАМ РЯДОМ С КОММУНИСТАМИ ВСТАЮТ КОМСОМОЛЬЦЫ.

ДАЕШЬ УГОЛЬ!

1921 год. Только что закончилась гражданская война. Кругом разруха. Стоят фабрики и заводы. Плохо работают железные дороги. Нет угля. Угольные шахты затоплены водой. Из 2 000 шахт «Всероссийской компании» (так в то время называли Донбасс) работает меньше 200.

Комсомол Украины берет над Донбассом шефство. На комсомольских собраниях принимаются решения: всем идти на подземные работы.

На этой фотографии ты видишь тех, кто возглавил комсомольские ячейки Горловско-Енакиевского района Донбасса. Прямо после конференции они первыми спустились в шахты. За ними пошли все комсомольцы.

Работали по пояс в воде, питались картошкой, но к декабрю 1921 года восстановили Донбасс.

Комсомольцы Горловско-Енакиевского рудника.

1921 ГОД

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ + ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ = КОММУНИЗМ

В годы первой пятилетки, когда мы сооружали гигантские заводы, электростанции, строили новые города, комсомол на всех стройках развернул социалистическое соревнование.

В 1929 году мы начали создавать самую большую в Европе гидроэлектростанцию — ДнепрогЭС.

Кладку плотины — длиной 760 метров! — вели сразу с правого и левого берега реки. Строители правого и левого берега соревновались друг с другом. Об итогах соревнования возвещала световая сигнализация. То зеленые, то красные лампочки зажигались на мачтах, установленных на обоих берегах Днепра. Вспыхнула красная лампочка — значит, 300 кубометров бетона уложено. Вспыхнула зеленая лампочка — уложено 100 кубометров бетона. Ну, а если удавалось уложить 1 000 кубометров бетона, на верхушке сигнальной мачты зажигалась большая красная звезда.

Чтобы кончить строительство в срок, к маю 1932 года, днепростроевцы должны были в 1930 году уложить в плотину 500 000 кубометров бетона, почти в три раза больше, чем в предыдущем году. Как им это удалось? А вот как! Читай письмо комсомолки Кати:

«...500 000! Эта цифра сейчас у каждого в уме и на языке (Сергей ухитрился ее написать даже на скале — пусть, мол, все видят).

Я с группой комсомольцев объявила себя мобилизованной на все времена и каждый день отдыха решила отработывать по четыре часа. То же самое сделали Ольга и Ксана с Владимиром. И вот теперь мы из камнеломов превратились в бетонщиков. Мы ходим в котлован, и, когда сверху подадут бетон, Сергей как вспоминает о ней Довжик:

«От края до края серебрился высокий ковыль. К лету он высыхал и делался сизым, тонко шелестел на ветру. Жили мы в палатках. Не было воды. Трудно было с доставкой продовольствия. Кормили нас концентратами. Меня назначили бригадиром. У нас было всего два трактора. Но мы не боялись трудно-

обычно первый бросается к бадье и начинает отпирать дно. После этого мы все, и добровольцы и профессиональные бетонщики, танцуем на бетонном тесте... Между прочим, это очень нелегко, и ноги у меня сейчас словно чужие...

Как-то на днях ночью, когда мы шли домой, на правом берегу горело две звезды. Правобережные праздновали победу — они уложили 2 020 кубометров бетона. Инженеры говорят, что таких темпов не достигла ни одна страна в мире!»

В марте 1932 года величайшая в мире плотина была построена. Комсомольская организация Днепростроя была награждена орденом Ленина.

Вот знакомься — это одна из бригад бетонщиков Днепростроя, руководила ею комсомолка Женя Романько.

1929 ГОД

ПЯТЬ ТЫСЯЧ ГЕКТАРОВ

стей. Ведь не случайно у каждого из нас лежала в кармане у сердца комсомольская путевка...

Пять тысяч гектаров целины подняла бригада Довжика. В зимние дни, когда работы было меньше, трактористы и комбайнеры стали учиться строительному делу. В перерывах между полевыми работами сами построили дом, мастерскую, столовую. Кругом посадили сад. Однажды пригласили к себе ребят из детского дома. Несколько дней гостили ребята и долго еще вспоминали поездку. Члены бригады стали друзьями ребят, постоянно о них заботились.

В 1959 году этой бригаде первой из целинных было присвоено звание коммунистической.

ОГНЕННЫЙ ТРАКТОРИСТ

Кто из молодежи тридцатых годов не знал песни об огненном трактористе?

«По дорожке по ровной, по тракту ли,
Все равно нам с тобой по пути,
Прокати нас, Петруша, на тракторе,
До околицы нас прокати...»

Поэт Иван Молчанов сложил эту песню о комсомольце Петре Дьякове.

«Комсомолец, на трактор!» Таков был клич тех лет, когда создавались колхозы.

Петр Дьяков одним из первых в своей деревне вступил в коммуну, первым сел на трактор.

В Ишимском округе, где жил Петр, комсомольцы объединились и организовали крестьянскую коммуну «Новый путь».

Трактора у коммунаров не было. Они решили отобрать его у кулаков.

«Трактор мы у кулаков для коммуны не просто добыли, — вспоминает Петр Дьяков. — Пришли к одному во двор — нет. К другому — тоже нет. Аж удивились. Вчера только был трактор... Мы втроем за трактором ходили: Петр Федоровский, Иван Григорьев да я. Дружками были, вместе в коммуну вступали, в комсомол. Что делать? Вернулись, рассказываем своим: нет трактора. Приуныли коммунары: больно на машину рассчитывали.

Вечером в тот же день пришел нашей грусти конец. Рассказали нам деревенские по секрету, что кулаки разобрали машину и в землю зарыли по тайным местам. Кинулись мы разыскивать ее. То колесо, то мотор найдем...

А у нас, у коммунаров, договор был: кто больше отыщет, тому и стать первым трактористом.

Я больше всех нашел — повезло.

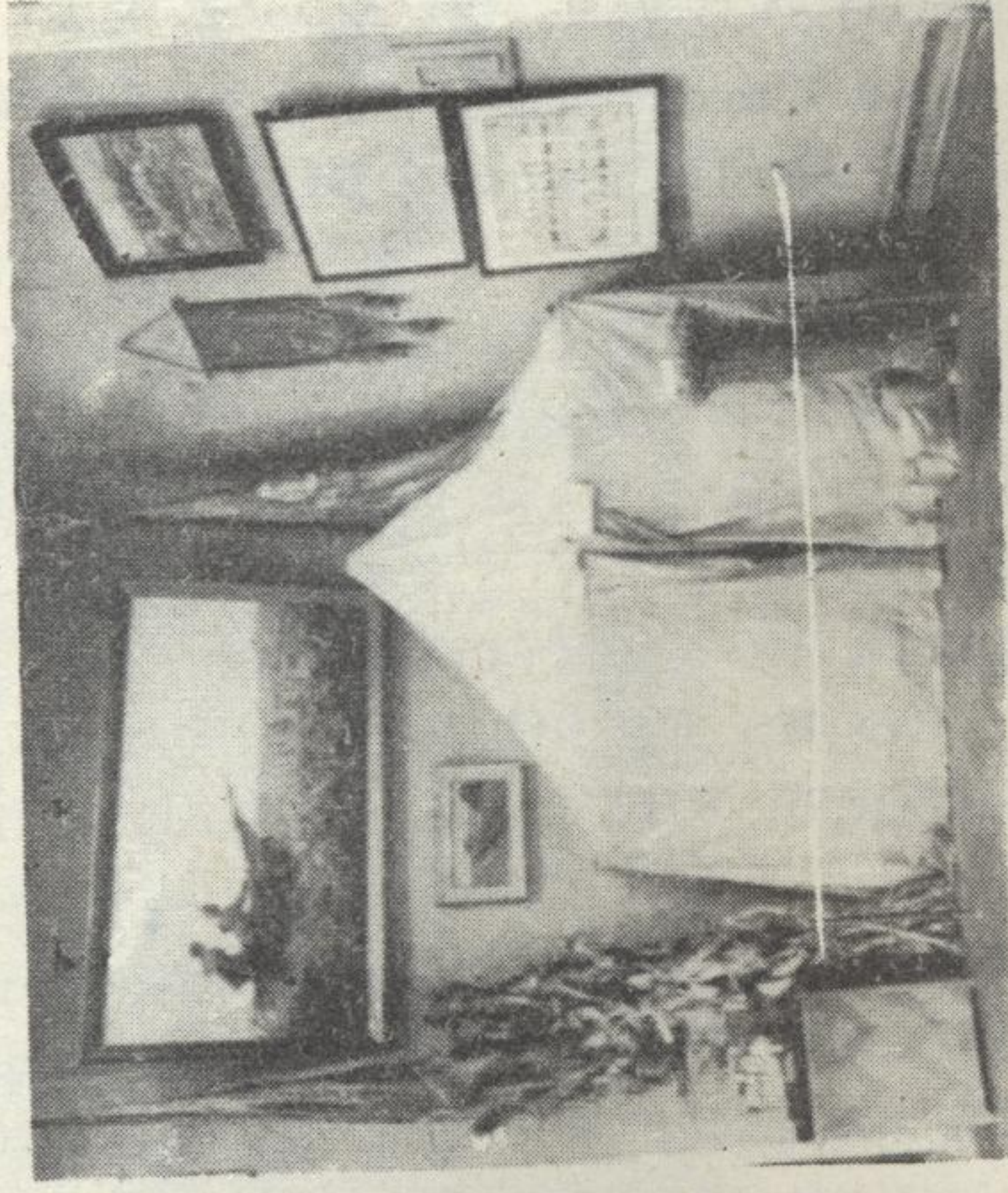
О том, что случилось потом, рассказала в августе 1929 года «Комсомольская правда»:

«И вот ночью 2 июля, когда Дьяков работал на тракторе в коммунальном поле, на него наскочила кулацкая шайка бандитов. Дьякова сшибли с ног, раздели, избili до потери сознания, а потом облили керосином и подожгли. Факелом пылал тракторист-комсомолец, освещаая колосившиеся поля коммуны...»

Никто не знал в то время, что «огненный тракторист» (так его назвали потом) выжил и поселился в соседнем селе. В Отечественную войну на фронте он был шофером. За храбрость его наградили двумя орденами! Сейчас он работает машинистом на элеваторе.

★

1954 год

Палатка, в которой жила бригада Довжика.

А это строители дороги Абакан — Тайшет. Бригада Наседкина.

ДЕНЬ 13 ОКТЯБРЯ 1958 ГОДА

В наши дни комсомольцы в одном строю с коммунистами стали во главе движения за коммунистический труд.

День 13 октября 1958 года помнят в депо Москва-Сортировочная. Коммунисты и комсомольцы роликового цеха решили «работать и жить по-коммунистически, так, чтобы была видна во всех поступках высокая личная ответственность за общее дело строительства коммунизма». Так записали они в решении на общем собрании.

14 октября в цехе появилось первое в нашей стране обязательство бригады, борющейся за звание бригады коммунистического труда.

«Один за всех, все за одного» — этот девиз стал законом бригады. Члены первой коммунистической бригады изобрели множество устройств и приспособлений, облегчающих ремонт тепловозов. Когда начали движение, за звание коммунистического труда боролась одна бригада, потом цех. А теперь уже все депо носит это почетное звание — предприятие коммунистического труда.

Коммунисты и комсомольцы роликового цеха депо Москва-Сортировочная.

1958 год

Л. СЕРГЕЕВ

Рисунок В. ЧИЖИКОВА

ВО- ПРО- СЫ

Когда я был мальчишкой, я очень много задавал вопросов. Меня интересовало все. Почему светятся светлячки, почему топленое молоко с пенками, почему нельзя поймать ветер, почему одна лягушка ловит комаров, а другая сидит под лопухом и зря тратит время.

И каких людей больше, хороших или плохих, и кто что любит больше: папа пиво, или сестра куклу, или Ника стрелять из рогатки, или козлик траву.

Я был очень любознательный. В школе я был членом всех обществ и кружков. Я был в обществе юннатов, пчеловодов, цветоводов, садоводов и огородников. Я был членом кружков: умелые руки, хочу все знать, сделай сам. Был членом всех спортивных секций и театрального клуба.

И везде я был самым активным. Я везде успевал. Я был очень способный. Все ребята меня уважали. Потому что я задавал им трудные вопросы.

Например, захожу в общество натуралистов, а там Вовка Перцов. Сидит, накалывает мотыльков на доску. Я подхожу и задаю ему ехидный вопросик:

— Почему мотыльки летят на свет?

— Почему? — спросит Вовка и посмотрит на меня. А я ничего, стою, улыбаюсь загадочно, как будто знаю почему.

— Вот в том-то и оно, почему? — говорю. — Я-то знаю. Это ты скажи. Ведь ты их ловишь.

Вовка покраснеет, потом начнет тереть лоб, станет думать, ломать голову. А я иду в другое общество.

На другой день Вовка сообщает мне, что мотыльки принимают свет за солнце. Только скажет, а я ему — бах! И еще парочку вопросиков:

— А почему они не летят без пыльцы и куда они улетают на зиму?

Вовка разинет рот и уходит, совсем ошарашенный. Так я задаю Вовке вопросы, по-

ка он не узнает все интересное про мотыльков и не расскажет мне. Тогда я переключаюсь на другого приятеля. И так в каждом обществе, кружке и секции.

Однажды я заглянул в кружок рисования и встретил там Женьку Моница. Он делал рисунки к какой-то сказке. Я подошел, посмотрел.

— Ну, скажи, — говорю, — почему в одних сказках медведь добрый, а в других злой?

— Так медведи разные бывают, как люди, — усмехнулся Женька.

— Так! — сказал я. — Ну, а кто сильнее, слон или тигр?

— Каждый по-своему, — ответил Женька. — Они же не нападают друг на друга. Тигр задирает антилоп, а слон поедает листья.

Я замолчал. «Какой бы, думаю, еще вопросик ему задать потруднее?» Потом подумал и спросил:

— Ну, а про змей что-нибудь знаешь?

— Знаю! — сказал Женька.

— Ну, почему гремучая змея называется гремучей?

— Потому, что у нее на хвосте растут кольца, которые гремят, как погремушки.

Я хотел задать Женьке новый вопрос, но он вдруг спросил:

— А вот ты скажи. Что такое изюм?

— Как что? Ягода!

— Нет, — улыбнулся Женька. — Это сушеный виноград.

— А у какого растения самые большие листья? — снова спросил Женька.

— У лопуха.

— Нет, — засмеялся Женька. — У Виктории-Регии в Африке.

— А у каких животных есть реактивный двигатель? — снова спросил Женька.

— Ни у каких нет! — твердо сказал я.

— Эх ты, нет! У осьминогов. Вот у кого. Почитай книжки.

*

Ненавижу я
Щеколды и замки.
Ты ответишь мне:
— Какие пустяки!
Разве солнце,
Или дождик,
Или ветер
На замке?
Или кто-то
Ключ от лета
Навсегда
Зажал в руке?
— Нет, конечно!

Л. НИКОЛАЕНКО

Пусть, кто хочет,
Все свое
Перезамочит
И запрет
Упрямо
Двери
На щеколды
И крюки,
Но на солнце
Или дождик,
Но на небо
Или ветер
Никогда
Никто
На свете
Не навешает
Замки!

Леонид ЯХНИН

ЛИСТЬЯ

Осень.
Тяжелые тучи повисли.
Дождик — на сутки,
И солнце — на час.
Падают листья,
Желтые листья,
Как письма от птиц,
Улетевших от нас.

И ветер осенний
Быстрее почтальона
Письма разносит
По адресам.
Листья с березы,
Осины и клена
Лежат по дорогам,
Летят по лесам.

Рисунок С. ДЕНИСОВА

Мы пришли в театр.

Медленно гаснут лампочки громадной люстры. Вот уже в зале стало совсем темно. В наступившей тишине слышно лишь дыхание множества людей, заполнивших кресла и ложи.

Вздрыгнул и пошел в стороны тяжелый занавес. Сейчас он откроет сцену...

Кто не переживал эти волнующие мгновения перед началом спектакля!

Великий волшебник-театр способен перенести нас в необыкновенный мир, полный чудес и превращений. Бывают минуты, когда весь зал замирает либо ахает, как один человек. И нестерпимо хочется тогда проникнуть туда, где все это так волшебно возникает, своими глазами увидеть таинственную страну, скрытую по другую сторону занавеса.

А что, если попытаться и в самом деле туда заглянуть?

А. ДОРОХОВ

По ту сторону занавеса

Все наоборот

Сначала посмотрим здание театра со стороны. Не правда ли, оно заметно отличается от всех соседних?

В любом доме всегда много окон и лишь несколько дверей в подъездах. А в театре окон почти нет. Они ему и не нужны. Свет только мешал бы зрителям видеть происходящее на сцене.

Зато дверей театру нужно много. За десять-пятнадцать минут через них должны войти или выйти сотни зрителей.

А как догадаться, где там, внутри, зрительный зал и где сцена?

Тот, кто еще не знает театральных секретов, ошибется, предположив, что под высоким куполом здания скрывается зрительный зал, а в пристройке поменьше — сцена.

На самом деле все наоборот.

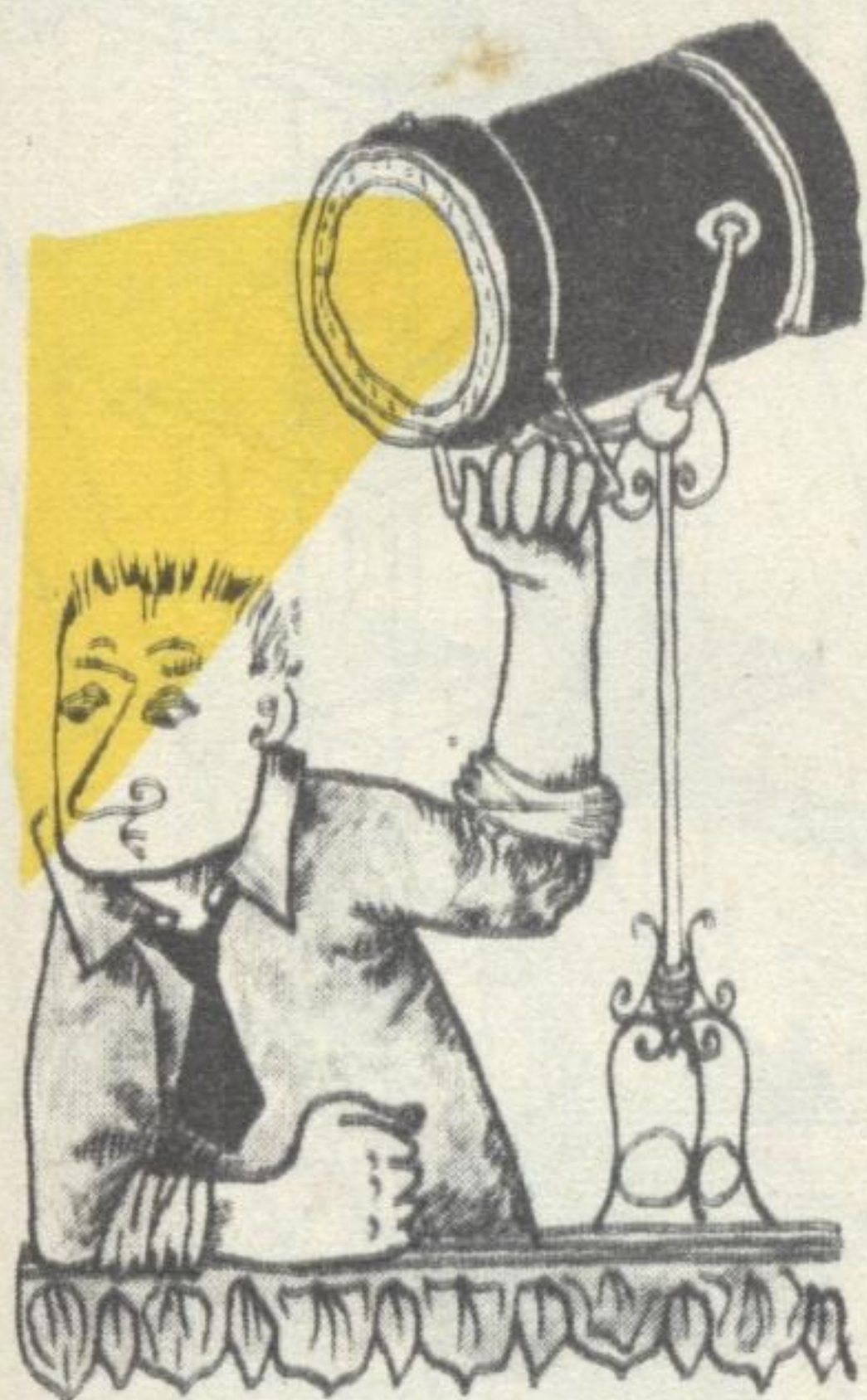
И зрительный зал, и гардеробы, фойе, кассы, буфеты легко размещаются в меньшей части здания. Зато сцена со всем ее сложным хозяйством занимает бóльшую.

Почему?

Сейчас узнаем. Войдем в «директорскую» ложу, справа от сцены. Видите маленькую дверь в стене? Откройте ее и переступите порог.

Вы на сцене!

Теперь надо говорить только шепотом и шагать на цыпочках. Ведь спектакль уже идет. Смотрите: вон танцуют повелитель гномов и его свита.

Зрители видят только эту группу артистов. А на обширной площадке сцены, чуть меньше футбольного поля, оказывается, работает в это время множество людей.

Даже в самых больших оперных или балетных спектаклях выступает от силы сто—полтораста человек: солисты, хор, кордебалет, оркестр. А за кулисами трудится порой больше тысячи работников.

Чем же все они заняты?

Те, кого мы не видим

Уже в самом зрительном зале, помимо капельдинеров, проверяющих билеты, работают те, кого мы обычно не замечаем. Взглянем хотя бы на небольшие ложи справа и слева у самой сцены. Видите большие прожекторы с разноцветными стеклами?

Здесь хозяйничают электрики. Яркие лучи их мощных прожекторов могут залить всю сцену ослепительным сиянием летнего дня, осветить ее мерцающим светом луны, создать на ней багровое зарево пожара или серенький дождливый день. Электрики могут погрузить всю сцену в темноту и только высветить серебристым лучом одного артиста и держать его в светлом ореоле, куда бы он ни двигался.

Такое освещение сцены появилось сравнительно недавно — лет пятьдесят назад. А раньше сцену освещала рампа — три ряда разноцветных лампочек, уложенных в желобки вдоль переднего ее края.

Пока не изобрели электрического освещения, лампочки эти бывали сперва масляные, потом керосиновые, потом газовые. При помощи различных приспособлений их можно было все разом зажигать или тушить, а для перемены света на них опускали разноцветные колпачки.

Такие горящие лампы угрожали пожаром. Поэтому над сценой всегда был наготове второй, железный, занавес. Загорится внезапно декорация, вспыхнет платье на танцовщице, неосторожно приблизившейся к рампе, — занавес тотчас опустится и отрезет от огня зрительный зал.

Но железный занавес не сложишь и не свернешь в трубку. Он весь должен поместиться где-то наверху. Вот одна из причин, почему над сценой строили такой высокий купол.

Теперь рампу устраивают наверху, над передним краем сцены. Там тоже три ряда разноцветных лампочек, только электрических.

Но тише! Отойдем в сторонку. К нашей кулисе подошла девушка в нарядном, сверкающем блесками костюме. Какая же она красавица! Сейчас ее выход. Она внимательно слушает доносящуюся сюда музыку оркестра, ожидая, пока зазвучит тот такт, на котором она должна выпорхнуть на сцену.

Пора!..

Из темноты зрительного зала послышались аплодисменты. Это зрители узнали свою любимицу.

Рядом с нами появились ширмы. Женщина в белом халате стоит наготове с парчовым нарядом в руках. Это костюмерша. Сейчас балерина закончит свой танец, и ей надо будет

мгновенно сменить костюм для следующего появления на сцене.

А вот подошел в белом халате парикмахер. В руках у него золотистые локоны. К другому платью артистке положена и другая прическа. И она мигом появится на ее голове.

Театральные портные — костюмеры — сами костюмов не шьют. Но зато они отлично знают, какие платья носили люди в Древнем Египте, какие — при Иване Грозном и какие — во времена Пушкина. Знают они и то, как завязывают свои тюрбаны индийские раджи, как запахивали тоги римские сенаторы

(Продолжение на стр. 30.)

Здесь наш художник Андрей Некрасов решил показать сцену самого большого театра нашей страны — Большого театра СССР, — когда там идет балет «Щелкунчик». Для этого он вообразил, будто некоторые стены здания театра сделались на время прозрачными. И вот что стало тогда видно.

Там, в глубине, затемненный зрительный зал с его рядами кресел партера, ярусами лож и галереями.

Перед площадкой сцены (1), в оркестровой яме (2), расположились музыканты.

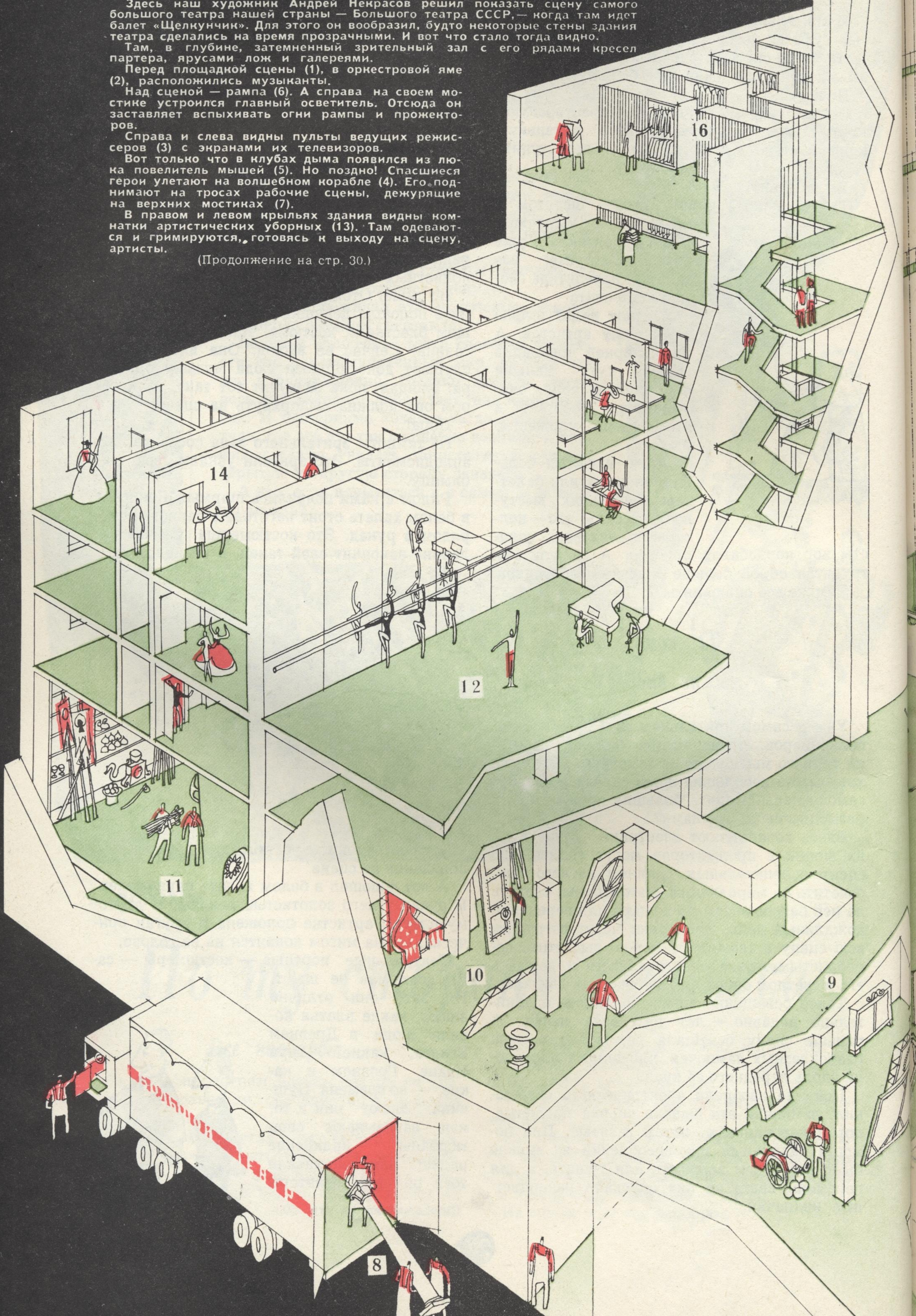
Над сценой — рампа (6). А справа на своем мостике устроился главный осветитель. Отсюда он заставляет вспыхивать огни рампы и прожекторов.

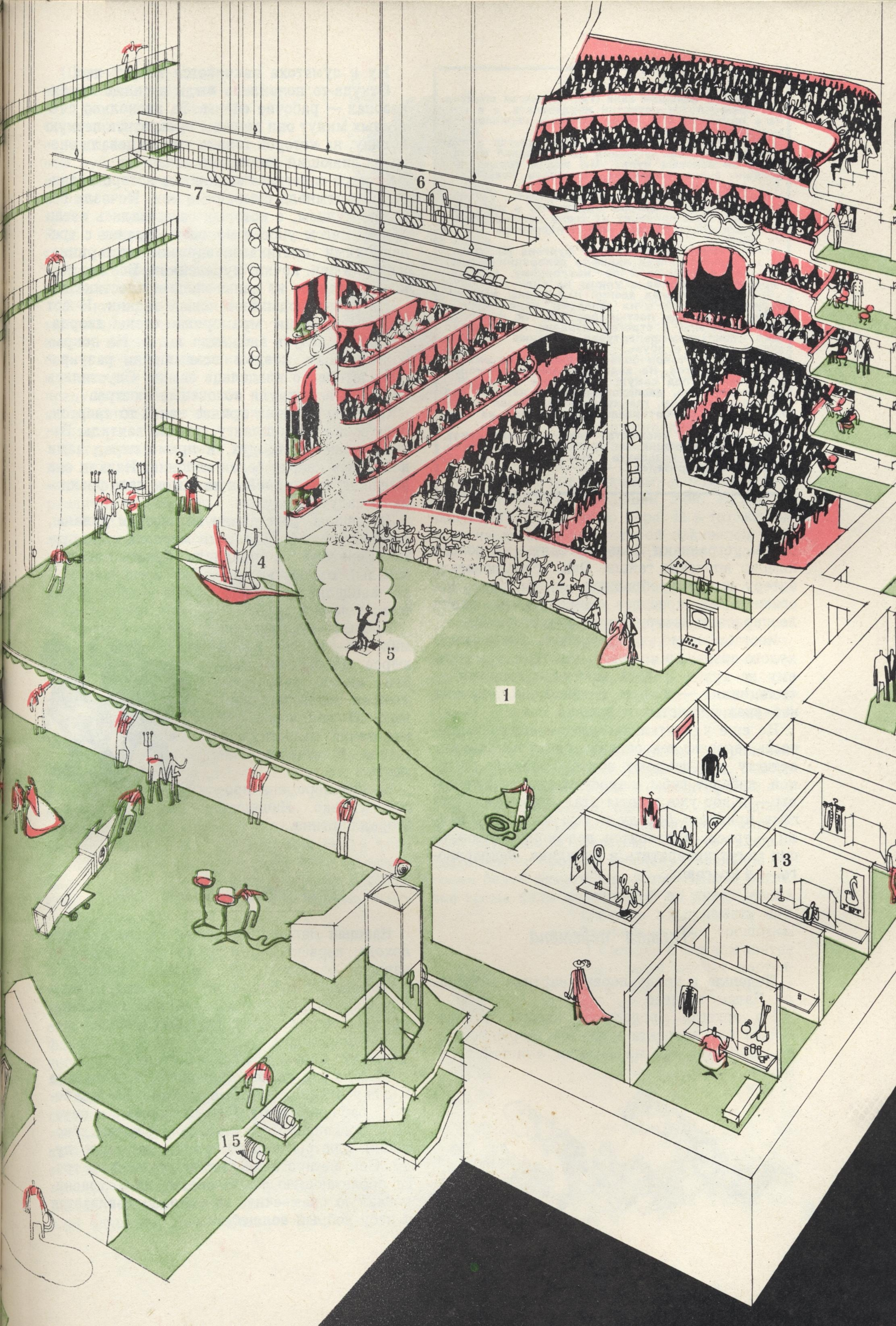
Справа и слева видны пульта ведущих режиссеров (3) с экранами их телевизоров.

Вот только что в клубах дыма появился из люка повелитель мышей (5). Но поздно! Спасшиеся герои улетают на волшебном корабле (4). Его поднимают на тросах рабочие сцены, дежурящие на верхних мостиках (7).

В правом и левом крыльях здания видны комнаты артистических уборных (13). Там одеваются и гримируются, готовясь к выходу на сцену, артисты.

(Продолжение на стр. 30.)

Тут же, в большом зале (12), не мешая спектаклю, тренируются артистки кордебалета, а в комнате поменьше (14) перед большим зеркалом разучивает танец балерина.

Для того, чтобы показать, что делается в этот момент на сцене, художник не нарисовал ни задника, ни боковых кулис. Мы видим только, как рабочие сцены начинают поднимать новый задник для следующей картины.

Здесь же готовятся к выходу артисты, устанавливают свои прожекторы электрики, а бутафоры и реквизиторы приносят из своих неисчерпаемых кладовых (10 и 11) все, что понадобится сейчас на сцене.

Слева внизу в театральном фургоне (8) привезли с главного склада какие-то декорации к завтрашнему спектаклю и по наклонному ходу (9) переносят их прямо с улицы на сцену.

В верхних этажах здания нам видны комнаты парикмахеров (15) с их запасами париков, усов и бород и склады костюмеров (16), где на плечиках развешены в строгом порядке костюмы ко всем спектаклям репертуара, а также хранятся любые шляпы и обувь.

Но даже на таком большом рисунке не уместилось еще многое. Не видны ни занавес, который ушел сейчас под самую крышу, ни декорационные мастерские, расположенные на чердаке над зрительным залом, где художники, ползая на коленях, расписывают разложенные прямо на полу огромные холсты.

Не видно и множества сложных механизмов, спрятанных в обширных трюмах под сценой и позволяющих создавать театральные чудеса, поражающие зрителей.

и как устраивают большие банты на поясах кимоно японские гейши. Они могут показать актеру, как ему облачиться в рыцарские доспехи и как красивее набросить на плечи леопардовую шкуру африканского вождя.

Костюмеры могут превратить невысокого, худого артиста в крупного толстяка, привязав ему на грудь и бока ватные подушечки — «толщинки» — и дав ботинки на высоких каблуках и толстых подошвах.

Но еще удивительнее умеют менять внешность человека театральные гримеры. Одному артисту они закроют волосы розовой лысиной, побелят губы, нарисуют резкие морщины — и вот уже юноша стал стариком. Другому приклеят бороду и усы из особой пакли — треса, и появится дед-мороз. Брюнета они могут превратить в блондина, некрасивого — в красавца.

Чистая перемена

Подошла к концу первая картина спектакля. Падают занавес.

Но оркестр продолжает играть. Значит, сейчас без антракта начнется вторая картина. В театре это называется «чистая перемена».

Ну и суматоха начинается вокруг нас!

Откуда-то появились люди в синих комбинезонах — рабочие сцены. За несколько считанных минут они должны превратить лесную поляну, на которой только что танцевали гномы, в сияющий дворцовый зал.

Быстро спустился задник, на котором таинственно темнели сумрачные ели. Исчезли боковые кулисы, с которых свешивались ветви дубов. Бегом уносят молодые березки с трепещущими листиками, заросли кустарника, корявые пни, кочки, муравейник. Все это легкое, сделанное из папье-маше и пластикатов.

На смену поднимают новый задник. И вот уже перед нами мраморные стены дворца, уходящая вглубь анфилада залов. На покрытом красным ковром возвышении разукрашенное кресло владельца замка. Спустились сверху и вспыхнули золоченые люстры.

Один из рабочих принес какой-то сверток, подключил его к шлангу, открыл вентиль. Зашипел сжатый воздух, и прямо перед нами поднялась кверху белая колонна. Издали она выглядит мраморной, а на самом деле резиновая и надута воздухом.

Бутафоры расставили по местам диваны, стулья, статуи, развесили зеркала и картины. Реквизиторы принесли букеты цветов, бокалы, охотничьи рога, канделябры, приготовили мечи и трубы.

Прошло всего две-три минуты — и на сцене вырос дворцовый зал. Его мигом заполнила пестрая толпа придворных. И как раз в это мгновение вздрогнул и пошел в стороны занавес.

Чистая перемена прошла удачно. Началась вторая картина...

Над сценой и под ней

Каждый мальчишка, попав на палубу теплохода, первым делом торопится пробраться наверх, осмотреть капитанский мостик и штурманскую рубку, а затем спуститься вниз и заглянуть в трюмы и машинное отделение, где пыхтят дизели и скрежещет лебедка, подымающая якоря.

Все это есть и за кулисами театра.

Высоко над сценой проложены в несколько рядов узенькие железные мостики. По ним бегают рабочие сцены. Они поднимают и опускают подвешенные к стальным фермам декорации, люстры и даже тускло светящую луну. Они же протаскивают над сценой на тропе пролетающую стаю лебедей или замаскированную скамеечку, на которой взвивается к небу добрый волшебник.

Штурманская рубка — это главный пост режиссера, ведущего спектакль. Он сидит в боковой кулисе перед пультом со множеством рубильников и кнопок и следит за экраном телевизора, на котором все время виден дирижер. Ведь взмахом дирижерской палочки повинуются не только оркестр, но и все певцы и танцовщики.

Включая тот или иной рубильник, ведущий режиссер подает сигналы рабочим сцены, электрикам, машинистам и по радио предупреждает артистов в их уборных, что им пора готовиться к выходу.

В глубоких трюмах под сценой — машинное отделение. Здесь спрятаны подъемные механизмы, компрессоры, устройства для различных эффектов.

Любой кусок пола на сцене может либо подняться на несколько метров вверх, либо уйти вниз.

Понадобится режиссеру, чтобы на сцене вырос холм, — машинист включит подъемник, и часть пола поползет вверх и остановится на нужной высоте. Потребуется на сцене фонтан — другая часть пола опустится вниз, а отверстие заполнит резиновый бассейн с водой.

В большинстве драматических театров устроены теперь вращающиеся площадки сцены.

Зрители видят лишь небольшую часть такой площадки. Остальное скрывают от них кулисы. А там рабочие сцены, бутафоры и реквизиторы уже подготовили следующую картину: установили декорации, расставили мебель, развесили картины, разложили книги. И вот едва закончился разговор героев в аллее парка, как машинист включил рубильник, и площадка повернулась, словно карусель. Аллея тихо ушла назад, а перед зрителями появился кабинет ученого.

Бывает и другое устройство сцены — просторные выдвижные платформы по ее бокам и сзади. На платформах также заранее устанавливают декорации картин.

Окончится картина, опустится занавес — и кремлевская площадь с волнующейся толпой плавно откатит на колесиках вбок, за кулисы, а с другой стороны так же бесшумно выедет монастырская келья.

Как происходят чудеса

Наш спектакль подходит к концу. На сцене разворачиваются ужасные события. Из пасти дракона пышет пламя, глаза его сверкают зеленым огнем. Сейчас он бросится на героя и растерзает его. Зрители замерли.

Но герой спокойно подымает свой волшебный жезл. Дракона окутывают густые клубы дыма. А когда они рассеиваются, на том месте, где он только что бил хвостом, пусто. Чудовище исчезло.

Как же произошло это чудо?

А вот как. По сигналу режиссера рабочий в трюме включил механизм, и рядом с драконом открылся небольшой люк. Затем он выпустил сверху струю пара. И в тот же момент часть пола, на которой извивался дракон, ушла вниз и унесла картонное чудовище на дно трюма.

Ничего не стоит машинистам сцены устроить и морской шторм. Для этого в трюме установлены механизмы, которые могут равномерно подымать и опускать длинные полотна голубой, зеленой и белой материи, издали похожие на обрамленные пеной волны, и протаскивать между ними раскачивающиеся модели кораблей, поставленные на площадки с колесиками.

Впрочем, теперь большинство театральных эффектов и чудес происходит проще. Театру помогают киноаппараты и магнитофоны.

Еще не так давно, например, шум дождя получали, вращая большой барабан, обтянутый шуршащим холстом. Вместо хлопьев снега сверху бросали на сцену маленькие кусочки белой бумаги или ваты. Вместо раскатов грома били колотушкой по листу жести.

Очередь из пулемета изображала особая трещотка.

Сегодня в каждом театре есть запас любых настоящих звуков, записанных на магнитную пленку, — от залпов тяжелых орудий и рева реактивного самолета до рычания живых львов и звонкого кукареканья петуха. А направив на сцену луч киноаппарата, можно устроить на ней и снегопад, и дождь, и бегущие по морю волны.

Так и в театральных чудеса пришла новая техника.

Миша СОКОЛОВ, 14 лет,
поселок Шатурторф,
Московской области.

КОРАБЛИК

Печатают только чедя

Однажды на Оке

Летом мы жили у тети Нюры.
Там у нее были разные куры.
Есть две козы, обе Зорьки зовутся,
И никогда две козы не дерутся.
Есть поросенок, живет он в хлеву,
Ест он и хлеб и траву.
Есть у тети Нюры кошка.
Кошка ест одну рыбешку,
А Ока-река течет.
Тетя Нюра хлеб печет —
Хлеб ржаной и хлеб пшеничный.
Тети-Нюрин хлеб отличный.

Алеша СОКОЛОВ, 11 лет,
г. Москва.

Нас было четверо: я, Сережка, Маленький и Бубука. Кроме вышеназванных, здесь находился внештатный член нашей команды — Сашка. Он приезжал сюда на летние каникулы.

Дед Сергей сделал нам около изгороди небольшой домик, скорее, куб. Полтора метра в высоту, полтора в длину, полтора в ширину. Это был удивительный домик: во-первых, мы туда умещались сразу все вместе; во-вторых, когда солнцепек, там холодно, а когда дождь или холод, — тепло.

Стоял стол, чурбаны (стулья). Стены были оклеены бумагой и плакатами.

И вот наступило лето. Все мы собрались в этом домике. Кто-то сказал:

— Давайте дадим ему номер!

— Конечно. Какой это дом, если нет номера?

Сережка сказал таинственным голосом:

— Дом номер сорок три.

— А почему сорок три, а не тринадцать?

— А помнишь, «сорок третий отдел»? Вот так и у нас.

На том и порешили.

Неожиданно уехал Бубука. Конечно, три человека не могут удержать силы противника, а на нас жали отовсюду. Десять мелких войн и две крупные — это не шутка, и все в один год.

Тотчас же за бедой пришла и радость. Приехал Сашка на лето. На радостях мы устроили пир. Купили ситро, из вишен нажали соку. Разные продукты, все больше овощи.

Однажды возникло предложение:

— Устроим здесь штаб.

Приняли единогласно. Но какой же штаб без армии? Набрали и армию. Она состояла из семи человек.

Поступили новые предложения. Из них мы утвер-

Осень

Взяв глины гору целую,
Осень в перчатках

кожаных

Прессует дома серые,
На кирпичи похожие.

Дождь, листопадом падая,
В стволы тротуаров

вращает.

Калитки скрипуче

каркают

И крылья о ветры ломают.

Пустая

лодка

Листья — веслами,
Веточка — ладьей.
Весла — пестрые,
А корабль — немой.

Воды лодочке —
Глубоки.

Но где же лодочник?
Что же с ним?

Стихи Ларисы Розенберг

Бакены

Бакены матрешками
На реке танцуют,
Топчут сапожками
Воду голубую.

И платками красными
Парходам машут.
Матрешками крашеными
У причала пляшут.

дили два. Вот первое: «Генералу С. М. В. от ниже-
следующего. Электричество — это сила!» — и витие-
ватая роспись. Второе еще короче: «Радио»!

Вызвали подателей сего письма. На чурбане сидел
человек в черной маске (это я). Маски надевались для
того, чтобы податели письма не узнали, кто стоит
перед ними.

Начали задавать вопросы:

— Как ты проведешь электричество?

— Просто.

— Точнее!

— Бумагу мне!

План был начерчен.

— Хм! Ничего!

Примерно так же проходил разговор с «изобрета-
телем» радио.

Нам были нужны деньги. Пришлось снова пригла-
сить «изобретателей».

— Откуда нам достать деньги?

— А для чего закон?

Это нам понравилось. Вот части из нашего закона:

§ 1

1. Членский взнос (2 дня: 3 коп.).

2. За неуплату штрафа — полторы неуплаченные
суммы.

§ 2

1. За неуплату взноса — 7 коп. ...

Всего у нас было восемь параграфов.

Таким образом мы собрали нужную сумму. И вот
светит лампочка, говорит радио. Главное, все сдела-
но своими руками.

Первая песня, которую мы услышали по радио, —
«Песенка про кенгуру». От радости сделали ее своим
гимном.

В скором времени у нас появился банк. Через не-
сколько дней он лопнул. Это был первый удар. Даль-
ше они посыпались один за другим.

Радио захрипело. Батарейка иссякла.

Первыми от нас отделились «изобретатели». Уехал
Сашка. Больше не приезжал Витька.

Однажды, заметив огонь в оконце нашей домушки,
нагрянули филипповцы¹. Когда на другое утро мы
пришли к ней, увидели оборванные провода, разби-

¹ Ребята с соседней улицы.

УЛИЦА.

Борис МОГИЛЬНИКОВ, 11 лет,
Москва.

тую батарейку, поняли, что армия наша распалась.
Осталось нас трое: я, Сережка и Маленький.

Мы приходили в домушку, сидели там, вспомина-
ли былые времена. Ведь наша армия была одной из
самых могущественных. Каждый наш солдат стоил
трех солдат чужой армии. Недаром мы разбили в
пух и прах Малюту II и Филиппа I². А теперь...

Да, не те времена.

² Вожак ребят с соседних улиц.

Живет Лариса на Украине,
в городе Черкасы.
Ей одиннадцать лет.

На пруду

Быстрым взглядом
солнышко

Оглядело пруд.
Ивы, еще сонные,
Утро стерегут.

О коряги дряхлые
Щеки трет волна.

Ветер дрему
стряхивает

На изгибы дна

И заводит песенку,
Как лихой матрос.
Рябь уходит лесенкой
В подводное метро.

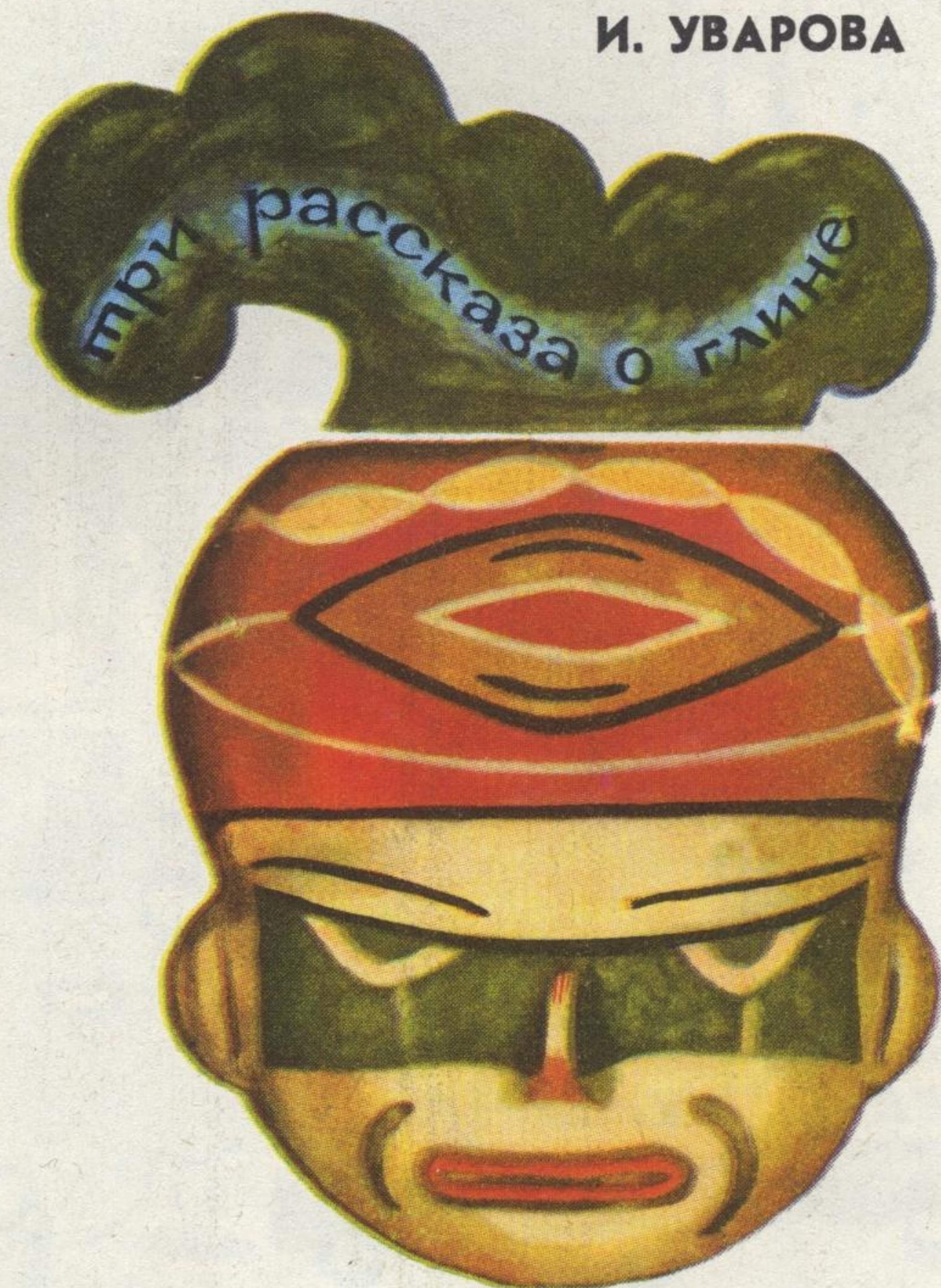
Стрекозы

Над прудом треск крыльев
Из слюды надтреснутой.
То стрекозы взмыленные
Над водою пресной.

Их глаза, как раковины,
С блеском и прожилками.
Разговоры краткие
Ведут стрекозы пыльные.

Не думая о грезах,
С очень сильным треском
Мчатся стрекозы,
Похожие на крестики.

И. УВАРОВА

тайна племени «НАСКА»

Американский ученый Пауль Козок совсем не собирался когда-либо заниматься тем, чем ему пришлось заняться. Он летел по своим научным делам. Самолет шел над южными землями Латинской Америки. Пауль Козок глядел в окно и вдруг увидел на поверхности пустыни, над которой как раз пролетал самолет, нечто такое, что заставило его вздрогнуть и закричать от изумления, а может быть, от испуга. Ибо он понял, что в этот миг совершается невероятное, неслыханное открытие. Что же он увидел в пустыне? А вот чтобы объяснить, что это было, нужно вернуться на много столетий назад, во времена древние и темные.

Сейчас я расскажу вам об одной потрясающей тайне, над которой ученые бьются и ничего разгадать не могут, так что я очень рассчитываю на то, что один из вас эту тайну как раз и разгадает, когда вырастет.

Давным-давно в Южной Америке, там, где сейчас государство Перу, жило племя. Мы даже не знаем, как оно называлось, так как племя исчезло бесследно. Ученые называют его по имени реки Наска, которая тут протекает, — племя наска.

Племя как племя. Жили все в хижинах из треугольных кирпичей, сажали хлопок, ткали, красили ткань настоем корней и разведенной глиной, шили одежду и сетями ловили рыбу, воевали. В те времена было принято головы врагов отрубать и сушить, а потом носить на

ремешке у пояса. Считалось, что мудрость врага переходит к победителю. Наверное, наски стремились к мудрости, потому что, судя по всему, не были захватчиками и не отличались кровожадным нравом.

Были они земледельцы. Земли же им достались плохие, отовсюду наступала горячая пустыня, борьба с ней отнимала все силы. Чтобы в этой бесплодной земле проросло зерно, нужно было в ямку для зерна положить рыбы головы. Так наски вводили в землю фосфорное удобрение. Но они, наверное, думали: эти рыбы головы в конце концов не такая уж плохая еда для духа — покровителя зерна. Пусть он закусит, станет добрым и сделает так, чтобы зерно набрало колос.

Наски были неплохими земледельцами, и для них земледелие было битвой с пустыней, битвой не на жизнь, а на голодную смерть. Земледелие в тех условиях было подвигом. Подвиг заслуживает, чтобы о нем рассказали.

И наски рассказали. Они оставили после себя рисунки. Это были рисунки на глиняных горшках.

Ибо наски были великие гончары.

Нет, они не лепили сложных ваз с ручками, с подставками. Их посуда была очень проста: миски, прямые цилиндрические сосуды и кувшины для воды, круглые и совсем замкнутые. Сверху из них выходили два узких горлышка, которые торчали, как уши на макушке. Издали горшок и походил на кошачью голову с настороженными ушками.

Горшок покрывали очень красивой многоцветной росписью. Пожалуй, найдутся люди, которые будут уверять, что это самая красивая роспись в мире и что лучше насков никто не умел рисовать. Что ж, я не буду с ними спорить.

Что же рисовали наски на своих горшках? Может быть, то же, что обычно рисовали древние греки, негры, славяне или китайцы? Сцены из жизни людей, походы воинов, мирные обеды или фигуры гончаров, склоненных над комом серой глины?

Ничего подобного. Никаких таких рисунков, по которым археологи могут воссоздать историю и быт народа, там не было. А были только портреты демонов, мрачных духов подземелья. Это были изображения кошачьего божества с короткими, толстыми лапами и маленькой золотой миской на толстой усатой морде¹. Или другого божества — змеи или дракона, тоже с толстыми лапами. В лапах божество держало трофейные головы, а из косых глаз его лились слезы. Видно, невеселая жизнь была у этих демонов. Иногда вокруг них наски рисовали плоды, раковины и рыбу. Демоны царствовали над всем этим и

¹ Вот вам первая загадка: до сих пор неизвестно, были ли в Америке в ту пору кошки. Откуда взялось кошачье божество?

всем повелевали. А люди? А люди прилагались к хозяйству демонов в виде маленьких фигурок среди плодов и раковин, и то очень редко. Похоже, наски вообще рассматривали свою жизнь как недолгое пребывание на земле, вроде бы человек ненадолго выходил из царства демонов, чтобы вырастить растения, сшить одежду, слепить горшок, порисовать на нем и поскорее вернуться к демонам, в их грозное подземное царство.

Рисунки мрачны и печальны, а между тем краски у насков были яркие, необычайной красоты и силы: пурпурная, фиолетовая, коричневая, золотистая и еще другие — всего двенадцать.

Нет, краски не принесли наскам радости. Можно подумать, они никогда ничему не радовались. На рисунках можно найти много лиц, но на лицах вы не найдете ни одной улыбки. Нет на них следов каких-либо человеческих чувств: радости, гнева или страха.

В одном месте, в долине, сохранились резные столбы-колонки из очень крепкого дерева хуаранго. На кривых столбах вырезаны фигуры и лица. Наверное, это портреты умерших предков. Лица их так же серьезные, как и портреты живых насков. В руках у них свирели, они играют, чтобы напомнить о себе тем, кто еще остался жить. Для чего поставлены эти столбы, мы не знаем. Может быть, наски приходили к этим столбам и совещались с предками, как быть дальше.

Будущее не обещало ничего хорошего. В долину к наскам вторглись инки, могучий народ, который быстро установил в этих краях, а также севернее свою империю. Наски исчезли с лица земли. Как в воду канули — никто никогда больше о них не слышал. Много лет спустя, когда и империя инков уже была разрушена испанскими завоевателями, в 1154 году испанский монах падре Кьедо де Лион ходил по индейским деревням и расспрашивал уцелевших индейцев, не помнят ли они что-либо из рассказов дедов и прадедов о тех, кто жил давным-давно на этих землях. Нет, индейцы разводили руками.

Испанские завоеватели уничтожили империю инков и истребили множество индейцев. А те, кто остался, впали в нищету, одичали, им было не до того, чтобы передавать потомкам легенды и предания или рассказывать о прошлом. Итак, о прошлом потомки ничего не знали.

И мы тоже ничего не узнали бы о них, если б спустя много лет ученые не нашли черепки их удивительной керамики.

Почему, гадали ученые, так закономерно и настойчиво повторяются рисунки? Почему они такие законченные, такие определенные и точные? С такой точностью пишут буквы, а не рисуют картинку. Так, может быть, это не только великолепные рисунки, может быть,

это письмена? Ведь оба континента Америки в древности не знали алфавита, а развитые американские цивилизации владели так называемым пиктографическим письмом, то есть письмом в виде сложных картинок.

Но ведь такое письмо создали очень развитые народы. Откуда быть письменности у земледельческого племени, которое не умело строить больших городов, храмов и крепостей и вообще вело деревенский образ жизни?

И тем не менее, чем больше всматривались ученые в эти непонятные рисунки, тем яснее им становилось, что здесь таится нечто гораздо большее, нежели просто рисунок.

Может быть, наски написали на своих горшках нечто очень важное? Но что? Как

Рисунки
Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

будто они хотели что-то сказать своими рисунками. Как будто они стремились сообщить что-то чрезвычайно важное. Как будто они обращались к кому-то с мольбой или с угрозой и с надеждой, что непонятный кто-то поймет их.

Загадки этого племени совсем не собирались кончиться на глиняных кувшинах для воды. Другие кувшины, огромные и прямые, были не менее удивительны. Оказалось, это погребальные урны, они служили наскам чем-то вроде гроба. Так вот, такое глиняное кладбище показало, что наски не делали при захоронениях никакого различия между бедными и богатыми, между мужчинами и женщинами, между жрецами и военными.

Вот еще новость: никогда народы, стоящие

на такой ступени развития, не считали всех равными.

Один исследователь писал о них:

«Казалось, их не соблазняла идея мировой славы и они довольствовались той частью земли, которую природа дала им для искусства и земледелия». Он говорил, что наски были поразительно демократическим народом, и удивлялся всеобщему равенству среди этих простых и славных людей.

Нет, что говорить: странное, странное племя эти наски. Ну, кажется, ученым хватит хлопот с их необычными тайнами на многие годы. Сиди и разгадывай!

Не тут-то было.

В бассейнах рек Наска и Ика находится высокогорная рыже-черная каменная пустыня, ровная, как блюдо. Ничего не растет на ней — ни кустика, ни травинки. Поверхность ее исчерчена неглубокими бороздами, которые называются «дороги инков». Их так называли потому, что думали: это инки проложили каналы, чтобы оросить пустыню.

И вот в 1927 году американский археолог Пауль Козок летел на маленьком самолете над этой пустыней. Лететь было долго, самолет шел низко. Пауль Козок отложил книжку, которую читал в дороге, и стал смотреть вниз. И вдруг он увидел...

Тут начинается главная тайна насков.

Он увидел, что «дороги инков» вовсе не оросительные каналы, а линии, образующие рисунки. Вся пустыня оказалась покрытой рисунками, которые нельзя было рассмотреть с земли.

То были изображения зверей и птиц, пауков, каракатиц и других чудовищ и даже одной обезьяны. («Откуда взялась обезьяна? — мельком успел подумать Козок. — Ведь обезьяны водятся только по ту сторону непроходимых Анд, через горную цепь они не могут перебраться!»)

Были длинные и абсолютно прямые линии, километров на двести, проведенные как по линейке, были совсем уже непонятные спирали, которые повергли Козока в полное смятение, ибо на обоих континентах Америки никто из древних народов не знал круга и не построил простого колеса.

Все это промелькнуло в его уме лихорадочно быстро, и он тотчас забыл и спираль и обезьяну, потому что перед ним была пустыня-картина, и он понимал, что ничего подобного не видел ни один человек в мире.

Кто изрисовал пустыню?! Кто мог рисовать все это полторы тысячи лет назад, если рисунки можно увидеть только с воздуха? Для кого рисовали? (Он, конечно, тотчас понял, что все эти картинки нарисованы не ради любви к графическому искусству. Они нарисованы с какой-то определенной целью.)

Козок поспешил в Соединенные Штаты и немедленно сообщил о своем открытии. Это было как гром среди ясного неба. Ученые ринулись в пустыню насков.

Как?! Слаборазвитый народ, земледельцы, жившие в глинобитных жилищах, не знавшие ни машин, ни каких-либо точных приборов, создали рисунки, которые и с помощью приборов-то мудрено начертить на таком расстоянии?!

Было ясно, что рисунки потребовали огромного труда и множества опытных людей. Но ведь наски — очень маленькое племя!

Рисунки, которые можно рассмотреть только с самолета?!

Некоторые тут же объявили, что пустыня исчерчена посадочными знаками. Не исключали, что пустынные рисунки и чертежи — дело рук пришельцев из других звездных систем. Полагали, что обитатели иных миров приземлялись именно здесь, на поверхности ровной пустыни. Таким образом, не кто иной, как именно наски должны были бы стать гостеприимными хозяевами,

Но вскоре в пустыню насков выехала Мария Рейхе, профессор-математик и астроном. Она поселилась там, стала сопоставлять движение звезд на небе с рисунками на земле. Скоро она установила, что в определенные часы разные рисунки видны и с земли совершенно отчетливо. Скажем, в 6.15 можно увидеть обезьяну, а в 7.30 — паука и так далее. Она применила очень сложные астрономические вычисления и пришла к выводу, что рисунки в пустыне — это гигантская карта звездного неба, на которой отмечено не только расположение светил, но и орбиты их движения по небосводу и многое другое.

Час от часу не легче! Значит, наски знали астрономию и математику не хуже Марии Рейхе, а может, знали еще нечто такое, чего мы сейчас еще не можем понять.

Возможно ли, чтобы простые земледельцы владели знаниями, которые мы сейчас с трудом добываем, и то с помощью сложнейших современных аппаратов?

— А может быть, — предположили астрономы, — может быть, это все-таки не наски? И если не звездные гости, то какой-то могучий и мудрый народ пришел в те края и начертил свою астрономическую карту?

— О, — отвечали им археологи, которые много лет собирали, склеивали и изучали черепки горшков, разрисованных насками, — посмотрите, как похожи рисунки на керамике на эти рисунки на земле! Нет сомнения: их делали люди, обладающие общим языком и одной системой образов.

Так, от пустыни, астрономии и высшей математики история с насками опять вернулась к глиняному горшку.

Значит, предчувствия не обманули архео-

логов. Значит, они были правы, когда думали, что рисунки насков не просто украшение и не обычная роспись. Действительно, оказалось, что они рассказывали о таинственных и до сих пор неизвестных нам вещах.

Вот как простой горшок заставил профессоров ломать голову над своей тайной.

Некоторые горшки сделаны в виде человеческих голов. Можно предположить, что это портреты кого-нибудь из племени насков. Один такой горшок нарисован в самом начале этого рассказа. Лицо его сурово и трагично, глаза смотрят в прорези черной маски, и губы плотно сжаты. На нем красная шапка, а поверх шапки намотана праща. Из всех других народов пращу на голове носили только жители Балеарских островов — самые мужественные и бесстрашные люди древности.

Может, это изображение трофейной головы, а может, портрет воина. Но, может быть, любой из насков, будь он художником, или ученым жрецом, или просто земледельцем, всегда ходил с пращей, чтобы в любую минуту отразить нападение коварных врагов, ибо жил он в тревожное и опасное время.

Может быть, устав от дневных забот, он приходил в эту пустыню, захватив кувшин с водой и лепешку, приходил посидеть, подумать среди наземных рисунков — то ли посадочных знаков, то ли картинной галереи для богов, которые могли любоваться и читать ее сверху, то ли среди записей движения звезд. Он сидел в пустыне, разговаривал с небом и смотрел на звезды, в которых разбирался лучше, чем в собственном доме.

Странная это была пустыня. Совершенно ровная, как блюдо, рыже-черная и поразительно тихая. Тут никогда не было ни дождей, ни ветров, ни бурь. Будто ее заколдовали и погрузили в сон, и все непогоды проносились веками мимо нее.

Тихо спали нарисованные змеи, и ящерицы, и спруты. На кувшине, который он принес с собой, были такие же рисунки. Он на этом горшке записал рисунками то, что знал, что думал, а потом нечаянно разбил его и, должно быть, огорчился. А может, и нет, может, они никогда не огорчались, эти наски.

Потом он умер, умерли его дети и погибли его правнуки. И прошло много сотен лет. И когда ученые пришли в пустыню, они нашли не только начертания на земле, но и разбитый горшок, будто он разлетелся вдребезги только вчера. И они подняли с земли черепки, держали их в руках и думали, что, наверное, это страницы книги, которые написаны непонятным человеком из племени насков.

А что он написал, что поведал людям, или богам, или звездным пришельцам своими рисунками, — этого пока никто не знает.

и в дождь, и в холод.

Внимание, говорит Спорт с большой буквы!

Представьте себе состязания, где спортсмены соревнуются одновременно чуть ли не во всех существующих на земле видах спорта.

Представьте также, что многие спортсмены и команды — это цвет мирового спорта.

И самое существенное: дух, закон и смысл этих соревнований — честная спортивная борьба, в чем торжественно клянутся все ее участники.

Добавьте еще к этому, что, как бы ни была сладка и прекрасна победа на подобных соревнованиях, сам факт участия в них ценится столь же высоко, как и победа.

Все это, вместе взятое, и есть ОЛИМПИСКИЕ ИГРЫ, замечательная традиция, пришедшая к нам из Древней Эллады.

У олимпийского Мехико есть своя проблема — проблема акклиматизации участников: слишком велика относительно привычной высота над уровнем моря, а поэтому кислорода в воздухе меньше. Проблема эта особенно сложна для спортсме-

нов-конников: лошади тоже нуждаются в акклиматизации.

Кое для кого эта проблема вообще не проблема: некоторые спортсмены всегда тренируются и проводят состязания в «мексиканской ситуации», другие легко приспосабливаются, но неравные условия, в которых могут оказаться спортсмены в Мехико, ничто по сравнению с той великой пользой, какую принесет Олимпиада.

Дух Олимпийских игр всегда выше их чисто спортивных целей, вот почему укоренился термин «неофициальный командный зачет». Неофициальный. Это значит, что количество очков, завоеванных командой каждой страны, не явится главным мерилом участия на Олимпиаде. Разумеется, каждая страна стремится выступить как можно лучше, и поэтому мы, желая победы нашей советской команде, можем только пожалеть, что в ее рядах нет наших футболистов: проиграв в Острове чехам ответный отборочный матч, они лишились права бороться за медали в Мехико.

Однако список участников нашей команды, как всегда, достаточно полон. Давай-

Сергей ВОЛЬФ

и в жару

те же поболеем за них, за всех вместе и за каждого в отдельности!

*

С Финского залива дует в сторону Ленинграда слабый, теплый ветер. «Наш» «собственный» встречный ветер (мы едем на моторке) намного сильнее. И это очень кстати: жара стоит ужасная. В моторке нас двое: я, гость, и хозяин, Нил Васильевич Савин, тренер олимпийской чемпионки в гребле на байдарке Людмилы Пинаевой.

Я не просто гость, я гость непрошенный, человек «непосвященный», ненадолго по моей нижайшей просьбе допущенный на тренировку чемпионки, в лабораторию «высших сфер спорта». Перед выездом наш мотор разладился. Людмила «ушла» на воду раньше, и теперь мы долго ищем ее по многочисленным рекам, речкам и протокам Крестовского острова. Вокруг нас, покачиваясь на нашей волне, снуют легкие и изящные байдарки. Как, должно быть, непохожи они на парусиновые лодки господ петербуржцев, на которых послед-

Вот он, знаменитый гребок Людмилы Пинаевой. Он действительно напоминает движение косца на лугу.

ние еще в 70-х годах прошлого века пытались приобщиться к этому замечательному виду спорта. Да и байдарки 20-х годов, времен юности самого Нила Васильевича, вероятно, вызвали бы сейчас у спортсменов лишь ироническую улыбку. А Савин помнит их все. Вся история гребли на байдарках прошла у него на глазах, а лучше сказать, он сам делал ее, эту историю, неоднократный чемпион Советского Союза с 1934 по 1951 год,— здесь, я думаю, комментарии необязательны.

Снуют вокруг нас байдарки, движения гребцов легки и непринужденны, даже не верится порой, что гребец употребляет какое-либо усилие, а он употребляет, и — ого! — еще какое.

— Нил Васильевич, — спрашиваю я, — а сколько километров «накатывает» Люда за тренировку?

— Сейчас немного: километров пятнадцать (!). Весной и осенью побольше — от двадцати до тридцати. Впрочем, не одна она так.

— А чем она отличается от других гребцов на тренировке?

— Фантастической работоспособностью и трудолюбием. А нагрузки не маленькие:

Вовсе не всегда тренер бывает до конца доволен своей подопечной.

мы гребем и в дождь, и в снег, и в холод, и в жару. Здесь не каждый сохранит вкус к черновой работе.

— А ее техника гребли отличается от техники других спортсменов?

— Да, — говорит он, и я слушаю рассказ о том, «как именно» гребет олимпийская чемпионка.

*

Чем прежде всего отличается метод гребли на байдарке от гребли на других судах, скажем, шлюпках и академических лодках?

Прежде всего гребец в байдарке сидит лицом по ходу лодки. В гребле на каноэ (сугубо мужской вид гребли) — то же самое, но каноист в лодке не сидит, а стоит на колене, к тому же весло у него одно,

с одной лопастью, и гребет он всегда с одной стороны лодки, либо с левой, либо с правой, как ему удобнее. У байдарки же хотя и одно весло, но с двумя лопастями, и гребок идет то слева от лодки, то справа, попеременно. Посмотрите на след от идущей байдарки — он волнообразный, в силу попеременности гребка лодка подается то чуть влево, то чуть вправо, она не идет идеально прямо, и, скажем, если гребец проходит дистанцию пятьсот метров, то на самом деле путь его несколько длиннее. Значит, первая задача гребца — заставить идти лодку как можно более прямо. Как? Гребец, как легко догадаться, должен «проводить» весло в воде максимально близко к борту. Это понимают все и стараются делать все, но только у настоящих гребцов, которые гребут максимально близко к борту, и борт лодки и весло — как новенькие, а не ободраны и не трутся друг о друга, как это бывает у неклассных спортсменов. Но, конечно, вовсе не в этом отличие техники Людмилы Пинаевой от техники других наших гребцов и гребчих. Разумеется, гребец гребет руками, но в том-то и фокус, что это одновременно не совсем так. Если бы корпус гребца был неподвижен, а работали только руки, гребец быстро выдохся бы. Строго говоря, спортсмен должен грести корпусом, поворачивая его то влево, то вправо, а руки его только как бы держат весло, хотя, конечно, и они принимают участие в гребке. Это движение спортсмена несколько напоминает движение косца на лугу. Понять идею этого движения могут многие, а вот почувствовать его, это движение, и заставить работать определенную, «нужную» группу мышц тела — это могут далеко не все. Люда прекрасно овладела этим движением, может быть, поэтому начиная с 1964 года, когда она впервые стала чемпионкой Союза, победив грозную Антонину Середину, она не проиграла ни одного (!) заезда на соревнованиях любого ранга, будь то первенство нашей страны, или Европы, или мира. Ни одного заезда! И Олимпиаду в Токио она тоже выиграла.

*

Наконец в тихом и пустом канале возле залива мы находим Люду — вон она, впереди, в своей «одиночке» (а бывают и «двойки» и «четверки», в которых она тоже гребет со своими подругами), мокрая красная футболка, на голове панамы, белая, с яркими цветами, гребок левой, гребок правой, гребок левой, гребок правой, левой — правой, левой — правой, а жара стоит ужасная.

Наша моторка скидывает скорость и пристраивается «в хвост» к Людиной лодке. И так мы идем дальше, на одинаковой

О ЧЕМ ПОВЕДАЛИ ЗНАЧКИ

Ни один из этих значков не выменян и не куплен. Это подарки. Дарили их мне мои товарищи по оружию, дарили зарубежные друзья. Каждый значок — память о партизанских боях, о действиях подпольщиков, о революционных событиях.

Поэтому я очень люблю свою коллекцию.

Всякий раз, прибавляя новый значок, я раскладываю всю коллекцию на столе. И сразу же мысленно переношусь в густые партизанские леса, по которым бродил в годы войны, в тесные и сырые наши землянки и грозную тишину конспиративных квартир. Я вспоминаю друзей — живых и погибших, и разные истории — грустные и веселые — приходят мне на ум...

I. МЕНДАК ЗАЩИЩАЕТ ДИПЛОМ

Мендак невысок, но кряжист. Даже под свободной крестьянской свиткой, которую он носил и в дождь и в ведро, видно, как пере-

Значок Союза борцов за свободу и демократию. Польша.

катываются его тугие бицепсы и поигрывают мускулы на широченных плечах. Трофейная немецкая винтовка «маузер» казалась спичкой в его огромных ручищах.

Патроны Мендак носил в брезентовом охотничьем ягдташе, предпочитая его подсушкам и патронташам, и терпеливо отмалчивался, когда наши партизанские остряки называли его «охотником» и даже «браконьером». Только раз я видел, как он рассердился, когда ездовой Сенька Лох, желая рассмешить товарищей, засунул горсть земли в его ягдташ. Мендак встал с пенька, на котором сидел, сграбастал Лоха за шиворот и, словно пушинку, поднял в воздух.

— Не добже, пан Лох, робить, — неторопливо заговорил Мендак, держа Сеньку на весу. — А если бой? И все патроны землей посуваны! Зрозумив, прошу пана?

— Зрозумив, зрозумив!.. — закричал Лох.

— То добже, пан, — негромко сказал Мендак, аккуратно опуская Лоха на землю.

Владимир ПАВЛОВ

А вообще-то Мендак был молчалив. На занятиях по подрывному делу, которые вел начальник диверсионной службы нашего партизанского соединения¹ старший лейтенант Егоров, он никогда не задавал вопросов. Однако первым из будущих диверсантов отряда имени Ванды Василевской научился монтировать и ставить мины, вязать заряды, закреплять капсули-детонаторы на бикфордовом шнуре.

Польский отряд имени Ванды Василевской готовился перейти Буг и действовать на территории Польши. Мендак, который командовал подрывной группой, проходил курс нашей «лесной академии» — обучался подрывному делу. Старший лейтенант Егоров поставил «лесную академию», что называется, на широкую ногу. В ней была «аудитория» — полянка, на которой рядами лежали бревна, заменявшие слушателям стулья, и даже «учебный полигон» — кусок железнодорожного пути, собранного по всем правилам техники.

На полигоне будущие диверсанты тренировались до седьмого пота. В части установки и маскировки мин, умения незаметно подойти к полотну, обмануть бдительность охраны старший лейтенант не допускал никаких послаблений и строго взыскивал за каждую ошибку: гитлеровцы берегли железные дороги как зеницу ока.

Как только теоретический курс подрывных наук был окончен, Егоров приказал мне при-

нять у поляков экзамен: пойти с ними на железную дорогу и взорвать вражеский эшелон.

Откровенно говоря, я не очень обрадовался этому заданию. Курс наук вновь испеченные подрывники, конечно, прошли и основательно поползли на животах по учебному полигону, да и желания поскорее вступить в схватку с врагом у них было хоть отбавляй, но как поведут они себя на настоящей железке, где им грозит не строгий окрик Егорова, а вражеская пуля? Этого я еще не знал. Делать, однако, нечего, от задания не откажешься, поэтому свои сомнения я оставил при себе и начал готовиться к походу. Проверил мины и взрыватели, тщательно осмотрел снаряжение, а перед самым выходом из лагеря каждого заставил попрыгать. Прислушался: не брякнет ли что. У железки каждая мелочь может обернуться большой бедой. Кроме Мендака и его группы, вместе со мной шли еще два подрывника — мой старый друг, наш «главный сибиряк», бывший золотоискатель Вася Кузнецов, по прозвищу Чалдон, и наш проводник, местный хлопец Мыкола Слупачок, который знал в лесу каждую стежку не хуже, чем в собственном огороде.

К вечеру, когда солнце уже садилось и меж деревьев залегли вечерние сумерки, мы подошли к опушке леса. Вдоль нее вился столбовой шлях, соединявший станции Маневичи и Рафаловку. По ту сторону шляха справа темнел лес, слева расстиралось поле.

Я по себе знал, как важно для начинающего подрывника удачно совершить первую диверсию, почувствовать уверенность в своих

¹ Я партизанил в соединении партизанских отрядов дважды Героя Советского Союза А. Ф. Федорова.

силах. И беспокоился, как бы не случилось осечки. Накануне одна из наших групп пустила под откос эшелон. Там, где дорога идет лесом, гитлеровцы настороже и наверняка поджидают нас. Вылезти на полотно, поставить мину и отойти незамеченными вряд ли удастся... Выйти в поле? Там охрана меньше... А если обнаружат? На открытом месте не уйти.

Я отозвал Мендака в сторону и начистоту выложил ему свои опасения.

Мендак молча выслушал меня, с минуту подумал и лаконично сказал:

- В поле, прошу пана.
- А хлопцы как? Не подведут?
- За каждого дам ответ.
- Раз так — идем!

Как только наступила ночь, мы пересекли шлях и углубились в поле. Небо заволочло тучами. Накрапывал мелкий дождь. Мы шли, все время ощупывая рукой впереди идущего, чтобы не растеряться. Во главе нашей крохотной колонны шагал Мыкола, чудом угадывая путь в кромешной тьме. Наконец поле кончилось, мы вошли в кустарник. Слева послышался свисток маневрового паровоза. Пробежал звонкий перестук буферов. Тонко пропел рожок сцепщика. Мыкола остановился.

— Здесь, — чуть слышно прошептал он. И, руками нащупав мою голову, повернул ее влево. Сквозь сетку кустарника мелькнул красный огонек — входной семафор.

— Ты куда нас привел? — рассердился было я. — На самую станцию!

— Ничего, товарищ командир, — все так же чуть слышно прошептал Мыкола. — Тут нас не ждут. Ниякой охраны нема.

— Будем ставить мину! — подтвердил вынырнувший из темноты Мендак.

«А ты молодец!» — подумал я.

В этом месте вдоль линии железной дороги тянулись старые, обвалившиеся и заросшие травой окопы, сохранившиеся еще с первой мировой войны. В этих-то окопах мы и расположились. Мендак и один из его подчиненных вынули из мешков мину и заряд и уже собрались ползти к полотну, чтобы закопать их под рельс, как вдруг со стороны станции раздался глухой шум колес. Прямо на нас плыла круглая электрическая луна — фонарь паровоза. Поезд! Это была редкая удача. Ночью поезда не ходили. Видно, очень припекло гитлеровцев, если они решились все-таки выпустить эшелон. Теперь успех решали секунды.

— Ставь на шомпол! — сказал я Мендаку. — Успеешь?

Мина на шомпол, или, как мы ее иногда называли, «нахальная мина», ставится поверх шпал, без всякой маскировки, прямо перед самым носом идущего поезда, так, чтоб машинист, если и заметит, уже не успел остановить состав. Шнур от взрывателя привязывался к шомполу, который втыкали между

рельсов. Паровоз сбивал шомпол, дергал шнур и сам подрывал мину. Конечно, для установки «нахальной мины» требуется немалое мужество. Если не успеешь — задавит. Если сделаешь в спешке неверное движение, резко натянешь шнур, просто вздрогнешь — мина взорвется в руках...

— Успею! — прошептал Мендак. Он и его напарник работали с бешеной быстротой — вывернули из винтовки шомпол, достали взрыватель и, подхватив заряд, кинулись к линии. Не прошло и минуты — они уже вернулись. Есть! А поезд совсем рядом. Идет, набирая ход. Гитлеровцы, конечно, никак не ждут, что партизаны здесь, рядом со станцией. Желтые квадраты света из окон будки машиниста бегут вдоль насыпи, перепрыгивая через кусты. Ну!..

Меж колесами мелькнуло желтое пламя. Раздался грохот. Темная махина паровоза подпрыгнула и, тяжело кренясь, ухнула под откос. Со скрежетом и визгом вздыбились, полезли один на другой вагоны.

— Огонь!

Я не знал, что в поезде следовал гитлеровский зенитный дивизион. Несколько задних платформ, на которых стояли счетверенные зенитные пулеметы, остались на путях. И в ответ на очереди наших автоматов грянула целая лавина огня. Со стороны станции вспыхнул прожектор, зашарил по кустам бесконечно длинной светящейся рукой. В небо поднялись осветительные ракеты. Вся линия в один миг опоясалась пулеметными трассами, которые скрещивались над нашими головами, осыпали нас сбитыми ветками и листвой, щелкали о землю то справа, то слева... Счастье еще, что мы сидели в окопе и пули не доставали нас! Сквозь гром стрельбы донесся комариный писк моторов — к месту происшествия мчалось подкрепление.

— Отходим! — крикнул я Мендаку.

И опять поразился его спокойствию. Как ни в чем не бывало пересчитал он своих и приказал отходить.

...Когда к рассвету, с трудом уйдя от погоны, мы добрались наконец до опушки нашего партизанского леса и в изнеможении опустились на мягкую, устланную прошлогодней листвой землю, Мендак спросил меня:

— Ну, як наш диплом, пан командир?

— Выдержал, выдержал! — засмеялся я.

И все поляки тоже засмеялись.

Мендак и его товарищи вскоре расстались с нами и ушли в Польшу. Там они поставили еще немало мин и свалили под откос не один вражеский эшелон. Рассказывают, что Мендак, который живет теперь где-то в Польской Народной Республике, написал книгу о пережитом в годы войны.

А я, когда беру в руки этот значок, подаренный мне польскими партизанами, неизменно вспоминаю спокойную, кряжистую фигуру Мендака и ту ночь, в которую он пустил под откос свой первый эшелон.

Вот так они выглядят,
сказочные вичинанки.

Пучок соломы
да руки мастера,
и, полюбуйтесь,—
каков красавец!

В. ПЛИЧЕ

Мастера радости

Вы когда-нибудь бывали в Залипе? Нет? Так вот в чем задача: побывав там раз, нужно и на следующий год приехать, потому что вы, несомненно, приезжали туда посмотреть дома или колодцы, а они ведь ежегодно разрисовываются заново. И не ежегодно даже, а чаще: всегда ведь, как загрязнятся, закопятся стены — так снова их и белят, а в Залипе — так снова еще и разрисовывают. Залипе — сказочно разрисованная деревня. Кистью из конского волоса или из пучка проса залипские крестьянки такие чудеса выводят на печи, на потолке, на стенах, на входных дверях, что туристы приезжают смотреть. Пожалуйста, приезжайте, любуйтесь, но, по правде сказать, залипяне не для туристов росписи делают, а для себя, для своей души, чтоб всегда, каждый день, при любом тяжелом, трудном деле, в любое время всегда глаз

Не верится, что кони неподвижны — они же скачут, мчатся в лихом галопе...

и душу радовала яркая красота. Что залипяне разрисовывают? Все, что захотят. Что рисуют? Больше всего — цветы и птиц. Цветы фантастические: на одном стебле — как в сказке! — разные цветы растут, а все лепесточки имеют краски свои, залипянские, а не какие в природе бывают. Птицы тоже фантастические, с чудными крыльями и хвостами, в которых каждое перышко распушено и раскрашено.

В других областях Польши украшают дома по-другому, например, вичинанками. По-польски «вичинять» значит «вырезать», вичинанки и есть вырезки из бумаги. Когда-то в прошлом

ные занавески собственного, крестьянского рисунка, а кружевные вичинанки им сродни. Как сродни господским люстрам были «пауки» — всякие украшения для горницы, сделанные из соломы, стружки, яичной скорлупы и богато раскрашенные.

С помощью бумаги и красок делаются и выдмуханки, самодельные кувшинчики из яичной скорлупы — милые, дешевые подарочки. Название свое эти кувшинчики получили оттого, что прежде чем яйцо разрисовывать и подклеивать кусочками цветной бумаги, из него обязательно нужно выдуть — выдмухать — содержимое, что и делается через маленькие дырочки, аккуратно проколотые с обоих концов яйца.

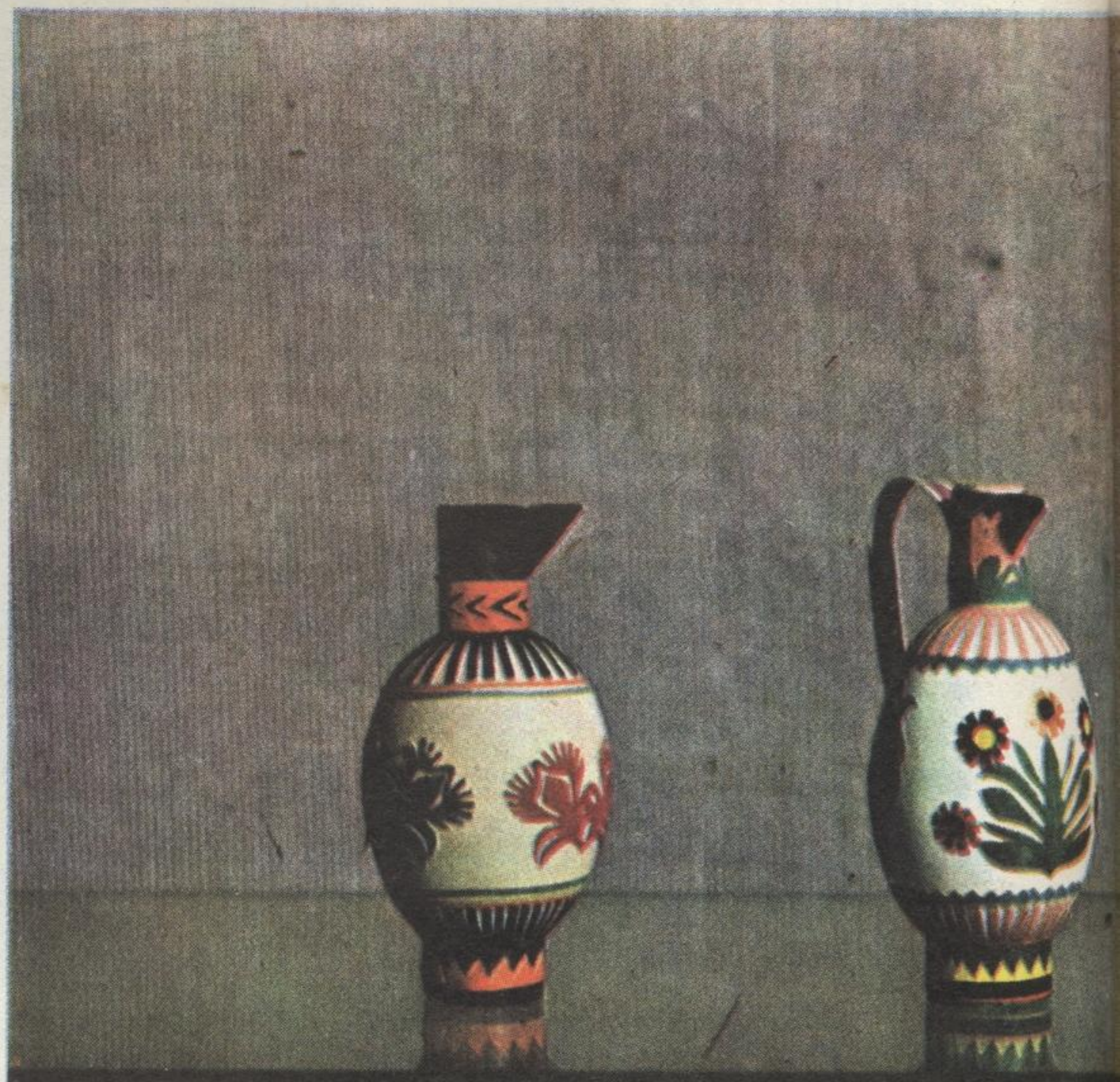
Надо сказать, что сегодня в Польше и вичинанок, и выдмуханок, и пауков делают много меньше прежнего, по привычке делают их из уважения к старине. Зато теперь узоры вичинанок и залипянские росписи воспроизводят в тканях фабричной выделки, а художники используют их для оформления современных городских зданий. Косынки с узорами вичинанок сразу раскупаются. И спросите у варшавян, в каком кафе они предпочитают выпить кружку молока, они обязательно назовут то молочное кафе, в котором стены расписаны по-залипянски: там красивее, там бодрее и приятнее. То же самое происходит и с деревенской детской игрушкой. Их делают еще, как и прежде, из глины, из теста, из соломы, из дерева. Конечно, есть еще бабушки, которые своим внучатам лепят из теста к празднику в подарок барашков и козчиков. И вежливые, надо надеяться, внучата благодарят бабушек, но играют ли они с этими козличками и барашками? Теперь ведь городская игрушка стала всем доступна, и разве найдется ребенок, который предпочел бы соломенного петушка заводному экскаватору? Соломенный петушок теперь — украшение комнаты, сувенир, а также мудрый пример того, как из простейшего материала и простейшим образом народный ум и народный опыт творят необходимую человеку радость.

Барашки и козлики из теста — традиционные подарки залипянских бабушек своим внукам.

польские горожане делали вырезанные узоры из сукна и кожи. Позже это искусство перешло в деревню, узоры стали делаться из бумаги, и возникло чисто польское, в других странах не встречающееся украшение крестьянского дома рисунками, вырезанными из бумаги. В каждом районе свой стиль у вичинанок. Двух одинаковых не найдешь. Они разнообразны, как неистощима фантазия мастеров, делающих из простой бумаги сказочные, причудливые картинки. Обычный петушок или обычный цветок в вичинанке преображаются: и красивы, как мастеру хочется, и сущность их показана — вот петушок выпятился — глупый, а вот цветы в венке собраны — веселье!

Есть вичинанки, похожие на кружева. Наверное, когда-то крестьянин увидел в окнах помещичьего дома кружевные занавеси и захотелось ему и свой дом украсить такой тонкостью, но купить кружева он не мог, мог только сделать их сам и из дешевого материала. Так появились в деревнях бумажные кружев-

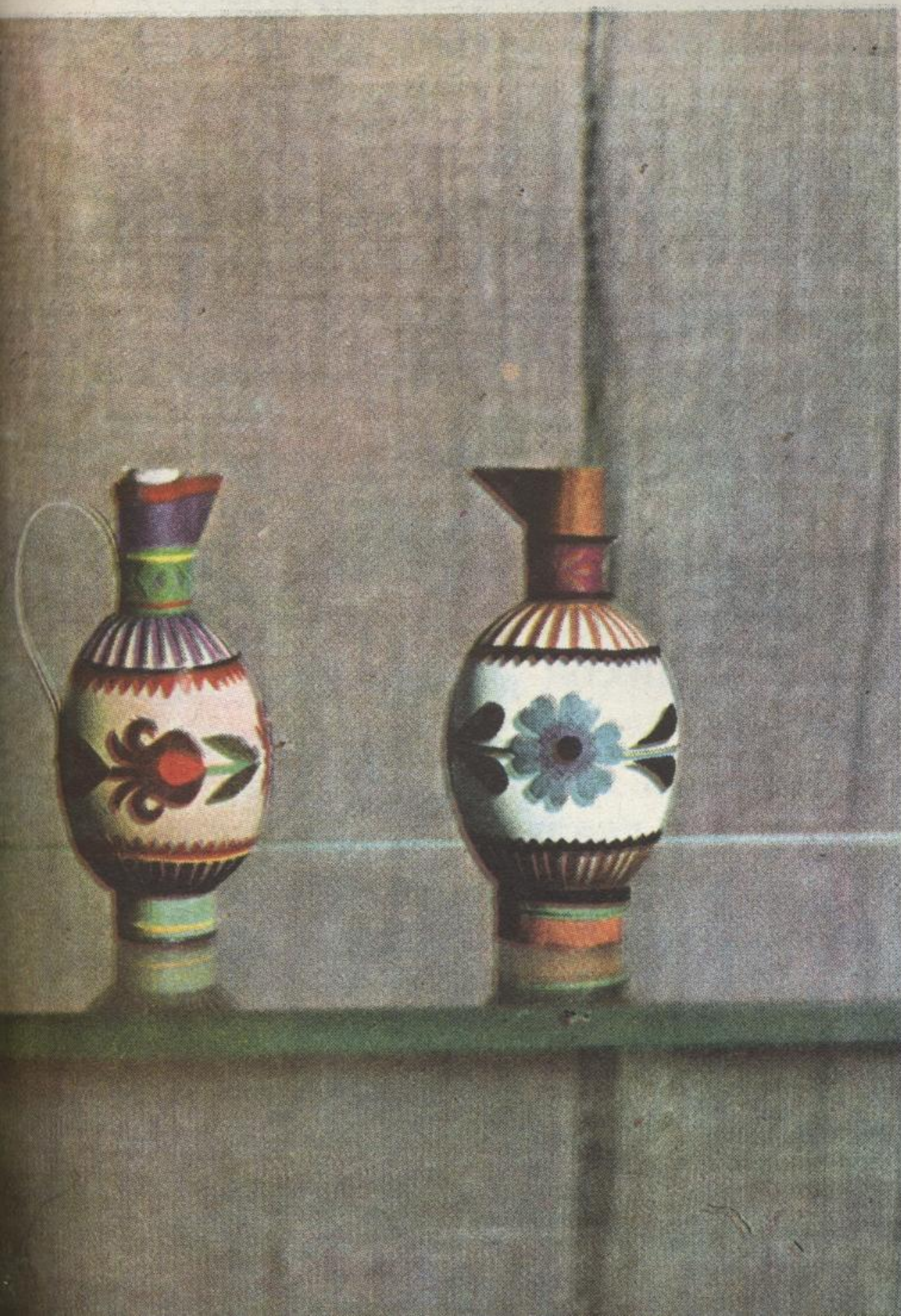

Красиво и весело — это можно сказать об орнаментах залиян.

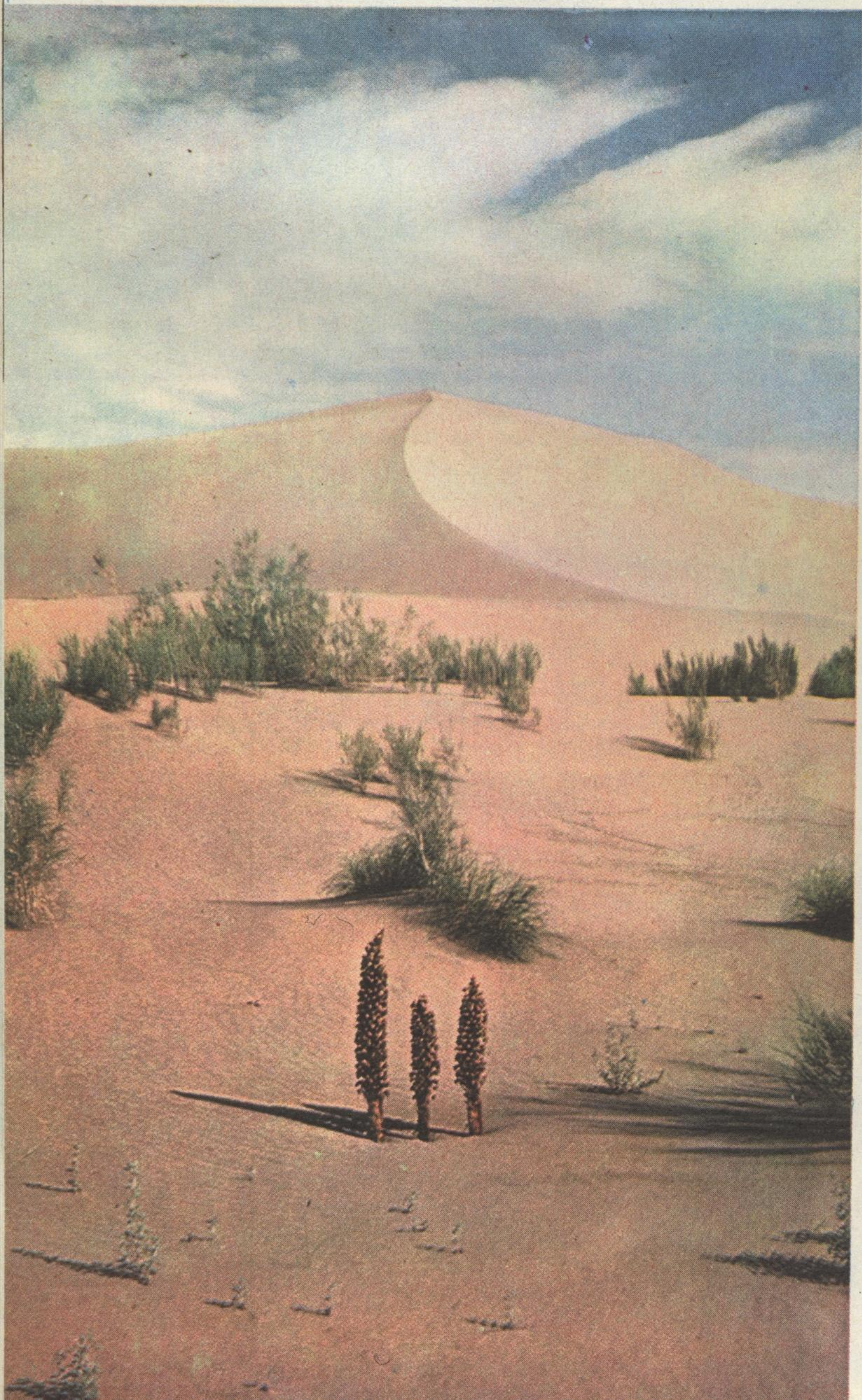
Петуха-то вы узнали, а вот что за зверь на снимке рядом, догадайтесь-ка сами.

Кто бы мог подумать, что все эти кувшины сотворены из обыкновенной яичной скорлупы...

МЫ С ДЕТСТВА УЧИМ ГЕОГРАФИЮ ФИЗИЧЕСКУЮ, ЭКОНОМИЧЕСКУЮ, ПОЛИТИЧЕСКУЮ. НО ЕСТЬ ЕЩЕ ОДНА ГЕОГРАФИЯ — ПОЭТИЧЕСКАЯ. ЕЕ ПОКА ЧТО НЕ ПРЕПОДАЮТ И О НЕЙ НИЧЕГО НЕТ В ЭНЦИКЛОПЕДИЯХ. НО ОНА СУЩЕСТВУЕТ В ЖИЗНИ. ЭТО МЕСТА, ГДЕ ЗЕМЛЯ, ДОЖДЬ И СОЛНЦЕ ПОРОДИЛИ НЕПОВТОРИМЫЕ ПЕЙЗАЖИ, УДИВИТЕЛЬНЫЕ ЦВЕТЫ И ДЕРЕВЬЯ. ГДЕ СТРО-

ПОЮЩИЙ

Равнина — от края до края. Солнце печет, как сквозь увеличительное стекло. От резкого блеска слезятся глаза. И мелкие мушки пустыни, колючие и сухие, словно песок, вечно изнывающие от жажды, липнут на лицо и жадно пьют слезы. А мы щурим и щурим глаза: слишком много вокруг яркого неба!

На самом краешке горизонта две плоские лиловые горы, как две крепко спящие черепахи. Между лиловыми черепахами что-то желтеет. Это таинственный Поющий бархан, похожий издали на египетскую пирамиду. Огромная гора золотого песка!

Два ветра, сшибаясь у спящих гор, за тысячу лет навеели живую, сыпучую гору. И острая вершина ее, как вулкан, курится в синее небо.

Мы поднимаемся на бархан по острому песчаному гребню. И кажется, что идем мы по узкому коньку крутой крыши все вверх и вверх. Поднимаемся медленно, как по ступенькам, шаг за шагом.

Песок тяжел и сыпуч. С шорохом оседает он под ногами. Иногда странно похрустывает и скрипит, словно идем мы не по песку, а по морозному, скрипящему снегу. Ветер подхватывает плывущий песок и целыми пригоршнями швыряет в глаза.

Больше всего сейчас хочется пить. В радужных пятнах перед глазами видятся стеклянные фляги с кристальной водой. Грани их посизели от холода, они выскользывают из задубевших ладоней. Горячие губы стынут на горлышке, ледяная вода булькает в

ГИМ МАСТЕРОМ БЫЛО ВРЕМЯ, РЕЗЦОМ МАСТЕРА — ВЕТЕР, А МАТЕРИАЛОМ — КАМЕНЬ. ТЫСЯЧИ ЛЮДЕЙ СПЕШАТ В ЭТИ МУЗЕИ ПРИРОДЫ. СПЕШАТ, ЧТОБЫ УВИДЕТЬ ВСЕ СНОВА И СНОВА... У КАЖДОГО ЕСТЬ ТАКИЕ ДОРОГИЕ СЕРДЦУ МЕСТА. ДАВАЙТЕ И МЫ С ВАМИ, РЕБЯТА, ПОДЕЛИМСЯ СВОИМИ ОТКРЫТИЯМИ, СОЗДАДИМ НАШУ ПОЭТИЧЕСКУЮ ГЕОГРАФИЮ.

БАРХАН

пересохшем горле... Но только обжигающий ветер засвистывает в ушах да на зубах скрипит раскаленный песок. И рыжие космы песчаной поземки струятся по крутым склонам, трут их и гладят, метут к вершине тучи песка, и вершина шевелится и дымится.

И вдруг гора охнула и задрожала! В самой ее утробе зародился тяжелый гул: он приближается и нарастает, он рвется наружу! Вот вырвался из горы и навис над пустыней, глухой, тревожный и непонятный.

Мы прыгаем с гребня на склон и катимся вниз. Под ногами взбухают желтые волны песка. Справа и слева, нас обгоняя, дымя, несутся узкие и стремительные песчаные лавины. Гора гудит и трясется. Всем телом ощущаем мы эту яростную, безудержную дрожь: гору бьет лихорадка. Поет Поющий бархан! Мы съезжаем, обалдевшие и растерянные.

И вдруг тишина. Гора умолкла так же неожиданно, как и запела. Поднимаемся, осматриваемся — как будто и не было этого чуда! Вытряхиваем песок из волос и ушей. Пригоршнями выгребаем его из карманов и «выливаем» из ботинок и сумок. Песок, песок — он так и струится сквозь пальцы. Мы перепуганы, но довольны: мы слышали «духов горы»...

Совсем недавно еще непонятное гудение песчаной горы вызывало суеверный страх. Сейчас, конечно, все понимают, что это не угрожающий «голос пустыни» и не возмущенные голоса «духов гор». Но что это, по-

ка не совсем ясно: загадка поющих песков не разгадана до сих пор. Много высказано догадок и предположений, но ответа твердо нет.

Гора спокойна и величава. Все так же желтые космы поземки змеятся по склонам, укладывая косую песчаную рябь. Все так же дымится песком вершина.

Мы снова идем по пустыне, топча ногами черную тень. В знойном мареве извиваются стволики саксаула, будто отраженные в неспокойной воде. Далекие впадины под горами наливаются синевой, как водой. А лиловые вершины далеких гор-черепак то вдруг сплющиваются в лепешку, то вытягиваются столбом, а то и совсем отрываются от хребтов и повисают в воздухе, как облака.

Все ослепительно и неверно. Солнце колет глаза, снова выступают слезы, и снова мухи-слезопойки лезут в лицо.

Поющая гора все меньше и меньше и вот уже снова, снова желтеет, как далекая египетская пирамида. А юркие струйки песка вползают в наши следы позади, все сравнивают и засыпают.

Рисунки А. БОРИСОВА

Два великолепных альбома Люси — это иллюстрированная энциклопедия военных знаний. Судите сами: Люся не просто называет марку самого большого нашего самолета, Люся дает портрет генерального конструктора этой машины О. К. Антонова, схематический разрез самолета, его технические данные, типовые варианты загрузки (железнодорожный вагон, железобетонная ферма, три пассажирских автобуса), перечисляет рекорды, поставленные на АН-22.

А вот как она заканчивает свой ответ на первый вопрос I тура: «Истребитель — это машина «высокого неба», мгновенной атаки и убийственного огня».

«Бомбардировщики — это машины «большого неба», машины воздушного наступления». И затем, отвечая на другой вопрос, продолжает:

«Штурмовики можно назвать машинами «малого неба», они предназначены для ближних действий».

Поздравляем Люсю с умными, яркими ответами.

Рядом с Люсей Смирновой мы назовем еще нескольких ребят, которые очень хорошо ответили на вопросы I и II туров, хотя и допустили отдельные ошибки.

ОЛЕГ ДАРАГАН из Челябинска, девиз «Непобедимая и легендарная»,

АЛЕКСАНДР СЕВАСТЬЯНОВ из Алма-Аты,

ВЛАДИМИР ЗУБКОВ из Ахтубинска,

САША ПЕСКОВ из Москвы,

АЛЕКСАНДР СЕМИН из Москвы и

ЯРОСЛАВ ЛАМЕШ из чехословацкого города Белая Глина.

Здесь же отмечаем хорошую коллективную работу ОТРЯДА ИМЕНИ КОСМОНАВТА А. ЛЕОНОВА из деревни Черее, Витебской области.

Остальные ребята ответили на вопросы только одного какого-либо тура. Некоторые сделали это без единой ошибки, и мы решили назвать их тоже в числе победителей.

ПОБЕДИТЕЛИ I ТУРА

ВИКТОР ВАЙНЕРМАН, г. Винница.

АЛЕКСАНДР ЖИРНОВ, пос. Усть-Омчуг, Магаданской обл., девиз «Разве найдутся на свете такие огни, такие муки, такая сила, которая бы пересилила русскую силу» (Н. В. Гоголь).

ВЛАДИМИР ИРГАШОВ, г. Березники, Пермской обл., девиз «Без борьбы нет счастья на земле».

ИГОРЬ КАЛЮЖНЫЙ и ПАВЕЛ ПЛАНКИН, г. Ростов-на-Дону, девиз «Быть смелым, честным и умелым».

ЛЮДА ЛОСЕВА, г. Кривой Рог.

ГАЛИНА МЕДВЕДЕВА, г. Караганда, девиз «Черная чайка».

СЕРЕЖА ПАНКРАТОВ, с. Кутузовка, Омской обл., девиз «Советская Армия непобедима».

АНДРЕЙ ПЛЮЩЕВ, г. Барановичи.

А. В. СКАКУНОВ, г. Львов.

ГЕННАДИЙ ШЕБРАКИН, г. Ивантеевка, Московской обл.

ЛАРИСА ШПУНГИНА, г. Челябинск, девиз «Непобедимая и легендарная».

ВАЛЕРА ЩЕГОЛИХИН, г. Красноярск.

ПОБЕДИТЕЛИ II ТУРА

ВАСЯ АРАБИН, г. Москва.

РАШИД АРСЛАНОВ, г. Ижевск.

ИГОРЬ БАКБАРДИН, г. Киев.

ВЛАДИМИР БАТРАКОВ, дер. Хармынка, Брянской обл.

СЕРГЕЙ БЕТОВ, г. Кохма, Ивановской обл.

КОЛЯ БЕЦИН, г. Полярный, Мурманской обл.

СВЕТА и НАТАША ВЕТЛУГИНЫ, пос. Октябрьский, Крымской обл. (в конце письма сестры сообщают, что они уже летали на ИЛ-14, ТУ-104, ТУ-124, АН-2, АН-10, ЛИ-2).

НАДЯ ДЕНИСЕНКО, г. Псков.

В. ЗАБЛОЦКИЙ, Ф. ЧЕРНИКОВ, М. ГОРОБЕЦ, п. Донское, Донецкой обл.

ИВАН ИВАНОВ, г. Калинин.

КЛУБ ЮНЫХ МОРЯКОВ, командир КАРИХ В., матрос МИХАЛИН В., боцман

НОРЕШНИКОВ А., ст. Сон, Красноярского края.

ВЛАДИМИР НАЗАРОВ, г. Николаев.

Н. ПРАХОВ, г. Севастополь.

ЕВГЕНИЙ СТУЛИКОВ, г. Добеле, Латвийской ССР.

ВЛАДИМИР ШОЙТОВ, г. Тукуме, Латвийской ССР.

*

Конкурс закончился. И редакция журнала «Пионер» благодарит тех, кто помог провести конкурс и определить победителей, — ВОСПИТАННИКОВ МОСКОВСКОГО СУВОРОВСКОГО УЧИЛИЩА и их руководителя в этой работе капитана ВИКТОРА ФЕДОРОВИЧА СОСКОВА.

Победители конкурса награждаются почетным призом — путевкой в пионерлагерь «Орленок».

★
КОНКУРС «ПОД КРАСНОЙ ЗВЕЗДОЙ»

А. МИЛН

ПРО ОДНОГО МОРЯКА

Мой дед был знаком с пожилым моряком,
Который хотел сделать множество дел.
Он сделал, конечно бы, дел без числа,
Да вечно мешали другие дела.

Однажды он в море упал с корабля,
Плывет он по морю и видит: земля!
Качаются пальмы и волны вокруг,
Но плохо без шляпы и плохо без брюк.

Рисунки И. ГАЛАНИНА

«Я правильно сделал, что выплыл сюда,
Но где здесь обедать и где здесь вода?»

Сперва, чтобы с голоду не умереть,
Решил смастерить он крючок или сеть.
Потом он решил, что начнет не с крючка,
А с пресной воды, а точнее, с ручейка.
Но тут же подумал о том, что ему
Уже надоело бродить одному
И он для прогулки найти был бы рад
Хотя бы козу или даже цыплят.

Хотел бы он дом, чтоб от ветра — стена,
Чтоб в двери входить и смотреть из окна,
И чтобы на двери повесить замок,
И чтобы никто его тронуть не мог.

Он взялся за сеть, но устал, как назло,
И солнце затылок ему напекло.
Что ж, сеть, он решил, никуда не уйдет,
А лучше сначала он шляпу сплетет.
Он листьев нарвал и нарезал коры,
Но вдруг застонал: «Ой, умру от жары!
Умру от жары и от жажды притом!
Сначала ручей, остальное потом».

Он сделал полшага и сел на песок:
«О как я несчастен и как одинок!
Сначала, — вздохнул он и вытер слезу, —
Найду двух цыплят или лучше козу».
Козу б он нашел, если б знал, где она,
И если б не вспомнил, что шляпка нужна
И что паруса к этой шляпке нужны:
«Сошью-ка я парус! Нет, лучше штаны!»

Штаны бы он сшил, но подумал о том,
Что время пришло приниматься за дом,
Чтоб крыша — от солнца, от ветра — стена,
Чтоб в двери входить и смотреть из окна.
В кустах дикари, может, бродят вокруг,
И трудно понять, кто там враг, кто там
друг.

Неплохо б на двери повесить замок,
И чтобы никто его тронуть не мог.

Но что за строительство без топора?
И тут он решил, что обедать пора.
Да, шляпа — от солнца, и дом — от беды,
И сеть — для еды, и ручей — для воды,
И парус бы сшить, и козу бы поймать,
Да только неясно, с чего начинать.
А раз ни на что он решиться не мог,
Он в плащ завернулся и лег на песок.
И так он валялся от мира вдали,
Пока наконец-то его не спасли.

Перевела с английского Н. ВОРОНЕЛЬ

ЭКСПЕДИЦИЯ

ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ!
Девчонкам и мальчишкам!
Важное сообщение!

Каждый, кто умеет увидеть,
каждый, кто умеет делать,
каждый, кто умеет передать
ДЕЛО, НУЖНОЕ ВСЕМ,

НА НАШЕЙ УЛИЦЕ ФИЛИМОНОВА

ДОНЕСЕНИЕ

кто мы!

Уличный разновозрастный отряд имени А. П. Гайдара. Уличный, потому что в наш отряд входят ребята, которые живут на улице Филимонова (село Белое, Курской области). Разновозрастный, потому что самый старший из нас — десятиклассник, а самый младший еще не пошел в школу.

— Вот так отряд! — скажете вы. — И стар и млад! Разве интересно?

Мы говорим:

— Интересно! А самое главное — нужно! Нужно нам, нужно малышам, очень нужно нашим родителям, школе, селу. Работает отряд и летом и зимой. И каждый в нашем отряде чувствует особую ответственность: рядом младший товарищ, который смотрит на тебя и берет с тебя пример.

А вожатого у нас нет. Есть командир отряда и штаб. Немного нам помогает школа, немного райком комсомола. Но если бы был вожатый, мы смогли бы сделать больше.

С первого дня командиром нашего отряда выбирается Лена Светличная. Это знаете, какая девочка! Мы вам про нее только один случай расскажем.

Как-то весной решили мы, что сделаем свою, отрядную улицу самой красивой во всем селе, а может, даже и в районе.

В одно воскресенье все хлопцы и девчата, от мала до велика, с лопатами и прочими необходимыми вещами махнули в лес за саженцами.

Знаете, мы никогда так в жизни не работали. Это прямо как штурм неприятельской крепости.

Лена Светличная, наш командир, порвала свои резиновые сапоги. Не то о сучок, не то обо что еще. И работала целый день с полными мартовской талой воды сапогами. И никому про это не говорила. И не узнали бы мы об этом, если б Лена не заболела...

На улице нашей отрядной растет сейчас шестьсот деревьев! Дело наше — наш отряд. Родился он пять лет тому назад.

откуда мы!

вожатый отряда

командир отряда

ЗДРАВСТВУЙ!

торопись прислать на опорную базу экспедиции «Здравствуй!»

ДОНЕСЕНИЕ
Откуда вы?
Кто вы?
На что вы готовы?
Чем мы поможем вам?

Мы не хотим сказать, что были самыми первыми. До нас такие отряды организовались в селе Суджа, нашей же Курской области. Наверное, и в других областях есть разновозрастные отряды. Но в нашем Беловском районе мы начинали на пустом месте.

Не один и не два, а одиннадцать концертов на своей и соседней улицах за три месяца дали наши ребята. Только, пожалуйста, не думайте, что в концертах участвовали одни девчата. Хлопцы акробатические номера показывали, в спектаклях играли.

А улица? Вы думаете, посадили деревья — и все? Как бы не так! За ними следить надо было, они же молоденькие. Какое чахнет, какое сохнет. И цветы. У каждого дома цветы. Не улица, а праздник.

Каждое утро выбегает на середину улицы горнист отряда Костя Радченко. Поднимает горн — и выскакивают из домов хлопцы и девчата на зарядку. А после зарядки девочки идут по домам и собирают малышей в детский сад.

Вот так мы жили и жили, потом проблема появилась. Ну какой же это отряд, если у него своего места нет? Где знамя хранить, барабан, горн, планы отрядные, библиотеку? В нашей

дело, нужное всем

ОКТЯБРЬСКИЙ МАРШ

Рассказ секретаря ЦК ВЛКСМ
Азербайджана М. ФАРАДЖЕВОЙ

Наши пионеры, азербайджанские, отправились сейчас в юбилейный «Октябрьский марш».

«Октябрьский марш» — это поход добрых и важных дел. Только по какой дороге идти, каждый отряд, каждая дружина решают самостоятельно, сами составляют свой маршрут. И каждому охота выбрать тропу интересную, никем еще не хоженую.

Бакинцы спустились в глубь земли: они все вместе отработали 30 тысяч часов на строительстве метрополитена.

Пионеры Хачмасского района из дружины имени Гага-

рина пошли в поля, на пустоши и посадили там 2 тысячи фруктовых деревьев, 800 кустов роз и 80 сосен.

Пионеры из городов Нахичевани, Сумгаита и Степанакерта двинулись в сельские школы. Они подружались с деревенскими ребятами, ездят к ним в гости, чтобы вместе ходить в походы, зажигать праздничные костры. Зимой городские ребята посылают сельским книги, настольные игры.

А пионеры из школы № 99 г. Баку далеко не ходили: прямо у себя дома устроили клуб под названием «Смена смене идет». Это для тех, кто

вступает в комсомол. Клуб познакомился — больше письмами, конечно, — с комсомольцами, которые окончили их школу. Теперь ребятам пишут из воинских частей, где служат выпускники 99-й, со строительства Шушенской ГЭС, из разных мест. По этим письмам изучают пионеры историю комсомола своей республики. Не только ко вступлению в его ряды готовятся, но и присматриваются к дорогам, которые их ждут за школьными дверями. Из присланных со стройки фотографий собралась у них целая выставка «Комсомол на ударных стройках».

ДЕЛО КОТОРОЕ ПОМОЖЕТ ТЕБЕ

Аня Гросс из Кемеровской области передает:

«Наш школьный фенологический кружок изучает природу. Мы давно уже ведем календарь фенолога, теперь наши наблюдения пригодились для географического атласа того района, в котором мы живем».

Мехри Баходырова из Ташкента сообщает:

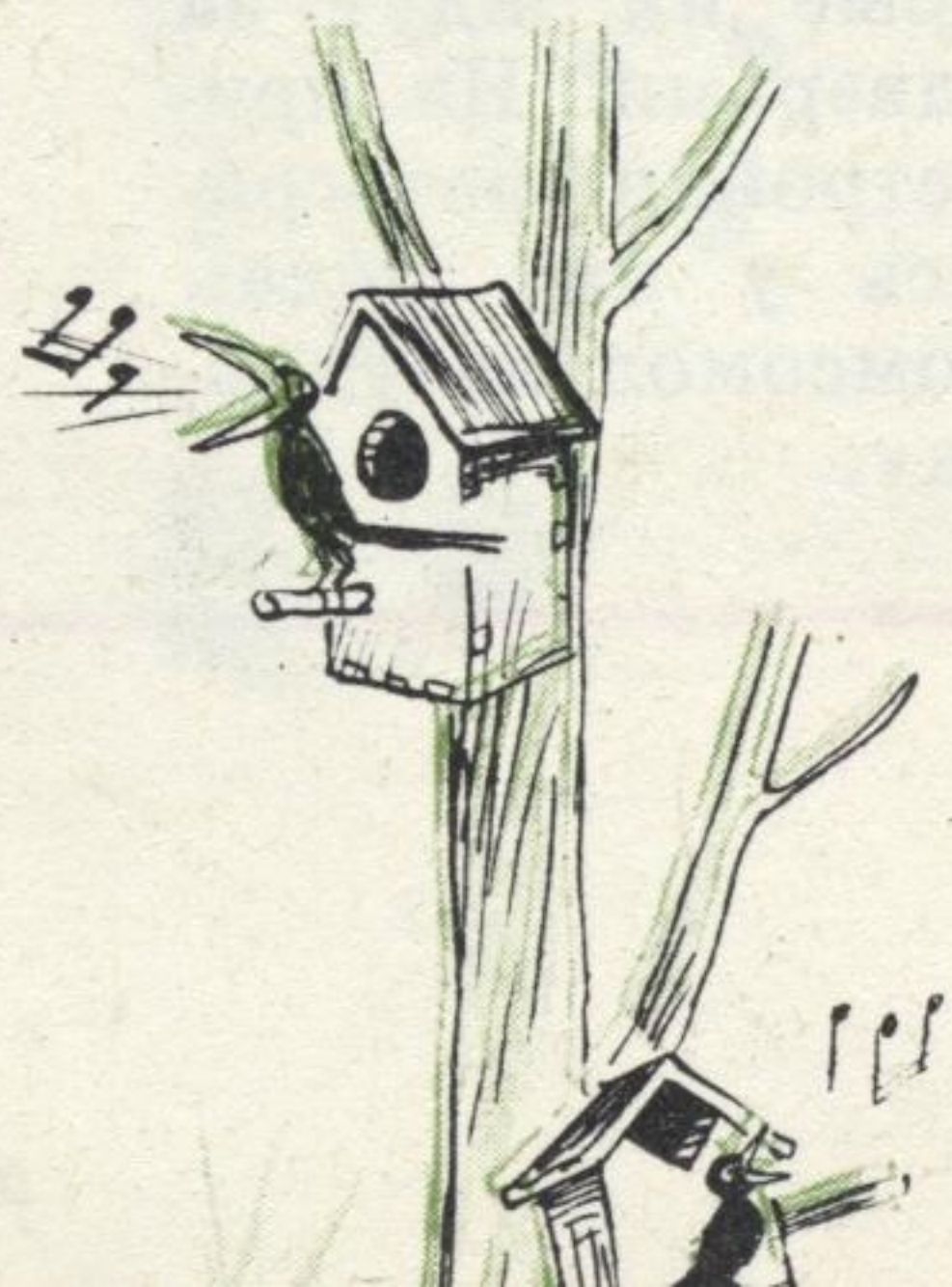
«Большая перемена раньше проходила у нас невесело. Кто уроки доучивает, кто книжку читает, кто так просто сидит в классе без дела. А перемена длинная — двадцать пять минут, больше половины урока! Совет дружины придумал на большой перемене устраивать спортивные состязания по волейболу, баскетболу или теннису. Теперь в большую перемену наш стадион полон народом, и никто не скучает!»

Алоян Вардан из Еревана рассказывает:

«Мы здорово научились делать скворечники! Когда у нас был день птиц, мы все отправились за город. Сначала мы слушали одного ученого — он рассказывал о повадках птиц. Потом залезали на деревья и прибавали там скворечники. Теперь я часто вижу скворечники, которые мы сделали в помощь птицам».

Тимуровцы из Серпухова рапортуют:

«На линейке в школе № 8 тимуровцы предложили ребятам такой конкурс: найти для себя дело, нужное школе, выполнить его на совесть и доложить. Сроку на все дали два часа. А когда подвели итоги, оказалось, что за 120 минут пионеры успели распилить все дрова, заготовленные для школы, починили парты и стулья в классах да еще «вылечили» кучу книг и наглядных пособий».

отрядной библиотеке четыреста книг. И читают их не только ребята, а и все взрослые нашей улицы.

— Ладно, — говорит тетя Поля Цыхманова. — Забирайтесь в мой сарай.

Хлопцы сарай подмазали, побелили. Да так, что и сараем его не назовешь. Ящички для картотеки библиотечной смастерили, стол, этажерку.

У нас есть спортивный клуб, футбольные и волейбольные команды. И малышей старшие ребята тренируют. Каждое лето наши трудовые бригады работают в колхозе. А еще мы любим ходить в походы. Мы собираем материалы о ветеранах войны, живущих на нашей улице.

Вот такой наш отряд. Вот такое дело мы делаем и считаем, что оно нужно всем.

Товарищи! У нас мало книг о пионерских и спортивных играх. Нас интересуют новые формы работы пионерских отрядов. Мы собираем материал о битве на Курской дуге и особенно в районе нашего села Белое. Может быть, кто-нибудь поможет нам?!

Штаб разновозрастного уличного отряда имени А. П. Гайдара

ДОНЕСЕНИЕ

ПОРТ ПРИПИСКИ — СВЕРДЛОВСК

На старинных картах, на высохших страницах толстых книг есть рисунки крутобоких маленьких кораблей с длинными и узкими вымпелами. На них, на каравеллах, в давние века путешественники открывали новые земли.

Отряд на нашей улице называется Пионерский пресс-центр «Каравелла».

Пионерский — потому, что почти все ребята в нем — пионеры. Есть октябрята, но они уже заранее учат «Торжественное обещание». Есть комсомольцы, но они не расстаются с красными галстуками.

Пресс-центр — потому, что мы корреспондентский отряд. Мы разведчики всего интересного, всего нужного. Не раз срочные задания поднимали нас, как сигнал тревоги, и мы бросались к дверям, срывая с гвоздя фотоаппараты.

«Каравелла» — потому, что мы тоже стремимся к открытиям. На свете столько удивительного, столько важного! Мы стараемся узнать как можно больше. Узнать и рассказать другим.

А еще мы любим море.

Порт приписки «Каравеллы» — Свердловск.

Море далеко. Но Уктусский хребет, поросший лесом, подни-

мается над нашей улицей, как вздыбившийся морской вал, и дома похожи на пароходы. Балконы — словно капитанские мостики. С этих мостиков иногда видят наши мальчишки, как поднимается над зеленым морем дымок костра. Тогда горны режут тишину короткими сигналами и на мачту отрядной линейки вползают флажки морского свода — тревога...

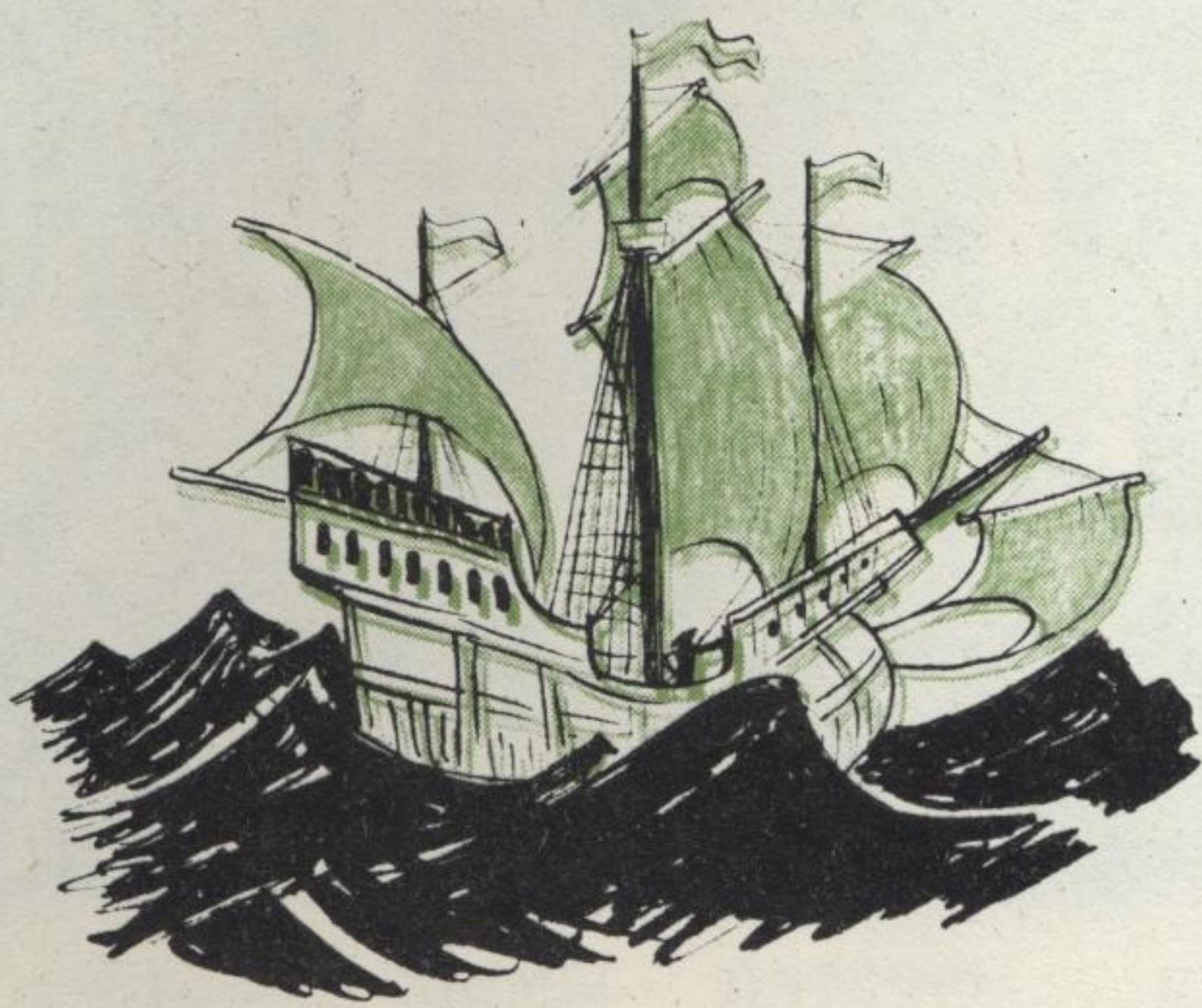
Упитанный дядька, забросив под куст пустую бутылку, лениво огрызался:

— Проходи, проходи, не ваше дело... А кто вы такие? А какое у вас право приказывать, чтоб я костер потушил?

Право? Мы здесь выросли. Мы здесь делали первые шаги на лыжах. На этих полянках звенели клинки наших ралир, когда мы учились мушкетерскому искусству. Про этот лес писали первые неумелые заметки, среди этих сосен делали первые фотоэтюды для стенгазет. Здесь готовились к дальним походам. Мы-то знаем, какие пустоши выгорают от одного уголька...

Мы не стали говорить об этом любителю пустых споров. Если надо, пусть узнает о нашем праве у лесника.

Командир обернулся и тихо свистнул. Бесшумно и быстро скользнула из-за кустов шеренга велосипедистов. Они стояли локоть к локтю, рослые ребята в синих рубашках с юнкорской нашивкой, со скрещенными ралирами на правом рукаве, с медалью лагеря «Орленок» над карманом, и молча смотрели на собутыльников. Дюжий дядя с приятелями долго и тщательно

но топтался на погасшем костре. Они стали вежливыми и предупредительными. Лишь уходя, издали они прокричали:

— Связываться неохота! Попадётся каким-нибудь ребятам, они вам шею посворачивают!

Встречались и ребята. Недавно группа с соседней улицы объявила нам войну.

— Нашлись пожарники! Только суньтесь на нашу территорию!

Мы совались. Мы объясняли, что костры — хорошая вещь, когда они окопаны, когда обложены камнями и не стреляют раскаленными углями. До драки не дошло. Это были честные противники и славные ребята. Через месяц четверо пришли проситься в отряд. Еще через день пришел пятый.

Лес, как море, уходит за горизонт. У нас есть постоянный патрульный маршрут. Сначала до скал в конце просеки, где мы снимали свой первый игровой фильм про взятие крепости. Потом к памятнику, который мы сложили, помня о тех, кто не вернулся с войны, с дальних дорог. Десять километров по кругу. Мы выходим поздно вечером и возвращаемся к полуночи. Иногда — промокшие под шальным ливнем. Иногда — с пеплом от затоптанного огня на ботинках. Давно уже решено не

ДЕЛО,

КОТОРОМУ ПОМОЖЕШЬ ТЫ

Это письмо пришло из Якутии. Таня Саввинова рассказывает:

«Я учусь в восьмом классе. В прошлом году я была заместителем председателя совета дружины, нынче буду работать председателем. Я хочу, чтобы в этом году всем ребятам было интересно, но я не знаю, как это сделать, с чего начать. Посоветуйте, пожалуйста!»

Тане Саввиновой нужно отвечать по адресу: Якутская АССР, Ленинский район, д. Мальжагар.

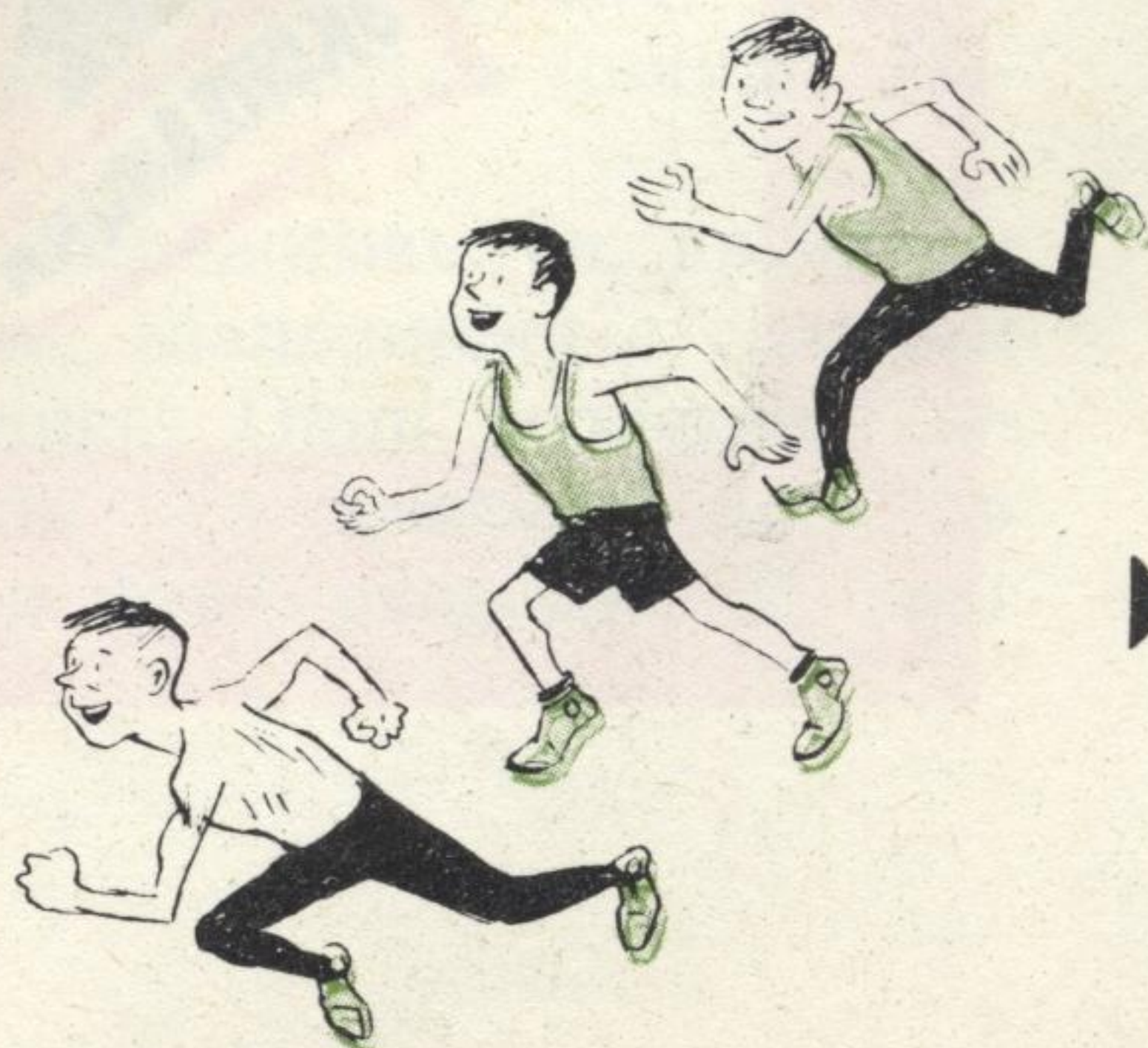
Оля Белоусова спрашивает, как коллекционируют значки. Их у нее уже 42, но она не знает, что с ними делать дальше. Олин адрес: Курганская область, Шатровский район, с. Шатрово.

Виктор Клименко (Саратовская область, г. Энгельс — 19, 5-й квартал, д. № 12, кв. 53) просит ребят, у которых есть аквариум, прислать ему трипофлавин — лекарство для лечения рыбок.

Девочки — шестиклассницы пишут о том, что они организовали тимуровскую команду в своем дворе. «Мы хотим взять шефство над малышами нашего дома. Посоветуйте, пожалуйста, чем нам еще заняться». Добрые пожелания и полезные советы посылайте по адресу: г. Ярославль — 34, ул. 2-я Степная, д. 10, кв. 23, О. Шулимовой.

Вови Томоон, Аста Рандмер, Эви Коулл из Пярну передают:

«У нас в Эстонии часто идут дожди. Что же, как дождь, так сидеть дома и скучать? Ничего подобного! У нас есть хор, в нем пятнадцать ребят. Как начнется дождь, все, кто свободен, надевают плащи и бегут к летней эстраде, и они не говорят, что наш город дождливый и им нечего делать в плохую погоду. Чем сильнее дождь, тем веселее песни».

Мы — пионерский пресс-центр «Каравелла».

вожатый
отряда

считать, сколько погашено брошенных костров, сколько затушено начинавшихся пожаров.

Чем их меньше — тем лучше.

Наш вожатый — писатель Владислав Петрович Крапивин. В этом номере вы прочтете его новую повесть «Тень каравеллы».

ВНИМАНИЕ

Перед тобою знак, который ты пошлешь тому, кто тебе помог. Перед тобою знак, который придет тебе тот, кому помог ты.

Это лицевая сторона знака.
А это оборотная.
Нарисуй его и отправь друзьям, которые помогли тебе.

И. АНДРЕЕВА

Рисунки
Л. СЕРГЕЕВА

СУХИЕ БАНАНЫ

Я когда в Оху в командировку вылетала, друзья просили меня привезти медвежью, ну в крайнем случае оленью шкуру, пимы оленьи.

— Хорошо бы тебе на собачках прокатиться! — говорили.

— Оденся потеплее, — говорили. — Морозы там знаешь какие, под пятьдесят...

— Корюшки, корюшки привези!

И вот полетела я через весь Сахалин на север, и скоро из-под снега, как иголки ежа, вылезли нефтяные вышки. Их становилось все больше, а когда земля под нами оцетинилась вышками, я поняла, что подлетаем.

Долговязые вышки забредают здесь и в жилые кварталы города. А по обочинам дорог торчат дощечки, как деревянные лопаты, посаженные в снег ручкой. В Москве в дни моего детства тоже были такие дощечки. На них обычно писали: «Осторожно, листопад!» или «Тихо, гололед!». А в Охе пишут: «Осторожно, газ!».

Значит, где-то под сугробами притаился, лежит газопровод.

И само название города тоже, оказывается, с нефтью связано, хотя если буквально перевести «охе» — «плохой», «невкусный».

Старожилы рассказывают: кочевала в этих местах семья оленевода. Разбили чум у

речки, что в залив Уркт впадала, разложили костер, чай кипятить стали. Отхлебнули кипяточку — и тут же всю воду на землю выплеснули. «Охе, — сказали, — плохая вода, невкусная вода». А на земле радужное пятнышко расплылось, как улыбка. С тех пор безымянная речка получила имя Оха, и город, что на речке построили, Охой называться стал. Просто не было тогда на тунгусском языке слова такого «нефть».

Оха — город молодой, веселый. Одна улица на горе, другая в низинке. Кубарем скатываются на санках мальчишки, и кажется, не мальчишки, а все боковые улицы и переулочки летят на тебя, разбрызгивая снежные сугробы. Санное движение в Охе не уступает взрослому транспорту.

И вдруг откуда ни возьмись налетел ветер, расшевелил, поднял в воздух сугробы, на вид такие громадные, фундаментальные. Да еще с неба снег повалил. А ветер качает тяжелый снежный занавес, хлопает им: И не передохнуть. И не выбраться никуда. Началась метель.

Самолеты к земле прижимаются, автобусы в гаражи спрятались. Мальчишки с санками по домам разбежались. Одни вездеходы по улицам пробираются — в детские сады, в больницы молоко и хлеб развозят. И снег

сзади них завихряется бурунчиками, как след на воде от быстроходного катера.

И на буровые мне никак не попасть. Спасибо, в редакции «Охинского нефтяника» журналистка Нина говорит: «Хочешь, поживи пока у меня. Если только обезьянки не боишься».

Как, живая обезьянка? Мне даже смешно стало: ехала-ехала на север, на собаках не покаталась, оленей не увидела, зато с обезьянкой познакомлюсь.

А в редакции обрадовались, что я про обезьянку не знаю ничего, и давай мне рассказывать.

Осенью купил ее у моряков журналист Федя, сунул под куртку и домой отнес. «Сиди, — попросил, — обезьянка. Сиди, Янка, а мне на работу бежать нужно». А на работе все время думал: «Что там моя Яночка делает?»

А ничего не делает — сидит на куче вещей у батареи, вся такая домашняя, такая смиренная. А может, устала за день — Федя и не подозревал даже, что дома у него добра столько. Стал он гору Янкину разбирать — вытащил книги с разорванными страницами, огрызок паспорта, шуба оказалась обезьянке не под силу, так она по частям ее перетаскала: оторвет полосочку — и в кучу, оторвет и... Целая гора бинтиков получилась вместо шубы.

На что уж Федя был человеком закаленным, мужественным, «трое суток шагать, трое суток не спать» — это для него просто пустяк, а тут ему не по себе стало. На следующий день уговорил он старушку соседку с Янкой посидеть. Принес обезьянку и цепочкой к кровати привязал. Старушка согласилась, но на всякий случай в кухне забаррикадировалась, чай с сухарями пила: все-таки зверь.

Но зверь вел себя скромно. Старушка осмелела и потихоньку заглянула в комнату. В лапах обезьянка держала листик какой-то, вроде капустного, хрустящий, и за щеку себе засунуть его пыталась.

— Что за листик такой, откуда бы? — удивилась старушка. И немножко ближе подвинулась. Да как закричит: в лапах у Янки бумажка была пятидесятирублевая.

Янка, пиратская душа, раскопала под матрасом местечко, где старушка пенсию свою складывала. И деньги пришли ей по вкусу.

Бросилась старушка на обезьянку, чуть не плачет, а Янка бумажку поскорей за щеку засовывает. С трудом уголочек только старушка оторвала.

Созвали тогда журналисты большой совет, стали думать, что делать с обезьянкой. Отдавать жалко, а держать у себя невозможно.

И тут Нина выступила с речью и заявила, что Янка в безобразиях своих не виновата: на родине у нее была жизнь, были подружки, она с ними болтала, по деревьям лазила,

бананы-апельсины рвала. А что за жизнь здесь? Сердце у Янки пустое, ум не занят, жизнь мнимая. Никто Янку не любит, ест она сухие бананы, а может быть, они по вкусу и на бананы даже непохожи, может, Янка не догадывается даже, что это бананы, — за картошку их принимает. Надо, чтоб цель у обезьянки появилась, чтоб привязалась она к кому-нибудь и чтоб ее полюбили!

Это была замечательная защитительная речь, в судьбе Янки сыгравшая важную роль, потому что Нина тут же книги запаковала в ящики, ящики друзьям отдала. И обезьянка переселилась на новое местожительство, получив в полную собственность одно окно, одну батарею парового отопления и половину комнаты, ту, что на цепочке была. А другая половина Нинина. Стали они жить вместе.

Однажды вечером возвращалась Нина с работы, а во дворе мальчишки привязывали к хвосту котенка консервную банку. Котенок был тощий, шерсть сосульками и такой слабый, что даже пищать не мог, только рот разевал. Нина до того разозлилась на мальчишек, что стащила с головы шапку-ушанку и шапкой одного из мальчишек стукнула. Потом котенка в шапку сунула и — что делать? — понесла домой.

Как же ему Янка обрадовалась, как схватила обеими лапами, прижала к животу, груди, и он сразу завозился, зачмокал, затих!.. Нина яйцо Янке протягивает, а она котенка выпустить боится, одной лапкой к себе его прижимает, другой яйцо берет. И неудобно ей, а котенка не отпускает.

Я так и застала Янку, мурлычущую над котом, хотя с тех пор, как кот поселился в квартире, наверное, месяц прошел. Кот лежал толстый, важный, лениво растянувшись у ног Янки, а она осторожными летучими движениями разглаживала его шерстку, искала что-то невидимое.

Яночка оказалась коричневая, на животе шерстка светлее, а на спине грубее и с рыжинкой. И ручки у нее так похожи на человеческие, что именно ручки, а не лапки — почти гладкие, с очень короткой шерсткой и маленькими черными ноготками.

Три дня, пока на улице билась метель, продолжалось мое знакомство с обезьянкой.

Очень забавно она ела. Дашь ей мармеладку — она ловко, стружечкой, снимет ей только видимую кожуру, как будто это банан, а не мармеладка, а потом уже выедает сердцевину. Так же она ела яблоки. Из яичка доставала желток.

Очень любила сидеть на батарее, уткнувшись мордочкой в ослепленное снегом окно. Тогда хвост Янки празднично висел между звеньями батареи, серый, длинный, длиннее туловища, мне казалось, он томится своей бесполезностью.

В магазине я купила ей шарманку — круглую железную коробочку с ручкой: вертишь ручку — раздаются короткие скрипучие зву-

ки, складывающиеся в нехитрую музыкальную фразу. Играла ею Янка недолго.

А утром меня разбудили эти звуки, только в скачущем, убыстренном темпе, как будто кто-то очень быстро вертел ручку и, может быть, к тому же подпрыгивал. Звуки неслись с подоконника, где сидела Янка, но игрушки у нее не было. Не было ее и под батареей и на полу.

Я перепугалась, решив, что Янка проглотила механизм и теперь из живота ее разносятся эти скрипучие клокочущие звуки. Со всех ног полетела я к Нине в редакцию. Ветер утих. И сугробы снова лежали обманчиво тихие. Узнав, в чем дело, Нина рассмеялась. Оказывается, Янка всегда издает подобные звуки, когда видит на улице собаку или лошадь.

Может быть, она хотела вступить в общение с четвероногими и подавала сигналы. А они гасли, ударяясь о холодное стекло. Вот так же марсиане, если бы они существовали, подавали знаки нам, людям.

А кот рос прямо на глазах. Он рос и нагел. Теперь его раздражали Янкина нежность и забота. Он норовил ускользнуть от нее, пользовался любым случаем, чтоб удрать под кровать. Теперь Янке приходилось удерживать его возле себя всеми четырьмя лапами. Она почти садилась на кота верхом, но он вырывался.

И тогда она начинала бегать по комнате и волновалась. Ей казалось, что все хотят обидеть ее любимца, что его подстерегают опасности. И на всякий случай Янка начинала пугать нас. Она падала на свои четыре лапы, резко сдвигала кожу головы к затылку, так что уши исчезали, почти прижимаясь к спине, а зубы обнажались.

Кот дичал. Может быть, ему представлялось, что он вовсе и не котенок, а тигр. По ночам он с криком проносился по тахте, по мне, как маленький ураган, как тайфун и вихрь.

Кот становился коварным и хитрым. А любовь Янки делала обезьянку беззащитной.

Медленно проходил он мимо Янки на расстоянии цепочки, медленно и незаинтересованно, всем своим видом изображая, что он просто гуляет. Но, оказавшись у обезьянки за спиной, вдруг набрасывался на Янку со всей силой раскормленного мускулистого тела и когтями разрывал ей щеки. С жалобным писком она взлетала на батарею. А через секунду снова пыталась поймать своего питомца, уложить его рядом, прижать к животу лапами.

У Янки были друзья. Каждый вечер приходил к ней Кирилл, геолог. Геологи — главные жители Охи. Он приносил ей семечки, которые Янка очень любила. Янка брала по одной, чрезвычайно деликатно, из ладошки Кирилла, и они часами могли сидеть рядом и молча грызти семечки. Кирилл угощал Янку табаком и чаем. С приходом Кирилла она

немножко успокаивалась, вспрыгивала ему на плечо, запускала обе лапки в волосы — «искала».

Конечно, он был человек, но все-таки особый человек — лесной. Он один бродил с рюкзаком по лесу, разжигал костры, от него пахло дымом и хвоей. Он собирал корни, причудливый рисунок которых напоминал ему застывшие языки пламени. В комнате у него стояла целая корзина с корнями. Он ловко мастерил берестяные короба, коробочки, туески и рисовал на них своих лесных друзей — летучую мышь или кленовый лист.

Кирилл приводил домой бродячих собак. Может быть, у него был особый запах, потому что они сами шли за ним. И быстро привыкали к «охотничьему» супчику и к странным именам, которые он для них придумывал. В те дни, что я была в Охе, у Кирилла

Янка забавлялась игрушкой недолго.

жил смешной спаниель по прозвищу Плямс.

Однажды он спросил у Нины: «Есть спички?» А узнав, что нет, обрадовался: «Значит, будем высекать огонь». Взял отполированную палочку, кусочек сухого мха, тоненькие полоски бумаги и быстро стал тереть палочку в ладонях. И тер час и два, пока не затлела искра. На эту искру мы втроем дули и дышали, пока она не разгорелась. И этим огнем Кирилл разжег газовую плиту.

В общем, он был геолог, то есть немножко лесной и первобытный человек, Янка чувствовала это и испытывала к нему нежность. Но у Кирилла при всех его достоинствах было две ноги, и потому кота Янка предпочитала.

Однажды, когда Нина была на работе, к Янке в гости пришла женщина с девочкой лет четырех. Девочка была добродушная,

краснощекая, и звали ее Маринка. Янка очень заволновалась, тем более, что в руках женщина держала черную сумку, совсем такую же, как у Нины. Из сумки Нина обычно доставала целлофановый мешочек с компотом, печенье, яйцо и всякие другие вкусные вещи.

— Видишь, у нас ничего нет, — сказала женщина, показывая сумку обезьянке. И Янка тут же вцепилась в сумку обеими лапами.

«Там паспорт», — сказала женщина, и мы с Маринкой стали помогать ей отнимать сумку. На одном краю сумки висела Янка, за другой уцепились шесть человеческих рук, и тащили мы изо всех сил.

Но Янка внезапно выпустила сумку и вцепилась в Маринкину руку. Она сделала какое-то неуловимое движение, как будто нависла над рукой и, может быть, укусила. И теперь мы так же напряженно и молча, как минуту назад сумку, тащили к себе Маринку. Мы к себе, а Янка к себе. Она ни за что не хотела отпускать ее, и мы тянули и тянули...

Мы все-таки вырвали Маринку, и только тогда она заплакала и стала махать рукой, а на тыльной стороне ладони кровоточила ранка. Мы бросились искать йод или зеленку. Ничего не нашли и вылили на бедную Маринку целый флакон духов «Пиковая дама». Маринка все трясла рукой и плакала. А Янка, обхватив обеими лапами заднюю ногу, согнутую в колене кочергой, тоже трясла ею, дразня Маринку, и скалила в улыбке зубы.

У меня поднялось недоброе чувство к обезьянке, хотелось замахнуться на нее, крикнуть: «Не смей!» А женщина сказала:

— Ты не должна сердиться на Янку, Марина. Ты же знаешь, как обидели дети кота. Теперь Янка боится детей. Она думала, ты такая же и тоже хочешь кота обидеть...

— Но я же не хотела! — захлебывалась словами и слезами Маринка.

— А Янка этого не знает. Ты не должна на нее обижаться. Ты ведь простишь ее, да?

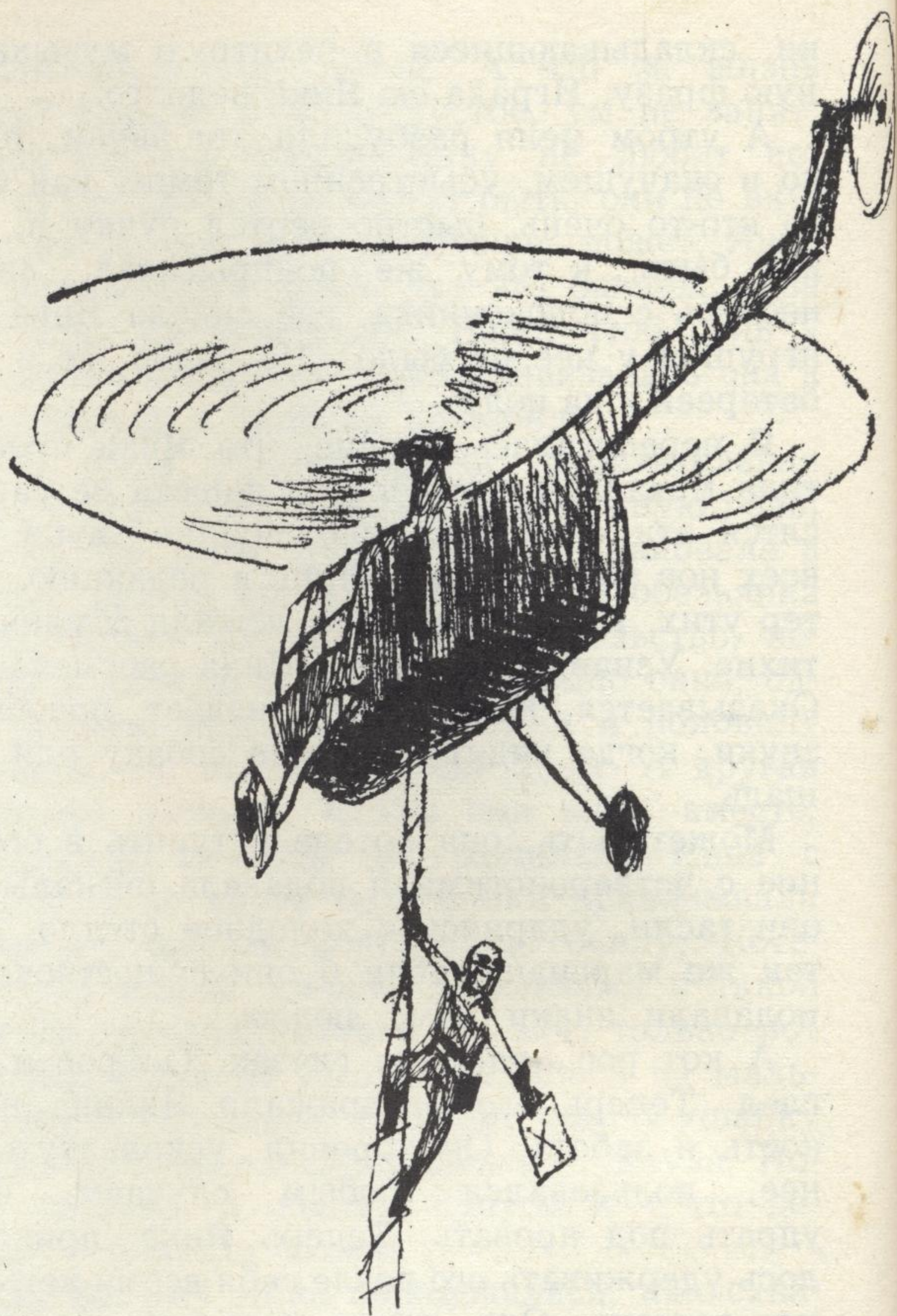
Женщина обняла девочку за плечи, и они ушли.

А Янка села на подоконник и сидела, сутулясь и глядя в темноту. Что-то она там видела. Может быть, темнота, съедая белый свет и белый снег, делала мир более похожим на тот, в котором выросла Янка.

А кот уже подбирался к ее хвосту, мягко пригибаясь на лапах.

И мне хотелось сказать Янке: «Дурочка, честное слово, эти двуногие не такие плохие существа, хоть у них и нет хвостов, и напрасно ты не принимаешь их сигналов».

А совсем недавно я получила из Охи письмо. Нина писала, что к Янке каждый день приходит какая-то девочка и просит и умоляет отдать ей обезьянку. Она подолгу сидит с Янкой, угощает ее всякими лакомствами, и все называют ее «обезьянина подружка».

Рисунки
Ю. ЧЕРЕПАНОВА

Может быть, кто-нибудь уже настроился почитать о грозных ракетах, о тяжелых танках, о стремительных самолетах. Тогда должен сразу предупредить: речь пойдет о вещах куда более простых — о сэкономленных секундах, о начищенных пуговицах, об отметках в журнале — обо всем, с чего начинается солдатская служба. Ясное дело, о ракетах, о танках и рассказывать и слушать поинтереснее. Но не научится ракетчик подниматься в считанные секунды — он и к ракете вовремя не успеет. Не привыкнет танкист быть аккуратным — у него и танк обростет грязью. Не приучится радист быть точным — он так все перепутает, что не обрадуешься.

Вот и выходит, нет в солдатской службе мелочей, в солдатской службе все важно.

Борис НИКОЛЬСКИЙ

Главная стрелка

Никогда не забуду свой первый день, а точнее, первый вечер в армии. Случилось так, что мы — небольшая группа призывников — прибыли в часть, когда остальные солдаты-новички уже успели немного пообжиться и слегка привыкнуть к армейским порядкам.

Днем мы помылись в бане, получили свеженькое обмундирование, а вечером, когда вся рота выстроилась в казарме на вечернюю поверку, старшина поставил нас отдельно в створке и произнес такую речь:

— Если бы меня спросили, какая стрелка в солдатских часах самая главная, я бы ответил: секундная. Потому что в армии каждая секунда на счету. И распорядок дня — закон для солдата. С завтрашнего дня он будет законом и для вас. А пока смотрите и запоминайте.

После этого он вынул из кармашка галифе часы и, уже повернувшись к замершей роте, протяжно и даже как-то торжественноскомандовал:

— Внимание, ро-ота! Приготовиться к отбою! Две минуты. Разойдись!

Строй рассыпался. Солдаты бросились к своим койкам, на ходу расстегивая гимнастерки, срывая ремни, сдергивая шапки. Кто-то с кем-то столкнулся, кто-то запутался в гимнастерке, кто-то не мог стянуть сапог и скакал на одной ноге. Мелькали белые нижние рубашки, мелькали портянки, грохали сапоги, раскачивались койки.

И над всем этим мельтешеньем, суетой и спешкой звучал голос старшины:

— Осталась минута!

— Полминуты!

— Пятнадцать секунд!

— Отбой!

И сразу все замерло. Кто успел натянуть на себя одеяло, а кто не успел — все так и застыли на койках. Только несколько человек еще топтались возле табуреток. И вид у них был растерянный и виноватый.

Кто-то из нашей группы хихикнул.

— Смешно? — сказал старшина. — Правильно. Смешно.

Он оглядел ряды табуреток с кое-как брошенным обмундированием, оглядел солдат, застывших на койках.

— Ро-ота! Па-адъем!

Опять замелькали рубашки. Гимнастерки. Портянки. Галифе. Сапоги. Слово ту же самую киноленту, которую мы только что просмотрели, завертели в обратном направлении.

А через три минуты снова:

— Ро-ота! Отбой!

И еще через три минуты:

— Ро-ота! Па-адъем!

— Отбой!

— Па-адъем!

— Отбой!

— Па-адъем!

Больше никто из нас уже не смеялся. Мы поняли, что с завтрашнего дня нам предстоит то же самое. И мы не ошиблись.

Сколько было этих «подъемов» и «отбоев»! Сколько раз звучал неумолимый голос старшины: «Осталась минута!», «Полминуты!», «Пятнадцать секунд!»! Сколько раз ругали мы в душе наших сержантов: «Подумаешь, какая важность: лишние пятнадцать секунд!»! Сколько раз приходили в отчаяние, когда казалось, что

ни за что не дадутся нам эти последние пятнадцать секунд!

И сколько постигали маленьких, незамысловатых секретов: как правильно сложить гимнастерку, чтобы утром в спешке не запутаться в ней, как завернуть портянку, чтобы она тут же не сбилась в комок, как быстрее натянуть сапоги...

Но зато как радовались мы, как гордились собой, когда по первой ночной тревоге поднялись за считанные секунды и в ответ на похвалу командира роты дружно гаркнули:

— Служим Советскому Союзу!

Первый год я служил на востоке, в холодных краях. Помню, утром диктор по радио объявляет:

— Сейчас температура воздуха минус двадцать восемь градусов...

А сержанты командуют, торопят:

— Поживее! Поживее! Строиться на зарядку!

Потом перевели меня на юг, в Среднюю Азию. Утром соскакиваем с коек, диктор сообщает:

— Сейчас температура воздуха плюс двадцать девять градусов...

А сержанты командуют, торопят:

— Поживее! Поживее! Строиться на зарядку!

Климат климатом, а зарядка зарядкой...

После зарядки только успеешь заправить койку, почистить сапоги, умыться, почистить пуговицы, а дневальные уже подают команду:

— Строиться на утренний осмотр!

Утренний осмотр для молодого солдата вроде экзамена. Выдержишь или не выдержишь. Только экзамен этот не раз в год, не раз в месяц, а каждый день.

Идет сержант, командир отделения, вдоль строя, медленно идет и к каждому солдату внимательно присматривается. Аккуратно ли пришит подворотничок, все ли пуговицы на месте, хорошо ли вычищены сапоги, не набиты ли чем лишним карманы — все интересует сержанта. Потому что дисциплина начинается с привычки к аккуратности, к порядку.

Помню, служил в нашем взводе Миша Соловьев. Был он парень весьма разболтанный, и оттого ему, естественно, чаще всех доставалось и от старшины, и от замкомвзвода, и от командира отделения. Только, бывало, и слы-

шишь: «Соловьев, опять сапоги плохо почистил?», «Соловьев, а пуговицу кто за вас пришивать будет?», «Соловьев, почему койка небрежно заправлена?». А самому Соловьеву, конечно, казалось, что к нему просто придираются. Но делать нечего: приходилось каждый день и сапоги чистить, и койку перезаправлять по нескольку раз, и пуговицы пришивать. Зато когда останемся одни, он и говорит: «Вот увидишь, как только демобилизуюсь, спать буду сразу часов по двадцать в сутки — это раз. Койку заправлять не стану — это два. К сапожной щетке никогда не притронусь — это три... Вот чем хочешь клянусь!»

И так случилось, что демобилизовались мы с ним вместе, вместе сели в один поезд и поехали домой. И вот утром я вижу: Соловьев берет сапожную щетку, идет в тамбур и начинает надраивать сапоги. «А как же твоя клятва?» — спрашиваю. «Тьфу ты, черт, — отвечает, — совсем забыл!» Размахнулся и тут же выбросил щетку за окно. На другой день остался в нечищенных сапогах. Но вижу, нет-нет да и поглядывает себе на ноги. Словно его беспокоит что. Но молчит. И на следующий день тоже. А поздно вечером — я уже на полку забрался, засыпать начал — вдруг слышу: кто-то тихо-тихо мой чемодан приоткрывает. «Что такое?» — думаю. Обернулся, а это Мишка Соловьев. И в руках у него моя сапожная щетка. «Понимаешь, — говорит виноватым голосом, — не могу: привык. Такое чувство, вроде бы как не умывался...»

Недаром, видно, все-таки говорится: «Привычка — вторая натура».

Сколько служил в армии, никогда не слышал, чтобы солдат на аппетит жаловался. Не зря говорят, что солдатский рацион так хитро рассчитан, что толстые в армии худеют, а худые поправляются. Во всяком случае, я поправился, это точно могу сказать.

Честно говоря, когда я получил повестку в военкомате, когда ехал потом в поезде к месту назначения, службу в армии я представлял себе довольно-таки смутно. Мне мерещились маневры, парады, грохот взрыв-пакетов, крики «ура»... А увидел я...

Расписание занятий, совсем как расписание

уроков в школе. И классный журнал, совсем как в школе. И отметки в журнале.

Только вместо звонков дневальный подает команды: «Приступить к первому часу занятий!» — «Окончить первый час занятий!»... Только ни опоздать, ни прогулять никак нельзя. Потому что на занятия строем и с занятий — строем. Дисциплина. И предметы, конечно, другие.

Физподготовка — чтобы стать сильными.

Огневая — чтобы стать меткими.

Противохимическая защита — чтобы стать неуязвимыми.

Инженерное дело — чтобы стать невидимыми.

Строевая — чтобы стать выносливыми.

Много разных предметов — все не перечислишь.

Только успевай заниматься.

Привели нас впервые на полосу препятствий. Сержант объявил нам, что и как, показал, как под колючей проволокой ползти, и как через забор перемахнуть, и как окоп перепрыгнуть.

— Ясно? — спрашивает.

— Ясно! Ясно! — отвечаем мы.

До того все это легко и ловко получалось у сержанта, что и нам показалось: подумаешь — что тут сложного! И полоса вроде бы не очень длинная, и забор не очень высокий...

А как стали преодолевать эту полосу, тут и началось! Кто шинелью сразу за проволоку зацепился, кто через забор никак не может перелезть, а кто до окопа добежал и выдохся: не то что гранату кинуть — и шагу больше сделать не может...

Еще раз попробовали — опять не выходит. В третий раз — еще хуже. Только совсем вымотались. Вспотели, перемазались. Еле дышим.

— Запомните, — говорит сержант, — даже самую простую вещь без тренировки не одолеешь...

Построил взвод и повел в класс, где нам предстояло заниматься. Вошли мы в этот класс и ахнули. Вот так да! По всем стенам класса висели радиосхемы. Вернее, это была одна радиосхема, но такая огромная, что она не могла поместиться на одной стене и даже на двух, а тянулась по всем четырем, словно обои. Сколько было на этой схеме ламп, конденсаторов, сколько сопротивлений и переключателей, сколько трансформаторов, потенциометров и дросселей!

Конечно, мы и раньше читали в газетах и слышали, что наша армия оснащена самой передовой техникой, что овладеть этой техникой могут только образованные люди, но все-таки... Все-таки недаром говорится, что лучше один раз увидеть, чем десять раз услышать...

— Ну как? — спрашивает сержант. — Что-нибудь ясно? Между прочим, это схема радиостанции, на которой вам придется работать...

А мы молчим. Потому что нам одно ясно: никогда нам на этой радиостанции не работать. Разве такую махину осилишь?

— Ничего, — говорит сержант, — даже самую сложную штуку одолеешь тренировкой...

И в общем-то прав он оказался. Потому что и полосу препятствий мы научились преодолевать как положено, и радиостанцию изучили, даже в больших маневрах потом участвовали, и

ничего — не подкачали, и еще многие другие премудрости одолели...

Только если бы дневальные отсчитывали с самого начала те часы, что провели мы над схемой и что тренировались на радиостанции, то в конце концов должны были бы звучать такие команды:

— Окончить семьсот пятьдесят шестой час занятий!

— Приступить к семьсот пятьдесят седьмому часу занятий!

Или что-нибудь в этом роде.

Про обед могу сказать то же самое, что про завтрак.

Не так давно получил я письмо от своего товарища: мы вместе служили в одной роте. А теперь он уже закончил заочно институт и работает инженером на большом заводе.

«Знаешь, — пишет он, — если бы не армия, я бы, наверно, до сих пор, образно выражаясь, собакам хвосты крутил. Ведь сколько раз до армии собирался готовиться в институт, а все находились дела поважнее — то кино, то домино. Только в армии и привык каждый день заниматься самостоятельно. А потому говорю спасибо нашему сержанту Остроухову — помнишь, как бдительно следил он за тем, чтобы я во время самоподготовки не занимался посторонними делами».

Есть и такое в распорядке дня. Так и написано: «Личное время». Только сначала я этого времени совершенно не замечал. Будто его и не было.

Потому что времени мне постоянно не хватало. Я постоянно торопился и постоянно чего-нибудь не успевал.

И оттого все, что я не успевал сделать, когда положено, мне приходилось делать в то самое время, которое именовалось личным.

В личное время я учился прыгать через коня. Пришивал бирку к противогазу. Стирал подворотнички. Тренировался на полосе препятствий. А когда наконец собирался сесть за письмо или сыграть в шашки, дневальный уже командовал: «Рота, приготовиться к построению на ужин!»

И так весь первый месяц. А может, и больше.

Но вот однажды подошел ко мне мой друг Саня Калашников и говорит:

— Давай-ка сыграем в шахматешки.

— Какие еще шахматешки? — говорю я. — Не видишь, что ли, мне некогда.

— Почему некогда? — говорит он. — Ты же ничего не делаешь.

И тут я обнаружил, что и правда ничего не делаю. И ужасно удивился. Неужели я наконец-то успел все сделать вовремя, когда положено?

Вот тогда, наверное, я первый раз и почувствовал, что становлюсь настоящим солдатом.

Про ужин могу сказать то же самое, что и про обед.

Чтобы провести комсомольское собрание или поспорить о новой книге, или послушать лекцию о международном положении, существует в распорядке дня специальное время. Потому что, где бы ни служил солдат — в большом городе или на далеком полуострове, — его всегда интересует, что делается в мире.

А в тот год, когда служили мы, в мире было тревожно. В то лето Израиль вместе с Англией и Францией напал на Египет. Шли бои за Суэцкий канал. Египтяне отстаивали свою свободу. Каждый день нам не терпелось узнать последние новости. Но мы служили далеко на востоке, наше время отличалось от московского на шесть часов — когда московский диктор желал своим радиослушателям спокойной ночи, дневальные по казарме кричали «Па-адъем!», а московский выпуск последних известий приходился на час ночи. Но мы не могли ждать утра, не могли ждать, когда наступит время политической информации, когда принесут газеты, и по-

тому просили дневального потихоньку разбудить нас ночью и слушали радио...

«Оружие любит ласку — чистку и смазку» — эту пословицу каждый солдат знает. А я бы, пожалуй, так сказал: «Оружие любит ласку — когда чистку, а когда смазку». И вот почему.

К своим первым стрельбам мы готовились особенно долго и тщательно. На занятиях по огневой подготовке изучали автомат — тогда у нас были автоматы ППШ, те самые, с которыми наши бойцы прошли всю войну, — учились правильно целиться, плавно нажимать спусковой крючок, правильно выходить на огневой рубеж. И с нетерпением ждали дня стрельб.

А в день стрельб ударил мороз, градусов под сорок, не меньше. Но все равно точно в положенное время наш взвод прибыл на стрельбище. Первая смена вышла на огневой рубеж. Загремели выстрелы. И вдруг — что такое: один автомат не сработал. Потом второй. Потом третий. Даже опытные сержанты заволновались. Никогда такого в роте не было. Настоящее ЧП! А хозяева отказавших автоматов стояли с такими обиженными лицами, словно их обманули. Мол, столько старались, готовились, — выходит зря? Вот тебе и надежное оружие...

— Ничего, — говорит командир роты, — сейчас разберемся.

Взял один автомат, вынул затвор, помудрил над ним немного.

— Так и есть, — говорит. — Смотрите.

А там на одной крошечной детали — застывшая смазка. Простым глазом ее даже еле видно. Неужели из-за такого пустяка автомат не стреляет?

— Да, — говорит командир роты, — если бы не было мороза, это и правда пустяк. А в мороз и такой пустяк важен.

Протер как следует детали затвора, вышел на огневой рубеж, и — бах! бах! — ожил автомат!

С тех пор мы еще тщательнее осматривали, и чистили, и смазывали свои автоматы.

Близится к концу долгий солдатский день. Старшины выводят роты на прогулку. И не преминут лишний раз потренировать солдат: «Строевым! Строевым! Запевала, песню!»

И хотя не видно в темноте, какая рота идет, это нетрудно узнать по песне. У каждой роты своя любимая песня. Роты словно соревнуются одна с другой, словно стараются перепеть друг друга...

Но вот затихают песни возле казарм. А там уже вечерняя поверка: старшина назначит внутренний наряд на завтрашний день, проведет перекличку, сержанты отчитают провинившихся и похвалят отличившихся за день, и все.

О Т Б О И!

ВСЕХ ТЕХ, КТО ПОЛУЧИЛ НАШ НАГРАДНОЙ ЛИСТ,
ТЕХ, КТО ЗАПИСАН В ПОЧЕТНУЮ КЛЕТЧАТУЮ
ТЕТРАДЬ,

ТЕХ, КТО УПОРНО И НАСТОЙЧИВО, ХОТЯ ЕЩЕ И НЕ
ВСЕГДА УСПЕШНО, СРАЖАЛСЯ С ТАЙНОЙ И ЗАГАДКОЙ
В НАШИХ КОНКУРСАХ,

И ТЕХ, КТО БУДЕТ СРАЖАТЬСЯ,
ТОРЖЕСТВЕННО ПОЗДРАВЛЯЕМ С НАЧАЛОМ УЧЕБ-
НОГО ГОДА И ПРИГЛАШАЕМ НА НАШУ НОВУЮ ВСТРЕ-
ЧУ!

ВСТРЕЧА СЕГОДНЯ ОСОБАЯ, А ПОЧЕМУ — УВИДИТЕ
САМИ.

Трое Неизвестных

ЗАДАЧА, КОТОРУЮ РЕШАЛ ЛОМОНОСОВ

«Арифметика, сиречь наука числительная» — так назывался первый в нашей стране учебник математики.

Написанный Леонтием Филипповичем Магницким, он был издан в 1703 году. С тех пор многие поколения русских школьников учились арифметике по этой книге; учился по ней и Михаил Васильевич Ломоносов. Попробуй решить задачу, над которой думал и он.

«Отец привел в училище своего сына и спросил учителя: «Скажите мне, сколько у вас учеников?» Учитель ответил: «Если учеников придет столько, сколько я имею, да еще четвертая часть, да еще твой сын, тогда у меня будет сто». Сколько же учеников было в училище?»

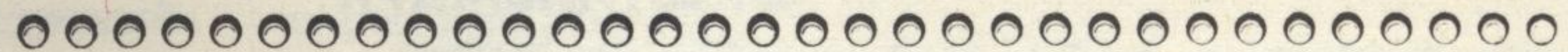
Играем

В КРЕСТИКИ- НОЛИКИ

Наверное, сколько существует школа, столько школьники играют в крестики-нолики. Поиграем и мы с вами — только не совсем так, как вы играли раньше, а так, как «играют» математики. А они очень давно и серьезно изучают законы и правила разных игр.

Целая наука — теория вероятностей — возникла под влиянием изучения игр в кости и карты. А не так давно была создана новая, очень сложная и увлекательная отрасль математики — теория игр.

Ученые разработали теорию многих известных вам игр, например, игры в пятнадцать, домино, шашки, и каждый раз математики пы-

таются найти наилучшие способы игры для каждого партнера. Такой способ, который позволяет одному из партнеров добиться выигрыша (а в некоторых играх — ничьей), как бы хорошо ни играл его противник, называется наилучшей, оптимальной стратегией.

Перед тобой несколько задач, где как раз и нужно отыскать такую наилучшую стратегию. Запасайся клетчатой бумагой и отыщи хорошего «противника». А пока напоминаем условия игры.

Двое по очереди рисуют на «доске», разбитой на клетки (чаще всего игра идет на листке из клетчатой тетради), крестики и нолики. Первый игрок рисует крестики, второй — нолики. Выигрывает тот, кто первым поставит определенное количество (например, три, четыре или пять) своих знаков в ряд — по вертикали, горизонтали или диагонали.

Игра идет на квадратном поле размером 3×3 клетки. Выигрывает тот, кто первым поставит три своих знака в ряд. Расскажи, как должны играть «нолики», чтобы не проиграть, как бы хорошо ни играли «крестики».

Эта задача труднее. Здесь игра идет на листке из тетради в клетку. Выигрывает тот, кому удастся выставить четыре знака подряд. Подумай, как должны играть «крестики», чтобы выиграть не больше чем за шесть ходов.

СОСЧИТАЙ-КА

Перед тобой вот такое математическое выражение $1:2:3:4:5:6:7:8:9$. Попробуй расставить здесь скобки так, чтобы после всех вычислений получилось наибольшее из всех возможных чисел. Если тебе понравилась задача, реши другой ее вариант — расставь скобки так, чтобы в результате получилось уже наименьшее из всех возможных чисел.

Челны, долбленки, оморочки...

Ф. ШТИЛЬМАРК

Мчатся по рекам и озерам нашей страны корабли на подводных крыльях, никого уже не удивляя своим появлением. Появятся скоро новые, на воздушной подушке, и будут стремительно скользить над отмелями и мелководьем.

А рядом с этими чудесами техники останутся и будут еще долго служить людям немудреные весельные лодки. Есть среди них огромные килевые баркасы, готовые поспорить с любой непогодой, а есть лодочки, где и один гребец едва помещается. На спокойных прудах хороши плоскодонные челны — они знакомы, наверное, всем ребятам. А вот лодки, выдолбленные из дерева или сработанные из березовой коры, если и известны, то только по книгам Майн-Рида и Купера. А ведь их издавна умеют делать наши таежные охотники и рыболовы, и сегодня они не забыли это искусство. Об этом-то я и хочу рассказать.

Мне часто приходится разъезжать по заповедникам Сибири и Дальнего Востока. И всякий раз, когда я встречался на сибирских и дальневосточных реках с долбленками, я поражался искусству таежных мастеров, их артистическому умению обращаться с лодками, веслами и шестами. Если бы не это умение, трудно было бы мне попасть в далекие таежные уголки.

Долбленка — самая простая и удобная лодка. Выдолблена она из целого ствола дерева, в ней не бывает щелей и дно всегда сухое. Сделать эту «самую простую» лодку вовсе не просто, и искусство это в охотничьих и рыбацких селениях передается из поколения в поколение.

Разными рождаются долбленки на разных реках.

В бассейне рек Дона и Днепра их делают из дуба, они так и называются — «дубки», а с виду похожи на корыто: не поймешь, где нос, а где корма. Дубок изрядно тяжел, но зато прочен и надежен.

Совсем иные долбленки на горных реках Сибири и Дальнего Востока. Узкие, остроносые, легонь-

кие, они стайками толпятся на воде у каждого поселка.

Рубят их из тополя и осины. Выдолбленный ствол держат над огнем, чтобы борта разошлись, а потом вставляют между ними распорки — и лодка готова. На Оби ее назовут «обласок», на Енисее — «ветка», на Амуре — «оморочка».

Каждой воде — своя лодка! На равнинных реках Западной Сибири долбленки-обласки такие маленькие, что даже стоять в них нельзя. Обласок вроде большой чайной ложки, он очень неустойчив. Ружье переложил справа налево — и готово: пошел черпать воду. Мне тоже довелось раза два как следует выкупаться.

Гребут в обласке одним длинным веслом с двумя маленькими лопастями, как у байдарки.

А вот на быстрых реках Забайкалья и Дальнего Востока на веслах против течения не поднимаешься. Тут приходится вставать во весь рост и толкаться шестом. Потому и лодки здесь длинные, не то что обласок. Владеть шестом — искусство. Не раз я видел, как охотники-удэгейцы виртуозно обходят речные заломы на своих оморочках, как эвенки, орудуя длинным шестом, благополучно преодолевают каменистые пороги на бурных притоках Енисея.

А это что за странная лодка с широким выступом перед тупым, словно обрубленным, носом? Кажется, будто он был сделан отдельно и только потом приставлен к лодке. На самом же деле этот выступ выдолблен из того же гигантского ствола дальневосточного тополя, что и сама лодка. Имя ее — улимагда, или бат. Их делают удэгейцы и орочи на быстрых реках в хребтах Сихотэ-Алиня. На улимагдах пробирались в глубь дальневосточной тайги экспедиции знаменитого путешественника В. К. Арсеньева.

Улимагда — замечательная лодка. У нее толстое, прочное дно, а борта тонкие. Как ванька-встанька, качается она на волнах и не опрокидывается. Выступ спереди — отдаленный предок под-

водных крыльев. Когда два-три человека одновременно толкают тяжелый бат против течения, струя снизу бьет в лопасть, и вся лодка как бы скользит по речной струе. Лодка слегка поднимается и довольно легко преодолевает сильное течение. Бат устойчив на воде и берет сразу по десять—двенадцать человек. Лишь бы достать шестами дно, лишь бы не развернуло тяжелую лодку поперек струй!

А в наши дни ставят на бат лодочный мотор, и тогда он совсем легко и быстро идет против течения.

На далекой реке Тауре, что впадает в Лену, я в первый раз увидел эвенкийскую лодку из бересты. Сразу вспомнилась чудесная «Песня о Гайавате»:

— Дай коры мне, о береза!
Желтой дай коры, береза!
Я свяжу себе пирогу,
Легкий челн себе построю!

Только фотоаппарата у меня тогда не было. Много лет я мечтал снова встретить берестяную лодку, но лишь в прошлом году увидел ее на реке Горин, что впадает в Амур ниже города Комсомольска. Она очень похожа на индейскую лодку — каноэ или на байдарку гренландских эскимосов, которую они, правда, делают не из бересты, а из моржовых шкур...

Иногда я думаю: что если бы устроить на каком-нибудь большом водохранилище парад разных лодок! Здесь не слышалось бы треска моторов, быстро скользили бы посреди озера парусники, а где-нибудь в заливе собралась бы смешная семейка надувных резиновых лодок. Мы увидели бы здесь и улимагды, и обласки, и днепровские дубки, и уральские косны.

Наверное, когда-нибудь в будущем возникнет и большой музей самых разных лодок — с пирогами с Амазонки, челнами с верховий Нила и катамаранами Индонезии...

Рисунок В. ВИНУРА.

ПОВЕСТЬ О ПЕРВОМ ЧЕКИСТЕ

...Высокий худощавый человек в длинной военной шинели, накинутой на плечи, уже взялся за дверцу ожидавшей его машины, как кто-то тихо окликнул его. На тротуаре стоял грязный мальчишка в лохмотьях и рваном картузе.

— У тебя ко мне дело? — спросил человек в шинели.

— Да, Феликс Эдмундович. Из приюта я, из Успенского. Попадают туда ребята — какие сами приходят, каких привозят. А потом убегают. Плохо там. Голодно, холодно. Что дают есть — все испорченное. А хлеба по неделям не видим.

— Так ты сбежал?

— Нет. Я делегат. Ребята мне велели вас найти. Там ведь и совсем маленькие есть. Жалко их.

— А почему грязный? В котлах ночевал?

— Ночевал. Все вас караулил. Только подбегу, а машина уже тронулась. Либо вы уже в дверь вошли. А в чека разве пустят так, без пропуска...

Почему же так искал встречи с Феликсом Эдмундовичем Дзержинским этот «делегат» приютских ребят?

Потому что именно председателю Всероссийской чрезвычайной комиссии поручил Ленин спасти от гибели пять миллионов ребят, которых война и разруха лишили родителей и дома. Оставшиеся на улице беспризорные мальчишки и девчонки промышляли кто нищенством, а кто и кражами, ютились в заброшенных подвалах или проводили ночи в еще не остывших котлах, в которых рабочие варили асфальт.

И Дзержинский выполнил это поручение.

На борьбу с беспризорностью он бросил лучших работников ВЧК. В созданных ими трудовых колониях дети получали кров, пищу и образование.

В истории нашей революции имя Феликса Эдмундовича Дзержинского сияет особенным светом. Это был человек железной воли, неисчерпаемой энергии, непоколебимого мужества и великой любви к угнетенным и обездоленным.

Вся жизнь Дзержинского, с ранней молодости и до последнего дыхания, была подвигом. Еще школьником он вступил в борьбу со злом и несправедливостью. Его юношеские годы прошли в тюрьмах, в ссылке, на каторге. А когда революция победила, партия ставила его на самые тяжелые, самые ответственные и важные посты, и он всегда с честью выполнял свой долг.

Нелегко даже вкратце перечислить все, что сделал для людей этот удивительный человек, один из тех мужественных революционеров, «кто в мир пришел, чтоб сделать его лучше, кто с детства был настойчивым в стремленьях и беззаветно к цели шел своей».

И если ты хочешь знать, как польский школьник стал боевым подпольщиком, как, не щадя себя, боролся он с врагами и как повсюду находил он верных и преданных друзей, прочти книгу о жизни Феликса Дзержинского, выпущенную издательством «Молодая гвардия».

Эту книгу написал Юрий Дмитриев, и называется она «Первый чекист».

Эту книгу написал Юрий Дмитриев, и называется она «Первый чекист».

А. АЛЕКСЕЕВ

РАСПЕЧА- ТАННАЯ КРАСОТА

Эту книгу читать интересно и легко, а понять трудно. Перевернешь последнюю страницу — и хочется начинать сначала. Слово тебя ввели в незнакомую чудесную страну,

привели на порог неведомого мира, распахнули дверцу и показали: «Смотри, как здесь все заманчиво, как сверкают краски, сколько фантазии, сколько интересных сказок... Видишь?» «Вижу». «Ну, а теперь ступай. Разглядывай, размышляй, наслаждайся».

Книга не кончается на последней странице, она будто предисловие к вашему увлечению, к новым поискам и открытиям.

В какой же мир вводит нас писательница Ольга Георгиевна Чайковская? Это мир древнерусской живописи и архитектуры. Старинные иконы, древние церкви и монастыри, легенды, которым тысячи лет, и герои, о которых рассказывали наши прапрадеды.

Долгое время этот мир был скрыт от людей. Иконам поклонялись, молились перед ними, но сами изображения были скрыты золотыми окладами — только лицо да руки в узких щелочках, — ничего не разглядишь.

Шедевры русских зодчих перестраивали как попало, а то и просто разрушали. Да люди и не очень-то интересовались этими древностями, не понимали их.

Каждый пятиклассник хоть немного знает о богах и об искусстве Древней Греции, рассматривал хотя бы в учебнике истории рисунки с греческих и римских скульптур, а творчество великих русских художников и архитекторов очень давнего прошлого было мало известно.

Если разглядывать старинные иконы, ничего о них не зная, они промолчат, не тронут вашего сердца, словно они по-прежнему закрыты невидимыми щитами — окладами.

Но прочитайте книгу О. Чайковской, рассмотрите внимательно цветные вклейки (книга хорошо издана), и если раньше иконы казались вам скучными, вы по-новому увидите их. Больше того, для некоторых это будет не только открытие нового в искусстве, но даже, может быть, и открытие самого искусства. Книга О. Чайковской «Против неба — на земле» научит вас радоваться цвету и сочетаниям цветов старинной русской иконы,

изысканности и строгости линий, изобретательности вымысла, мастерству композиции — расположению фигур на доске иконы. Впрочем, «научит» — неточное слово. Книга эта меньше всего похожа на учебник: она на-

СОВЕТ СТАРОГО МАСТЕРА

Молодой художник зашел в мастерскую знаменитого венецианского живописца Тинторетто. Восхищенный работами Тинторетто, он спросил:

— Мастер, что же мне делать, чтоб преуспеть?

В ответ Тинторетто произнес только одно слово:

— Рисовать.

— Посоветуйте мне еще что-нибудь, — растерялся гость.

— Рисовать и еще рисовать, — добавил Тинторетто.

ОБМЕН
ЛЮБЕЗ-
НОСТЯМИ

Однажды Гейне получил от приятеля увесистое доплатное письмо. Вскрыв конверт, Гейне вытащил целую грудку оберточной бумаги и крошечный листочек, на котором было написано: «Чувствую себя хорошо. Твой...»

Вскоре в адрес приятеля пришла тяжелая посылка, тоже доплатная, за пересылку которой другу Гейне пришлось уплатить изрядную сумму денег. В ящике лежал большой камень, а под ним короткая записка:

«При получении известия о твоём хорошем самочувствии этот камень свалился у меня с сердца».

НА ЧАС РАНЬШЕ

Александр Дюма-отец написал сотни книг. Конечно, он много, очень много работал.

В старости он рассказывал об этом:

— Мне приходилось писать по двадцать пять часов в сутки.

— Но в сутках двадцать четыре часа! — удивлялись собеседники.

— А я садился за стол на час раньше.

писана увлекательно, изящно, с тонким юмором. Автор все время чуть-чуть подшучивает над суевериями людей средневековья, но к искусству их, их мастерству относится с глубоким уважением. И это, пожалуй, самое главное среди многих достоинств книги: каждый, кто прочитает ее, еще больше станет уважать замечательное прошлое нашего народа.

С. СОЛОВЬЕВ

Герман АЛЕКСЕЕВ

Рисунки
И. ГАЛАНИНА.

«ВЕЛИКАНЫ»

Недавно в нашем журнале вы прочли ирландскую сказку «Мудрая Унах», а теперь она превратилась в пьесу для школьного театра. Правда, сказка несколько изменилась, но разве она не стала веселее?

Играть ее надо, как клоунаду: и весело и очень серьезно. Спектакль будет смешнее, если на роли ФИННА и КУХУЛИНА вы подыщите самых рослых исполнителей. Наверно, среди вас есть мальчики, которые пробуют говорить басом. Или такие, которые хорошо умеют копировать взрослых. Зовите их принять участие в спектакле, предложите им роли Финна и Кухулина.

УНАХ должна быть очень простой девочкой. Ей не надо изображать взрослую. Она проворна, бойка на язык, не умеет сидеть сложа руки.

И Финн, и Кухулин, и Унах ко всему происходящему относятся серьезно: Финн по-настоящему напуган, что его убьют, Кухулин по-настоящему обеспокоен, как бы скорее унести ноги, не потеряв, однако, достоинства, Унах по-настоящему удручена, что не вовремя отдала латы мужа в химчистку, по-настоящему возмущена, что он сваливает всю вину на нее, по-настоящему решает ему помочь, хотя в ее отношении к Финну есть изрядная доля насмешки.

Другая группа — ВЕДУЩИЕ. У них и манера игры совсем другая. Ведь они не воспринимают ситуацию как нечто серьезное, она их только веселит, тем более что они прекрасно знают, чем кончится сказка.

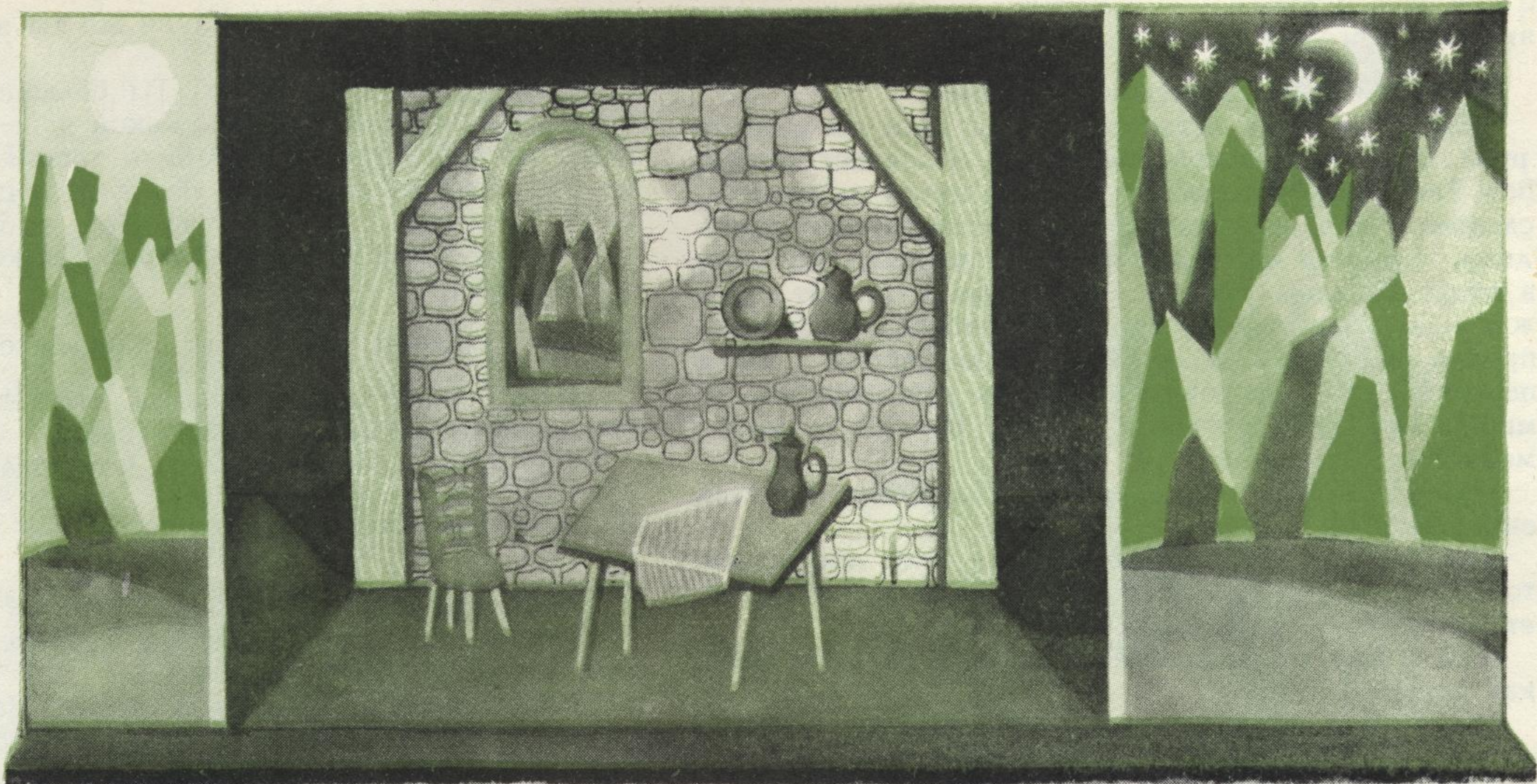
Финна лучше всего одеть в домашний халат. Халат яркий и красочный, сшитый из афиш, свидетельствующих о былых триумфах Финна. На халате прочитываются выдержки, например: «Великий, непобедимый Финн...», «Финал кубка среди великанов...» и т. д. На голове Финна лавровый золотой венок.

Кухулин одет в латы и начищен, как самовар.

Унах одета очень скромно, так как все время проводит в делах по хозяйству. Она не должна выглядеть городской девочкой.

Ведущие — в спектакле их четверо — в любых современных костюмах, но, чтобы подчеркнуть их шутовскую роль, можно надеть им на головы разноцветные колпачки гномов.

Итак, с действующими лицами вы познакомились, занавес поднят, пьеса начинается.

пьеса в одном действии по мотивам ирландской народной сказки

Около сцены расположились четверо ведущих. На сцене Финн и Унах. Финн, довольный тишиной и уютом своего дома, развернул газету и развалился в кресле.

УНАХ. Каждое утро мой любимый супруг Финн не забывал развернуть газету и почитать, что на свете делается.

ФИНН (углубившись в газету, читает по слогам). К-как со... со... сообща! (Многозначительно поднял палец.) Сообща... (продолжает читать)... ют... ют! Что такое «ют»?

УНАХ (помогает). «Как сообщают...»

ФИНН. Не подсказывай! Какой интерес читать, когда подсказывают?

УНАХ. Он всегда ворчит, когда в добродушном настроении. Ведь он у меня великан, вояка, бригадир и председатель общества великанов и, конечно, герой.

ФИНН (бубнит читая)... зеты... газеты. Кух... Кух!

УНАХ. Каких только историй не рассказывали и не рассказывают про его свирепые битвы и смелые дела! ПЕРВЫЙ ВЕДУЩИЙ. Об одной из таких историй мы и хотим рассказать вам.

ВТОРОЙ. Но мы поведаем совсем другую историю.

ТРЕТИЙ. Скорее всего это не очень правдивая история...

ЧЕТВЕРТЫЙ. А просто сказка про героев-великанов.

ПЕРВЫЙ. Сказка выдуманная.

ВТОРОЙ. Конечно, выдуманная.

ТРЕТИЙ. Ведь о подвигах великанов было рассказано столько...

ЧЕТВЕРТЫЙ. И еще раз столько...

ПЕРВЫЙ. И еще четверть столько...

ВТОРОЙ. И, видимо, рассказчики устали рассказывать только про их подвиги...

ТРЕТИЙ. И теперь решили над ними немного...

ЧЕТВЕРТЫЙ. Совсем капельку...

ПЕРВЫЙ. Посмеяться.

ВТОРОЙ. На роли великанов мы подобрали самых рослых исполнителей.

ТРЕТИЙ. Занимающихся спортом.

ЧЕТВЕРТЫЙ. На репетициях каждый из них научился выжимать штангу в пятна...

ПЕРВЫЙ. В пятьдесят...

ВТОРОЙ. В сто пятьдесят килограммов!

ТРЕТИЙ. А на роль жены великана Унах мы выбрали самую смекалистую девочку. Почему именно смекалистую? Вот об этом и расскажет наша маленькая

история. А история эта началась с того, что Финн прочитал газету.

ФИНН (складывая газету). Хорошо пишут. Читаешь и получаешь огромное удовольствие.

УНАХ. Ну, расскажи, что прочел.

ФИНН. Ну, обо всем... (Делает какие-то неопределенные жесты.) Вот, например, как сообща... все... и... вот... А, если не сообща, то... наоборот.

УНАХ (взяла газету, читает). «Как сообщают все средневековые газеты... великан Кухулин отправился на встречу с великаном Финном, чтобы победить его в честном бою...»

ФИНН. Прочти-ка еще раз.

УНАХ. Здесь ясно сказано. (Читает.) «Великан Кухулин отправился на встречу с великаном Финном, чтобы победить его в честном бою...»

ФИНН (забегал по комнате). О, горе мне и погибь! Он идет сюда! Это страшное чудовище Кухулин!

УНАХ. Ты боишься встретиться с Кухулином?

ФИНН. Его боятся все окрестные великаны. Когда он сердится и топает ногой, на островах начинается землетрясение. А однажды он шлепнул кулаком по шаровой молнии и превратил ее в летающую тарелку... Нет, я не могу с ним драться! Это нечестно! Наши весовые категории неравны!

УНАХ. Почему же ты считаешься самым сильным, самым смелым? Почему же тебя выбирают в бригады, в председатели общества великанов? Почему же тебя все считают героем?

ФИНН. Значит, ты считаешь, что я должен драться? Тогда ответь: где мой меч?

УНАХ. Дети снесли его в школу на металлолом. Он был такой большой, что...

ФИНН. Что?

УНАХ. Что... школа сразу перевыполнила план по сбору металлолома. Он лежал... занимал много места...

ФИНН. Как я буду драться без меча?! Где латы?!

УНАХ. О! Я их отдала в химчистку.

ФИНН. Где моя кольчуга?

УНАХ. Я... я сделала из нее решето для просеивания проса.

ФИНН (приняв окончательное решение). Где моя шапка-невидимка?

УНАХ. Ты хочешь спрятаться? В нафталине. В ней завелась моль...

ФИНН. Достать! Разнафталинить! Вытрясти!

Четверо ведущих выносят шапку-невидимку из ярко-красного бархата с пером. Она огромна и тяжела.

УНАХ. Значит, ты решил по-своему.

ФИНН. Что мне остается делать, если ты разбазарила весь мой боевой инвентарь? *(Надевает шапку.)* Все! Теперь я в безопасности. Меня никто не видит — следовательно, меня нет. Передай этому твоему Кухулину, что меня нет дома, что я не шатаюсь по свету в поисках славы, как он... а в данный момент нахожусь на общественно полезной работе... расширяю пролив... Дарданеллы... а выскочек не терплю... Так и передай!.. Он недостойн того, чтобы разговаривать со мной... Нахал! *(Садится в кресло.)* Вот так я сижу... меня совсем не видно?

УНАХ. Да как тебе сказать... По-моему, ты стал еще заметнее, чем был.

ФИНН. Ты хочешь сказать, что... если взглядеться, то я чуть-чуть просвечиваю. Ну, а если так? *(Надевает шапку глубоко на уши.)*

УНАХ. Нет, ты не просвечиваешь... Я даже не знаю, как сказать...

ФИНН. Вот, что я сейчас делаю? *(Начинает строить рожи, руками показывает глинный нос.)*

УНАХ. Ты ведешь себя очень глупо.

ФИНН *(понял. Испугался)*. Ты меня видишь?!!

УНАХ. Я вижу тебя насквозь. Ты не великан. Ты не имеешь никакого права называться великаном. Ты маленький тщеславный хлюпик!

ФИНН *(разглядывая шапку)*. Моль! Моль!.. Съели! Все съели! Невидимку съели — шапку оставили!!! Все! Я погиб! Уберите! Уберите в нафталин...

Ведущие берут и поспешно уносят шапку за кулисы. Последний (допустим, четвертый) ведущий на секунду задержался.

ЧЕТВЕРТЫЙ. И в это время далеко-далеко раздался зычный, потрясающий окрестности голос.

ГОЛОС. Где живет великан Финн? Мне нужен великан Финн, с которым я иду сразиться в честном бою.

Финн окаменел. Он и Унах замерли. На сцену выходит Кухулин. На нем рыцарские доспехи. Надменен, двигается вразвалку. Подходит к четвертому ведущему.

КУХУЛИН. А где здесь великан Финн? Мне сказывали, его надо искать в этих краях...

ЧЕТВЕРТЫЙ. Вы почти у цели. Вам осталось пройти около трех тысяч километров.

КУХУЛИН. Совсем рядом!

ЧЕТВЕРТЫЙ. У вас сапоги не промокают?

КУХУЛИН. Нет.

ЧЕТВЕРТЫЙ. Тогда перейдете Средиземное море немного левее Италии, обойдете Альпы... Только я вас очень прошу: когда будете перешагивать через Ла-Манш, не наступите на Лондон.

КУХУЛИН. А что? Будут неприятности?

ЧЕТВЕРТЫЙ. Нет... Но я оттуда родом.

КУХУЛИН. Благодарю, учту *(кричит за кулисы)*. За мной!

Из-за кулис выходят трое остальных ведущих. Они несут длинный — во всю сцену — меч Кухулина. Вместе с Кухулином скрываются за противоположными кулисами. Финн срывается с места и лезет под стол.

УНАХ. Вылезай из-под стола. Я должна к приходу гостя вымыть полы.

Не слушая жену, Финн одним прыжком выскакивает из-под стола и прячется в печку. Унах берет в руки кочергу и начинает шуровать в печи. В это время у одной из кастрюль, стоящих на печи, поднимается крышка, над кастрюлей появляется черная от сажи голова Финна.

ФИНН *(из кастрюли, умоляюще)*. Закрой за мной... закрой за мной задвижку *(крышку кастрюли он держит над головой, как шляпу, снятую для приветствия)*. Снаружи.

УНАХ. И это мой муж!

ФИНН. Тише! Тсс... Он уже близко...

УНАХ. Вон оттуда! Как же я буду разжигать огонь в печи, чтобы готовить пироги к приходу гостя, если

ваша милость сидит там? Какой же ты великан, если смог уместиться в печи!

ФИНН. Я понимаю, Унах. Ты больше не можешь гордиться своим великаном. Какой я великан?! Так... всего-навсего оптический обман зрения... Но сейчас вопрос о жизни и смерти. Вот я весь перед тобой... сижу в кастрюле. Помоги мне. Придумай что-нибудь.

УНАХ *(слова Финна ее тронули)*. Выходи *(открыла дверцу печи)*.

Финн вылезает из печи, с надеждой глядит на Унах.

УНАХ *(четвертому ведущему)*. Что такое великаны без женской помощи? Зови своих!

ЧЕТВЕРТЫЙ *(бьет в ладоши)*. Все сюда!

Из-за кулис выпрыгивают остальные ведущие и выстраиваются в ряд.

УНАХ. Где находится сейчас Кухулин?

ПЕРВЫЙ. Он промочил ноги в Средиземном море и сушит над Везувием свои сапоги.

УНАХ. Хорошо! У нас есть время. Надо достойно встретить великого гостя! Не зови меня больше своей верной женой, если я не обведу вокруг пальца это грозное чудовище! *(Приказывает ведущим.)* Принесите мне четыре дюжины больших плоских сковородок и замесите побольше теста, чтобы хватило на все сковородки!

Двое ведущих тотчас же скрылись, побежали исполнять приказ Унах, а первый вскоре вернулся, обвешанный сковородами.

УНАХ *(первому)*. Молодец! *(Приказывает двум оставшимся ведущим.)* Достаньте детскую коляску — побольше. И соску для грудного ребенка.

Когда ведущие удалились исполнять ее приказания, а первый ведущий ушел со сковородками на кухню, она открыла сундук и вынула из него свою ночную рубашку и чепец.

УНАХ *(Финну)*. Одевайся.

Финн влезает в рубашку и надевает чепец. В это время на сцену вбегает ведущий и катит перед собой детскую коляску.

ФИНН. Что ты со мной делаешь?!

Унах берет из рук ведущего детскую соску и сует ее в рот Финну.

УНАХ. Ложись в коляску!

ФИНН *(сквозь соску)*. Вувв вввыы! *(Но в коляску лезет.)*

УНАХ. Запомни только одно: ты грудной ребенок.

ФИНН *(из коляски)*. Я грудной ребенок.

УНАХ. Неправильно! Грудные не так говорят. Они говорят: «уа, уа!».

ФИНН. Уа.

УНАХ. Аыыы.

ФИНН. Аы.

УНАХ. Не верю!

ФИНН. Ну, аы же!

Вбегает второй ведущий в поварском колпаке, в белом фартуке, с закатанными рукавами.

ВТОРОЙ ВЕДУЩИЙ. Тесто готово!

Унах уходит вместе с ведущим-поваром.

ТРЕТИЙ ВЕДУЩИЙ *(заговорщически выходит вперёд)*. Вы видели, сколько сковородок пронесли в кухню?! Вы знаете, сколько теста было замешено в котле? А зачем?! Нет, вы ничего не знаете! Унах стала печь лепешки. Над Ирландией распространился запах свежеспеченного хлеба. Однако очень странные лепешки она испекла.

Входят Унах и ведущий в поварском наряде. Оба несут по горе лепешек. Ведущий нарочно роняет одну из лепешек, она падает на пол с чугунным грохотом.

ТРЕТИЙ. Во все лепешки Унах запекла по железной сковороде. Во все, кроме одной.

Берет из рук ведущего повара огромную величиной с колесо телеги лепешку и показывает ее зрителям.

УНАХ. Эту лепешку надо положить отдельно (кладет ее отдельно). Все. Можно встречать гостя.

Голос КУХУЛИНА. Здесь проживает великан Финн?

УНАХ (ведущим). Ведите его сюда! (Ведущие уходят.)

Входит Кухулин. За ним ведущие (ведущий-повар уже успел снять свой наряд). Они несут меч Кухулина.

КУХУЛИН. Мир дому сему. Это здесь проживает знаменитый Финн?

УНАХ. Ты угадал. Входи, располагайся, как дома, добрый человек.

КУХУЛИН. А вы часом не госпожа Финн будете?

УНАХ. Ты опять угадал. Я жена славного и могучего Финна.

КУХУЛИН. Знаем, знаем, о нем давно идет слава знаменитого великана Ирландии. Что ж, а перед тобой сейчас тот, кто пришел сразиться с ним в честном бою!

УНАХ (разыгрывает удивление). Вы?

КУХУЛИН. Я.

УНАХ. Вот досада, а он сегодня еще на рассвете покинул дом. До него дошла весть, что огромное чудовище по имени Кухулин ждет его у моря на север-

— Что такое великаны без женской помощи?

клянусь честью, то будет самый черный день в твоей жизни, когда ты повстречаешься с Финном! Вы что-то хотели сказать?

— Да будет всем известно, что Кухулин — это я!

— Ведущие, сюда!

ном берегу. Так что вам придется подождать, пока Финн расправится с Кухулином. Но я думаю, это произойдет скоро... Бедняжка Кухулин! Мой муж не пощадит его, он сегодня в такой ярости, что сотрет его в порошок. Но простите меня за неловкий вопрос... Вот я гляжу на вас... Не рановато ли вам мериться силами с Финном? Ведь, говорят, Кухулин страшное, сильное чудовище... а вы...

КУХУЛИН. Да будет вам известно, что Кухулин — это я!

УНАХ (очень удивлена). Вы?

КУХУЛИН. Да, я! И я пришел к Финну, чтобы сразиться с ним.

УНАХ. Боже! Что делает людская молва! Она вас обрисовала страшнейшим из великанов, а вы сидите передо мной такой скромный, такой безобидный, такой маленький.

КУХУЛИН. Я маленький?

УНАХ. Простите, если я вас обидела, но вы, наверно, никогда не видели моего Финна?

КУХУЛИН. Как же я мог видеть вашего Финна, когда он все время удирает от меня?

УНАХ. Это кто же, Финн удирает от тебя, малявка ты этакая! Бери сейчас же свои слова обратно! Да,

КУХУЛИН. Нет... (Видно, что его начало разбирать сомнение.)

УНАХ. Вас будто бы знобит?..

КУХУЛИН. Да так... я промочил ноги в Средиземном море, пробовал сушить обувь над Везувием, но он потух, и теперь от него нет никакого тепла.

УНАХ. В самом деле, а здесь так дует, ветер с севера. Просила, просила я Финна, чтобы он переставил скалу на северную сторону, а он вместо того все дерется с великанами. Если вам очень холодно, попробуйте это сделать сами. Вон она, эта скала, если ее перенести немного правее...

КУХУЛИН. Спасибо, не надо, я уже согрелся...

УНАХ. Но не будьте же таким эгоистом: вы согрелись, а мне холодно.

Ведущие вышли вперед. Кухулин встал из-за стола и направился за кулисы, делая на ходу гимнастические упражнения.

ПЕРВЫЙ. Вы видите сами, что Кухулину не очень-то по вкусу пришлось такая просьба. Однако он обхватил скалу руками...

ВТОРОЙ. Скала чуть-чуть приподнялась над морем...

ТРЕТИЙ. Но удержать он ее не смог...

За сценой послышался грохот.

ФИНН (в коляске.) Я больше не могу! Я убегу!

УНАХ. Сиди! Разве ты не видишь, что все идет хорошо? Кричи: «Уууа!»

ФИНН. Уа!

УНАХ. Хорошо! Молодец!

ПЕРВЫЙ ВЕДУЩИЙ. Вторая попытка!

За сценой грохот.

ФИНН. Еще не поздно. Я все скажу ему... Пусть делает со мной что хочет.

УНАХ. Ты с ума сошел!

ТРЕТИЙ ВЕДУЩИЙ. Кухулин пробует перевернуть скалу.

ЧЕТВЕРТЫЙ. Скала поддалась.

ВТОРОЙ. Он катит скалу, как бочку...

ТРЕТИЙ. Еще немного, и она закроет залив с севера...

За сценой грохот.

ПЕРВЫЙ. Есть!

ФИНН (заливаясь слезами). Я отказываюсь быть великаном! Спасите меня! Пожалейте меня!

Входит усталый Кухулин. Унах качает коляску. Финн заливается слезами.

УНАХ (Кухулину, качая коляску). Не мог потише! Разбудил ребенка!

КУХУЛИН (не может отдышаться). Готово!

УНАХ. Уж лучше бы я тебя не просила, горе-великан!

ФИНН (заливаясь слезами). Аы-ыы!

УНАХ (Кухулину). Садись поешь, подкрепи силы. (Ставит на стол лепешки.)

КУХУЛИН (с жадностью берет лепешку, пробует откусить и...). О! Сто чертей и одна ведьма!

УНАХ. Что такое?!

КУХУЛИН. Такое! Такое, что двух моих лучших зубов... лучших зубов как не бывало! Что за хлеб ты мне подсунула?!

УНАХ. Обыкновенный хлеб. Не только Финн, но даже и его дитя в колыбели ест этот хлеб. (Ведущим.) Подайте мне самую большую лепешку!

Ведущие подают ей самую большую лепешку. Переглянулись. Она подошла к коляске и протянула лепешку Финну. Финн умоляюще смотрит на окружающих и отрицательно крутит головой. Но Унах неумолима. Финн начинает есть. Давится, но ест. Кухулин от удивления открывает рот.

УНАХ (Финну). Кушай, мой маленький. Кушай, великанчик.

ФИНН. Аы-ы.

УНАХ. Ну-ну, не давайся. Сейчас папа придет. Будет с этим дядей драться, а мы посмотрим, кто кого победит. Но ты не беспокойся: наш папа сильный, наш папа смелый...

КУХУЛИН (забеспокоился). Я, кажется, засиделся...

УНАХ. Нет, почему же? Вот посмотрите на нашего маленького. Ему всего два месяца, но растет не по дням, а по часам... Мальчик, скажи: «Агу».

ФИНН (недоверчиво). Агу.

КУХУЛИН. Мне было очень приятно провести время в вашем доме, но я больше не могу злоупотреблять вашим гостеприимством. Передайте поклон вашему мужу... Очень печально, что я его не застал. Чтобы выразить свое уважение к нему, мне бы хотелось кое-что подарить... С этой целью я захватил с собой свой меч. Пусть он примет от меня этот скромный подарок и впредь считает меня своим другом. (С поклонами уходит.)

Ведущие вышли вперед. За их спинами Финн осторожно, оглядываясь, вылез из коляски и снял с себя ночную рубашку и чепец жены.

ПЕРВЫЙ ВЕДУЩИЙ. А что было дальше?

ВТОРОЙ. Что?

ТРЕТИЙ. Выйдя из дому Финна, Кухулин почему-то побежал.

ЧЕТВЕРТЫЙ. Он бежал так, будто за ним гнались.

ПЕРВЫЙ. Одним прыжком он перепрыгнул из Ирландии в Англию...

ВТОРОЙ. Как сумасшедший помчался по Уэльсу...

ТРЕТИЙ. Споткнулся о берег Нормандии и упал на Францию...

ЧЕТВЕРТЫЙ. ...но тут же поднялся и побежал еще быстрее.

ПЕРВЫЙ. Не прошло и минуты, как он скрылся за горизонтом.

ВТОРОЙ. А в это время...

Ведущие расступаются... Как ни в чем не бывало Финн сидит в своем любимом кресле и читает газету.

ФИНН (читает). К-как сообща... ют... сообща... (Передаст газету жене.) Прочти-ка лучше ты.

УНАХ (берет газету, читает). Как сообщают телеграфные агентства, один из крупнейших современных великанов, Кухулин, выступив на пресс-конференции, признал Финна самым великим и могущественным великаном на сегодняшний день и публично выразил ему свое уважение.

ФИНН. Вот так-то! Не суйся.

УНАХ. А мне ты ничего не скажешь?

ФИНН. Скажу. Ты достойна быть женой такого могущественного великана, как я.

Финн берет Унах под руку, ведущие выводят их вперед, все кланяются.

ЗАНАВЕС.

Вот и опять знакомая картина. Иду и вижу: стоят двое мальчишек у забора и разглядывают новенькие учебники. На одной странице скачут дикие кочевники, на другой опять поплыл Колумб открывать Америку. Опять кто-то впервые узнает про Ломоносова, а кто-то про Пушкина. Хорошо, сам бы рад узнать все это впервые. Вчера в автобусе видел женщину с огромным глобусом, и до того захотелось мне его ладонью погладить, а потом крутнуть бы его... Но побоялся — не поймет и рассердится! Вылез я раньше, чем надо было, пошел пешком.

"НЕ ЗНАЮ,
КАК
МНЕ
БЫТЬ..."

Антон Загогулин, а я курю!
Еще с пятого класса.
Отвечь, что лучше:
сигареты или папиросы?
МУХТАР НЕВЕДОМЫЙ.

(Из дневника Антона Загогулина)

...Зовут меня в школу, просто приглашают даже, сам завуч приходил два раза и от имени педсовета упрасивал. Говорит мне: «Вы, Антон Загогулин, для нас неоценимый, необходимый» и прочее всякое.

Дело-то, видите ли, в том, что руководитель кружка по труду нужен, а я, что ж тут скрывать, у меня руки, а не грабли какие-нибудь. Может, в самом деле пойти? Что мальчишки балуются, это меня не пугает, пусть балуются. Что девочки себе того и гляди молотком по пальцам — это тоже поправимо, на мой взгляд. А в чем остановка? Да, пожалуй, ни в чем... Ладно, пусть еще раз попросят, я и соглашусь. Что по слесарному, что по столярному делу — всему могу научить. Решено. Этот год и я буду в школу ходить. Где-то ведь и портфель у меня был, и мелки цветные имелись. Буду учителем.

Ответ. Меня, Неведомый, не удивишь, что с пятого класса. Эка важность! Я такого одного видал, он уже в детском саду курил. Стоит, бывало, у забора, сквозь прутья на улицу папироску тычет и скулит свое: «Дядь, дай прикурить!» Он еще и говорил-то плохо, зато курил исключительно махорку. Это герой! А ты, Неведомый, до пятого класса раскачивался. Опоздал, приятель. Спрашиваешь, что лучше? Ну, бесспорно, ни сигареты, ни папиросы. Для школьника твоего возраста лучше всего трубка или сигара. А то еще есть кальян!

Курящий мальчик — это роскошно! Это как заяц с браслетом на лапе... Хотя станет ли заяц не своим делом заниматься? Сомни-

тельно, он зверек умный. Да и я сам не курильщик. Мне это невкусно. А ты, Неведомый, как хочешь: болеть будешь ты, а не я.

В СЕНТЯБРЕ МНЕ НЕ ПИШИТЕ, ОТВЕЧАТЬ БУДЕТ НЕГОЛДА.

СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ СТИМ

БУДЕТ НЕГОЛДА.

СБОРУ ЛЕКАРСТВЕННОГО ШИПОВНИКА. АЗ

ОЧКИ НА ВЕТКЕ

Большая Загогулина

Загогулька

Размечтавшись на старости лет,
Я купил лотерейный билет.
Авто-мото билет, кино-фото.
Можешь выиграть или же нет:
Вот ружье в пять стволов для охоты,
Сапоги для ходьбы по болотам,
Лодка. Компас. Палатка. Рюкзак...
Не дождусь сообщения никак...

Ах, скорее, скорее, скорее!
Разыграйся, моя лотерея!
Не хочу ни ковер, ни буфет,
А хочу голубой мотопед!
Я бензину налью в его бак
И поеду гулять просто так...

*

Сам не ведаю как, а вот был на днях в лесу да набрал на то место, где еще весной собирал сморчки и потерял очки... С того времени, конечно, новые стекла ношу, а тут гляжу — блеснуло что-то! Я туда! И счастье, что под ноги глянул: «Батюшки, ну и чудище!». Гриб стоит. Белый. Здоровенный. Прямо поросенок, едва в ведро влез. А как управился я с ним, вспомнил: что же это блеснуло-то? Смотрю — на ветке очки качаются. Мои! Ниточкой связаны, значит, мои. Вот те на! Я не люблю вещи терять, да уж больно находить их приятно. Да-а... Пошел домой. Дорогой все размышлял: «А нету ли тут связи какой меж тем грибом и очками?» И смекнул: «Как это нету?» «Бьет в стекло солнышко, и в каком-нибудь местечке на земле особо увеличенное тепло, тут и гриб вымахал этакий. Понятно?» Понятно, а уж мысль дальше скачет. Ведь в очках два стекла, значит, вернуться мне следует и другой гриб поискать...

Пришел я назад, и что же вы думаете? Только я очки на ту же ветку приладил, только сивозь них поглядел, как — вот он, голубчик! Стоит, не шелохнется. Я и его тут ножичком... А уходя уж не стал очки с ветки снимать, только чуть передвинул. Пусть висят, а я сюда через день-другой наведуось...

И вот вам итог. За три недели снял я из-под очков восемнадцать экземпляров белых грибов. Инкубатор какой-то...

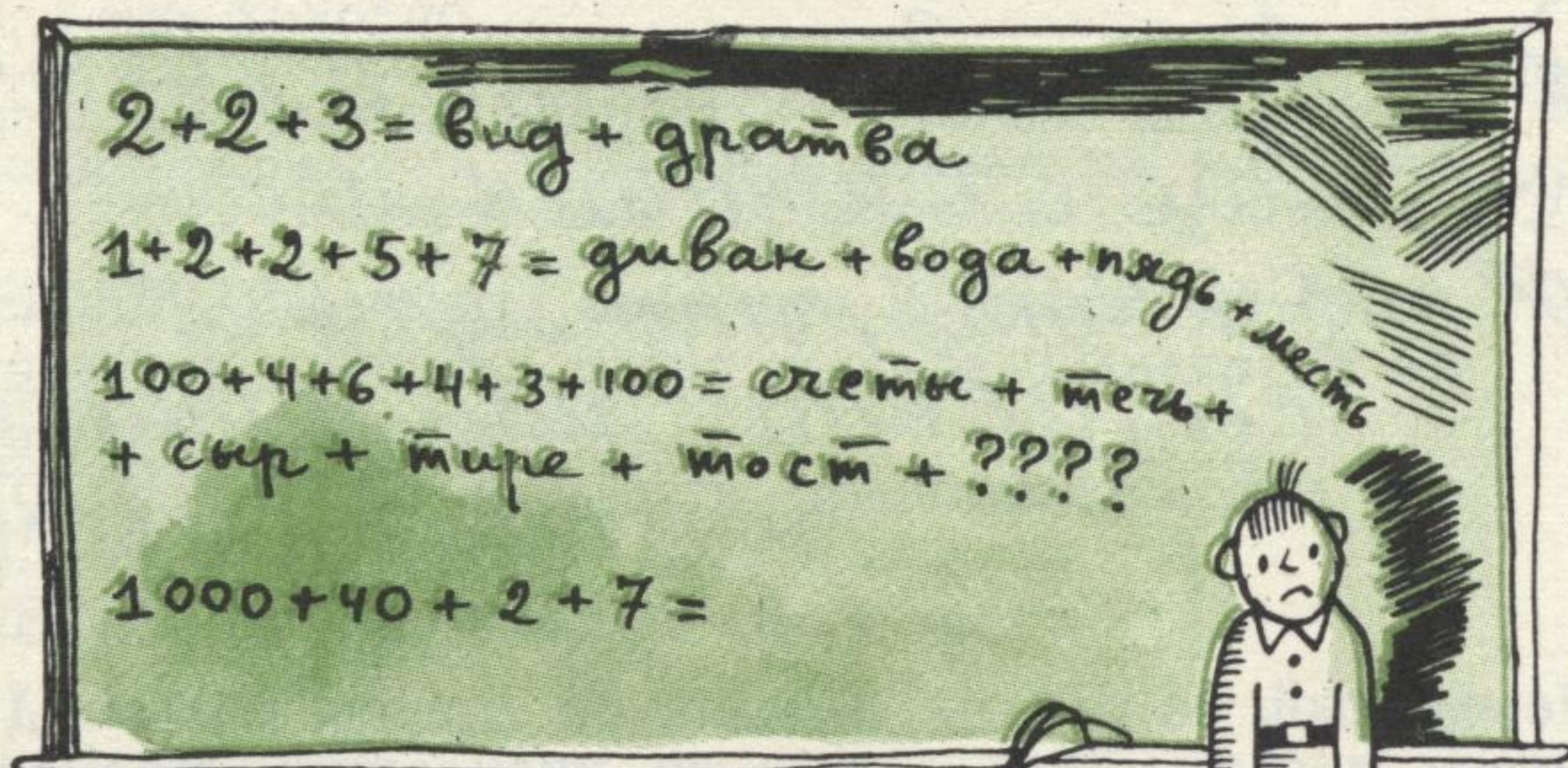

ЭТО ПЛАН ТОГО МЕСТЕЧКА, А Я СТОЮ ЗА ДЕРЕВОМ. АЗ

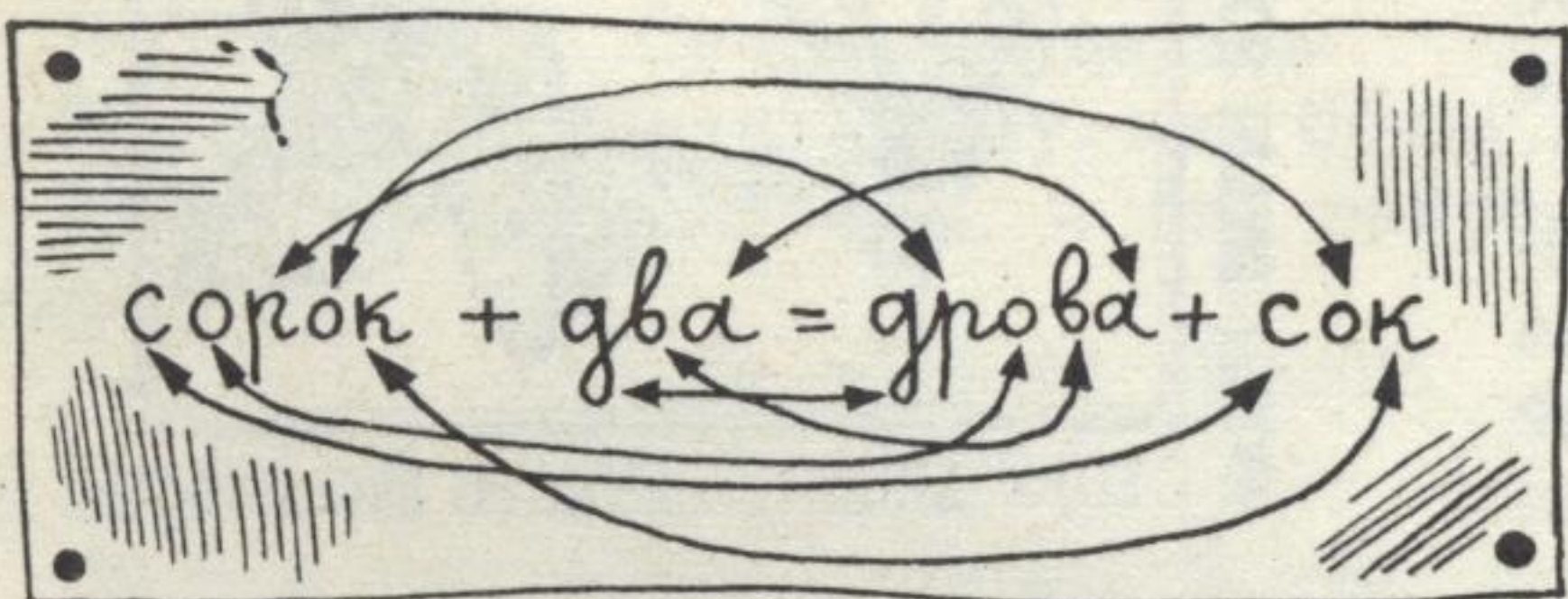
Чудеса в решете

Что за странные задачки решает школьник у доски? А, все ясно! Нача-

- лись занятия в школе Деда Буквоеда, и это, конечно, задачи по буквоедению.
- Догадитесь, что нужно сделать с цифрами.

Проверьте, правильно ли решены два первых примера. Найдите, какое слово подсказывают ребята ученику, запутавшемуся в решении третьей задачки.

ЧЕМУ УДИВЛЯЕТСЯ ДЖОН?

На рисунке мальчик Джон Чем-то очень удивлен. Кто в рисунок углубится, Еще больше удивится, Обнаружив, без сомненья, Семь причин для удивленья.

Решите четвертый пример. А теперь попробуйте сами составить такие же уравнения.

ЛИЧНО ВСЕМ!

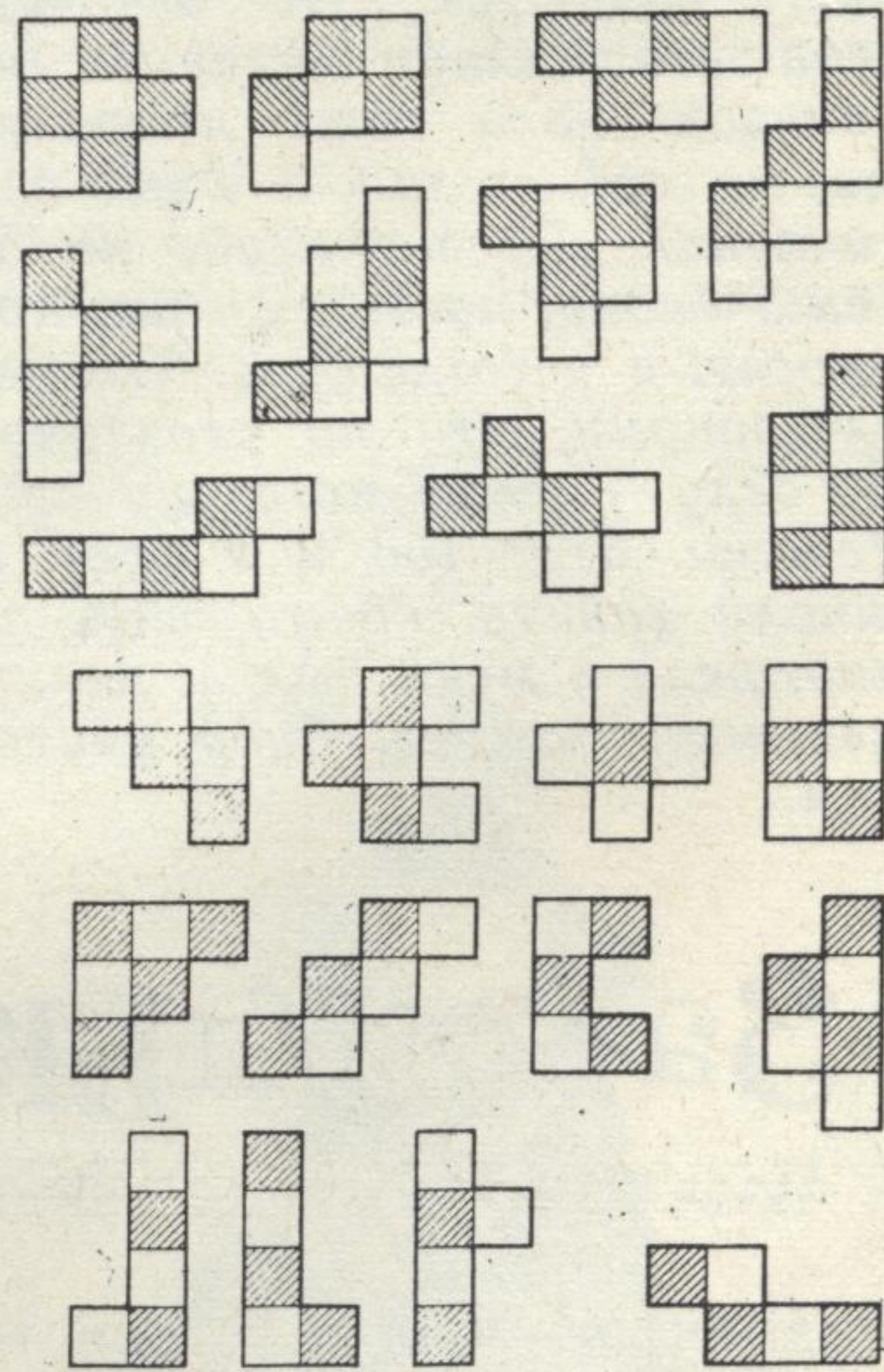
Взяв по две стоящие рядом буквы из слов ПОЛУМЕСЯЦ, КАНИТЕЛЬ, ЦАРАПИНА, ПОРОХОВНИЦА, КИСЛОРОД, ШОКОЛАД, БРОСОК, КОРОБКА, КАРАКАТИЦА, ПОЖАР, ЛЕПЕТ, выписав их все подряд и разбив затем на три слова, любой из вас узнает, что я о нем думаю.

Дед Буквоед

РЕШЕНИЕ СУДЬИ

Матч на первенство мира по шахматам между Витей Лодейкиным, учеником 196-й киевской школы, и сконструированным им же роботом Мат-Шах-185 заканчивается самым неожиданным образом. Как мы уже сообщали, 199 сыгранных партий завершились вничью. Не принесла никому победы и двухсотая. Силы чемпионов мира Лодейкина и претендента Мат-Шах-185 действительно одинаковы. Как известно, в таких случаях судья имеет право предложить противнику связанную с шахматами задачу. Победителем будет считаться тот, кто сможет решить ее в кратчайший срок. Задача, к которой прибегнул судья матча, не лишена оригинальности. Чемпиону и претенденту предложено... составить две шахматных доски из следующих публикуемых нами комбинаций черных и белых клеточек.

Сейчас, когда мы подписываем к печати наш номер, Лодейкин уже справился с комбинацией № 1 за 5 минут, время, показанное Мат-Шах-185.— 5 минут 32 секунды Комбинация № 2 по-

ка еще не решена обоими противниками.

«Вечерняя Москва» 3 сентября 2185 года.

Наклейте и вы лист бумаги в клеточку на тонкий картон, перерисуйте на нее фрагменты шахматной доски со схемы, вырежьте их и включайтесь в состязание между Лодейкиным и Мат-Шах-185. Присылая ответы, обозначьте на шахматной доске границы вошедших в нее фрагментов цветным карандашом.

ГДЕ ЖИВЕТ ВОВА?

На выставке в Московском Доме пионеров жюри отобрало и премировало пять лучших снимков, сделанных ребятами во время каникул. У этих фотографий разные сюжеты, и они принадлежат разным фотографам, которые живут на разных московских улицах. Все ребята на лето куда-нибудь уезжали.

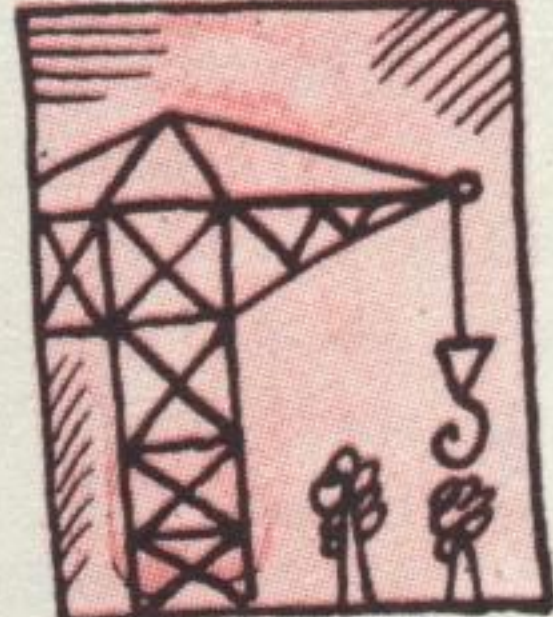
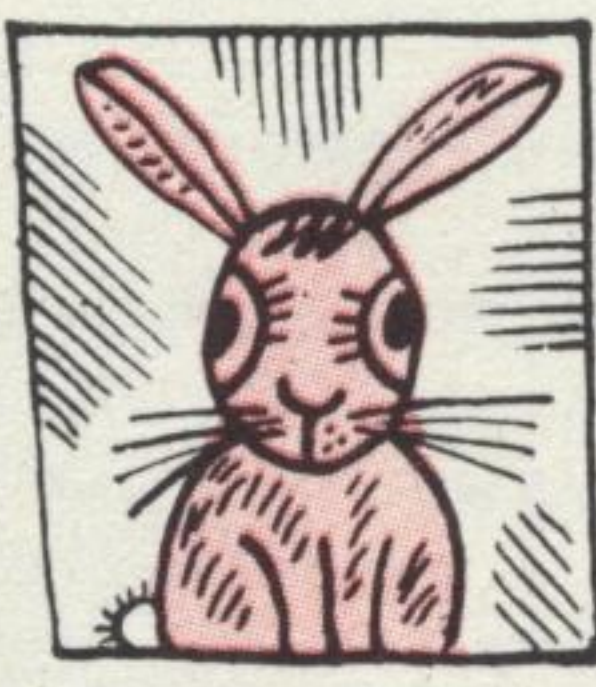
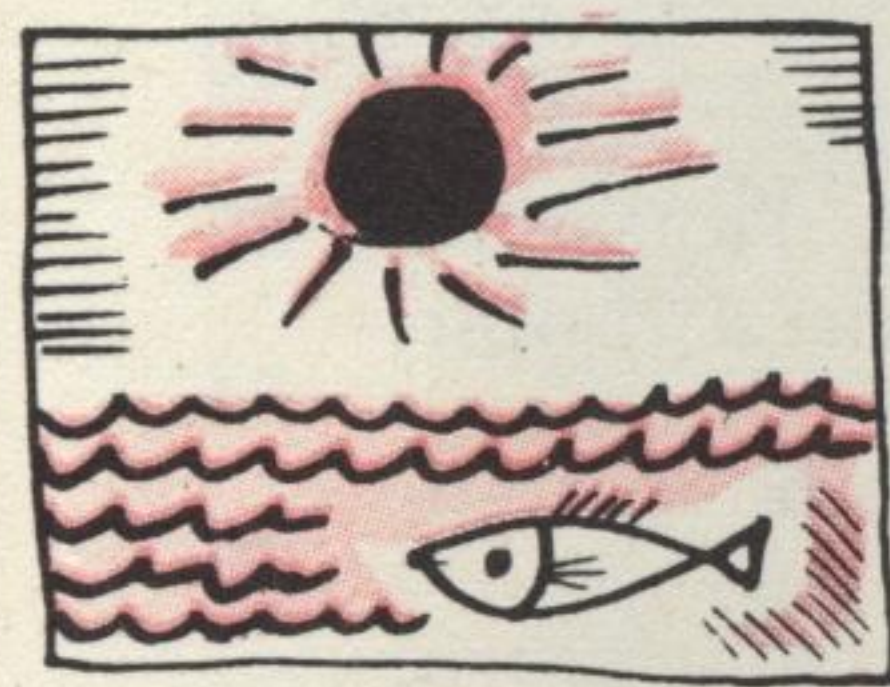
6. Снимок с Кавказа занял место перед снимком, сделанным на Алтае.

7. Коля отдыхал в Крыму.

8. Женя получил за свой снимок четвертую премию.

9. Снимок на техническую тему был сделан в Подмосковье.

10. Портретный снимок прислал Петя.

5 Премий

1. Фотография, сделанная мальчиком, отдыхавшим в Крыму, была оценена выше, чем снимок юного фотографа, живущего на Таганке.

2. Миша представил видовой снимок.

3. Фотография животного получила меньше голосов, чем снимок Жени.

4. Петя живет в Сокольниках.

5. Мальчик, живущий на Таганке, получил вторую премию.

11. Фотография мальчика, живущего на Малой Бронной, заняла место непосредственно перед фотографией школьника с Арбата.

Ответьте на вопросы:

1. Где была снята фотография на спортивную тему?

2. Как зовут мальчика, который живет на Арбате?

3. Где живет Вова?

4. Какой сюжет у фотографии, снятой в Карелии?

Эта задача только кажется очень запутанной. На самом деле вы довольно легко найдете ответы на заданные вопросы, если обнаружите тот порядок, в котором нужно перенести все одиннадцать сведений в нарисованную здесь таблицу

	ПРЕМИИ				
	1	2	3	4	5
Имя					
Где живет					
Где отдыхал					
Сюжет снимка					

Ответы на задачи № 8

Два фрегата

Первый и шестой корабли абсолютно одинаковые.

Пеший велосипедист

Вы догадались, что Осип идет в лес.

Трудная переправа

Туристы переправлялись через реку так: сначала Коля и Петя переплыли на берег «В». Петя возвращается и остается на берегу «А». Потом Миша плывет, а Коля возвращается на берег «А».

Теперь Коля и Петя плывут с берега «А» на берег «В», а Коля возвращается на берег «А». И наконец Вася плывет с «А» на «В», а Петя возвращается с «В» на «А». Петя и Коля плывут с «А» на «В».

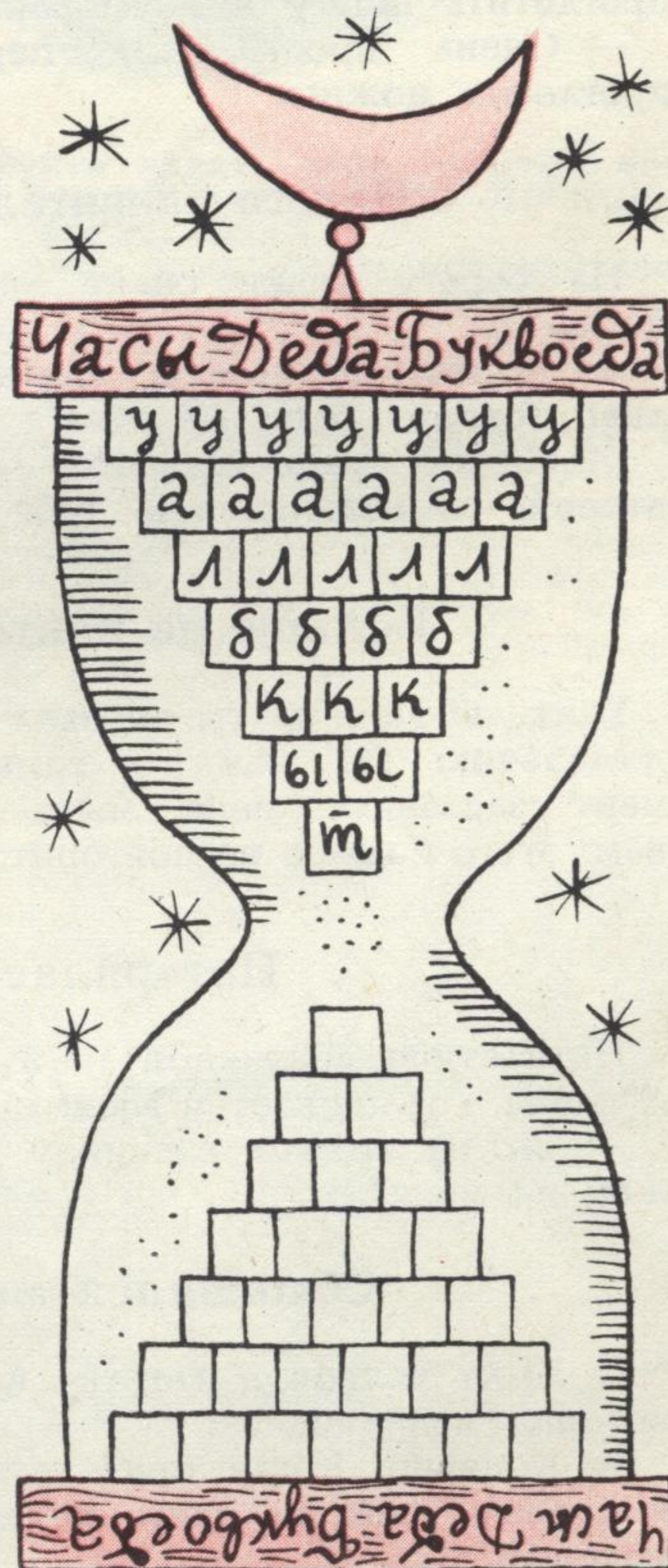
По Каме до Америки, по Оке до Марокко

Вот что у вас должно получиться: Ока — кора — комар — кромка — Марокко.

Кама — рамка — камера — Америка.

Часы Деда Буквоеда

Так вы на этот раз засыпали часы? О, КО, БОК, БОКС, СКОБА, СОБАКА, КОЛБАСА.

Ответственный дежурный
Н. РАЗГОВОРОВ

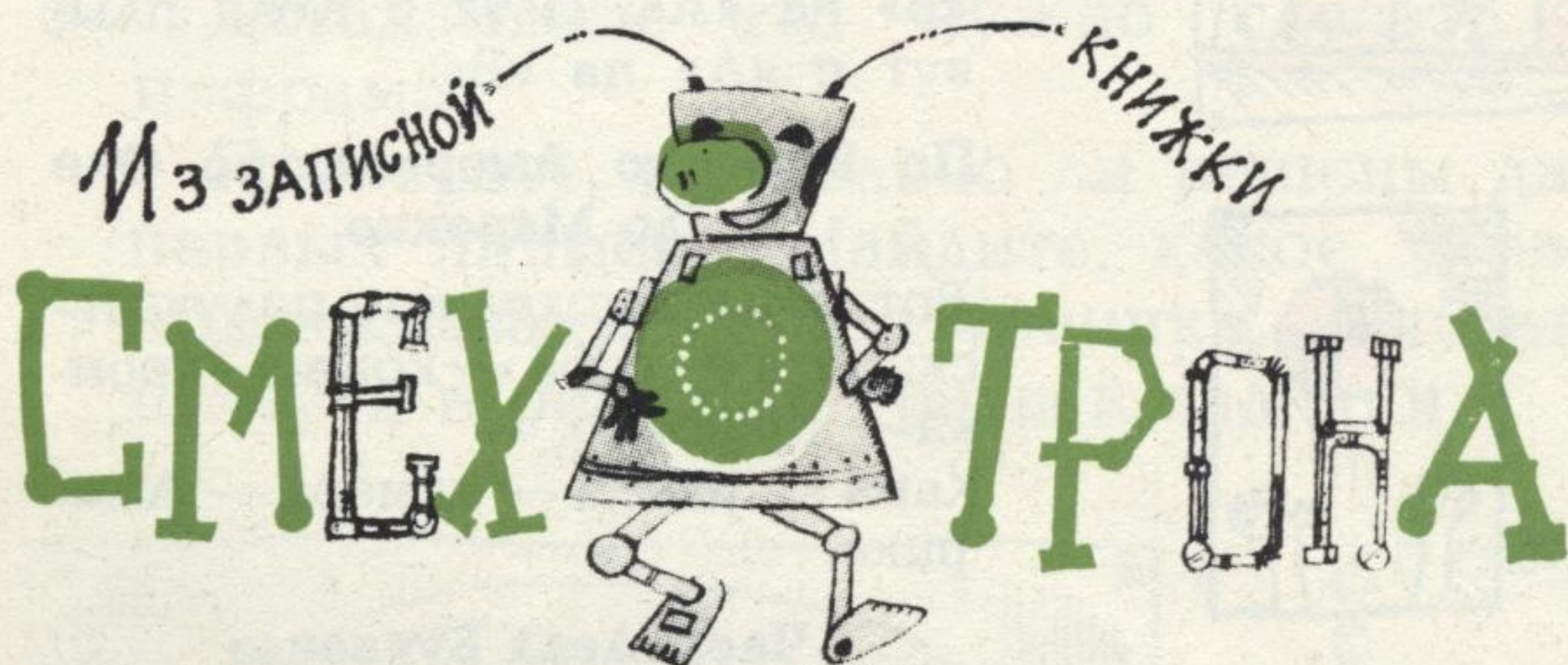

УПОРНЫЙ ПРОТИВНИК

В Стокгольме, во время шахматного турнира, гроссмейстер Павел Керес проводил сеанс одновременной игры на тридцати досках. Он легко одержал победу над всеми мужчинами — участниками турнира.

За одной доской сидела женщина. Ее Керес никак не мог победить. Партия продолжалась несколько часов, и только на тридцать седьмом ходу ему с трудом удалось добиться ничейного результата.

Когда игра закончилась, гроссмейстеру сообщили, что его противнице... 96 лет. Опомившись от удивления, Керес поздравил шахматистку с блестящим успехом и с восторгом отозвался о ее мастерстве.

В цирке

— Ой, папа, как же этому артисту удалось проглотить шпагу и не пораниться?

— Очень просто. Он перед выступлением проглотил ножны.

Ничего удивительного!

На берегу речки сидят двое ребят и моют ноги.

— А твои ноги еще грязнее моих,— завистливо говорит один мальчик.

— Ничего удивительного,— спокойно отвечает второй,— я ведь старше тебя.

Больше не повторится

Учитель: Почему ты опоздал в школу?

Мальчик: Да мама в самый последний момент заставила меня мыть шею. Но обещаю вам: этого больше не повторится.

Потерялась

Пятилетняя девочка в магазине потеряла мать и, плача, спрашивает у всех:

— Вы не видели женщину без девочки, похожей на меня?

Сбывшаяся мечта

— Была у тебя в детстве какая-нибудь мечта, которая исполнилась?

— Конечно. Когда брат таскал меня за косы, я больше всего на свете хотела, чтобы у меня не было кос.

СОДЕРЖАНИЕ

Тень каравеллы.— Повесть В. Крапивина. Рисунки А. Крылова	2
Будьте готовы! — И. Овчинникова	20
Комсомольские страницы	22
Вопросы.— Рассказ Л. Сергеева. Рисунок В. Чижилова	24
Ненавижу я...— Стихи Л. Николаенко. Рисунок С. Денисова	25
Листья.— Стихи Л. Яхнина	25
По ту сторону занавеса.— А. Дорохов. Рисунки И. Галанина, Ю. Владимирова, Ф. Терлецкого, А. Некрасова	26
Кораблик.— Ведет В. Лапин	32
Тайна племени «наска». — И. Уварова. Рисунки Н. Доброхотовой	34
И в дождь, и в холод, и в жару.— С. Вольф. Фото Л. Полякова	38
Семь удивительных чудес... Стихи М. Карема. Перевод Р. Красильщиковой	41
Пляска на реке.— Стихи Т. Белозерова	41
О чем поведали значки.— В. Павлов	42
Мастера радости.— В. Пliche. Фото С. Карасева	45
Поэтическая география. Поющий бархан.— Н. Сладков. Рисунки А. Борисова	48
Три тысячи конвертов с красной звездой. Итоги конкурса	50
Про одного моряка.— Стихи А. Милна. Перевод Н. Воронель. Рисунки И. Галанина	52
Экспедиция «Здравствуй». — Рисунки А. Борисова и Е. Ведерникова	54
Сухие бананы.— И. Андреева. Рисунки Л. Сергеева	59
Солдатские часы.— Рассказ Б. Никольского. Рисунки Ю. Черепанова	63
Встреча с Тремя Неизвестными.— Рисунки Б. Кыштымова	67
Челны, долбленки, оморочки...— Ф. Штильмарк Рисунки В. Винокура	68
Что нам читать?	70
Театр «Фонарик» «Великаны». — Г. Алексеев. Рисунки И. Галанина	72
Сентябрьский листок.— Антон Загогулин. Рисунки Б. Кыштымова	77
Ума палата.— Ответственный дежурный Н. Разговоров. Рисунки В. Стацинского	78
Забавные случаи	80
Из записной книжки Смехотрона	80

На обложке:

Первое сентября. Рисунок Б. Кыштымова.

Главный редактор **Н. В. ИЛЬИНА.**

Художественный редактор
С. Ю. Сахарова.

Редакционная коллегия:

Т. В. Голубцова, В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Е. Л. Коваленко (ответственный секретарь),
Ф. В. Лемкуль, В. Ф. Матвеев (заместитель главного редактора), **А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. И. Орлов, В. А. Поддубная, М. П. Прилежаева.**

Адрес редакции: Москва, А-15,
Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.
Телефон 253-30-73.

Рукописи не возвращаются.
Технический редактор **В. Пархоменко.**

А 03663. Подписано к печати 1/VIII 1968 г.
Формат бумаги 60×84¹/₈. Объем 9,33 усл. печ. л.
11,24 учетно-изд. л. Тираж 916 800 экз. Изд. 1601.
Заказ № 1925.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Ребята! Внимание!

Попробуйте задать себе простой вопрос: **МНОГИЕ ЛИ ИЗ ВАС ЗНАЮТ ПОРОДЫ ДЕРЕВЬЕВ СВОЕГО КРАЯ?**

Есть ребята, и их много, которые хорошо знают не только названия деревьев и кустарников, но и отлично понимают, какую большую роль играет лес в жизни человека. Это юные лесники.

Школьные лесничества создаются организациями Всероссийского общества охраны природы при ближайшем лесничестве Министерства хозяйства. Сегодня в Российской Федерации уже работают сотни таких лесничеств. В Удмуртии их 12, в Свердловской области — 33, в Красноярском крае — 12, в Ульяновской области — 13.

РЕБЯТАМ-ЛЕСНИКАМ ВЫДАЮТСЯ ЛЕСХОЗАМИ УДОСТОВЕРЕНИЯ И ФОРМЕННОЕ ОБМУНДИРОВАНИЕ.

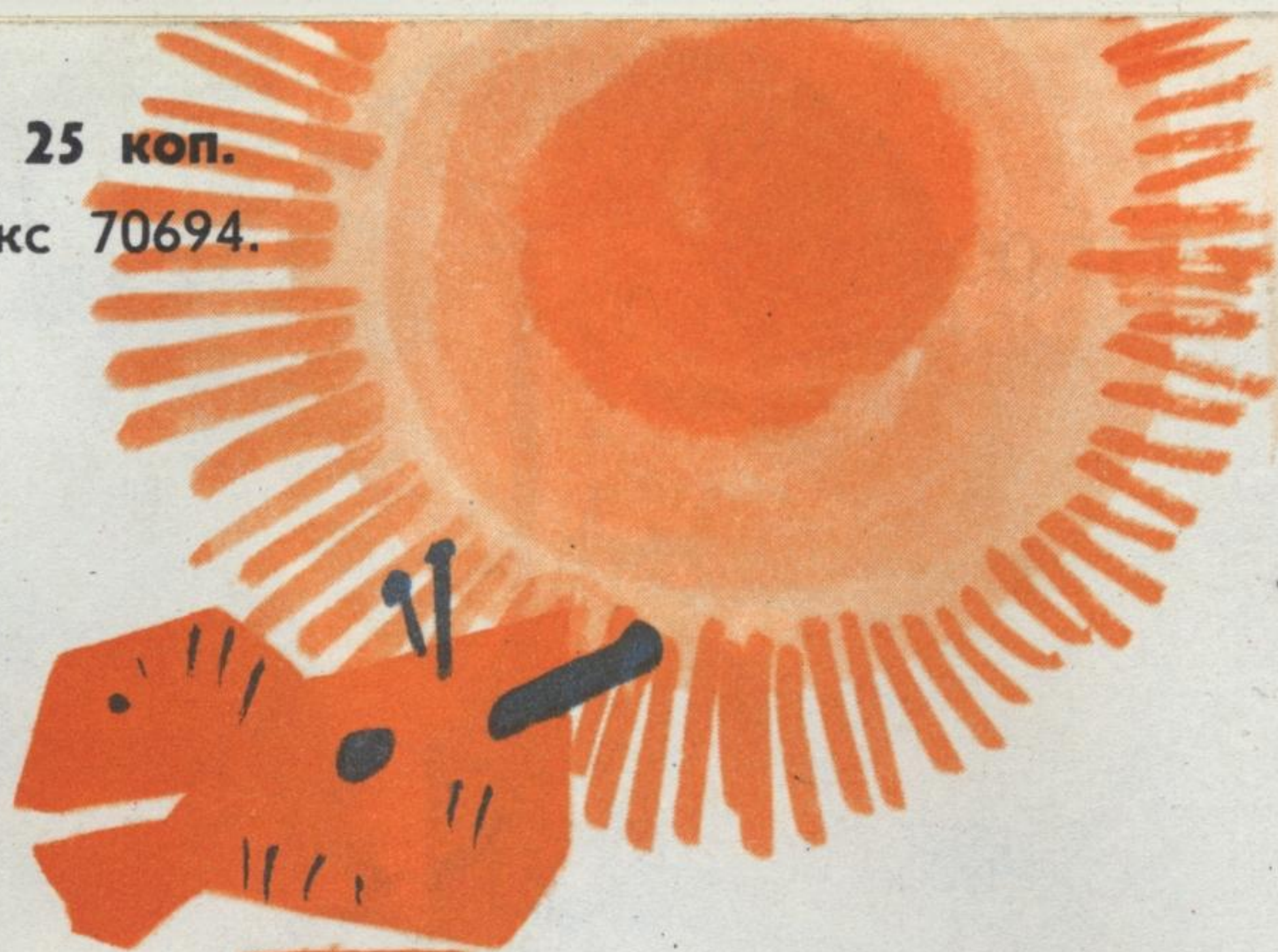
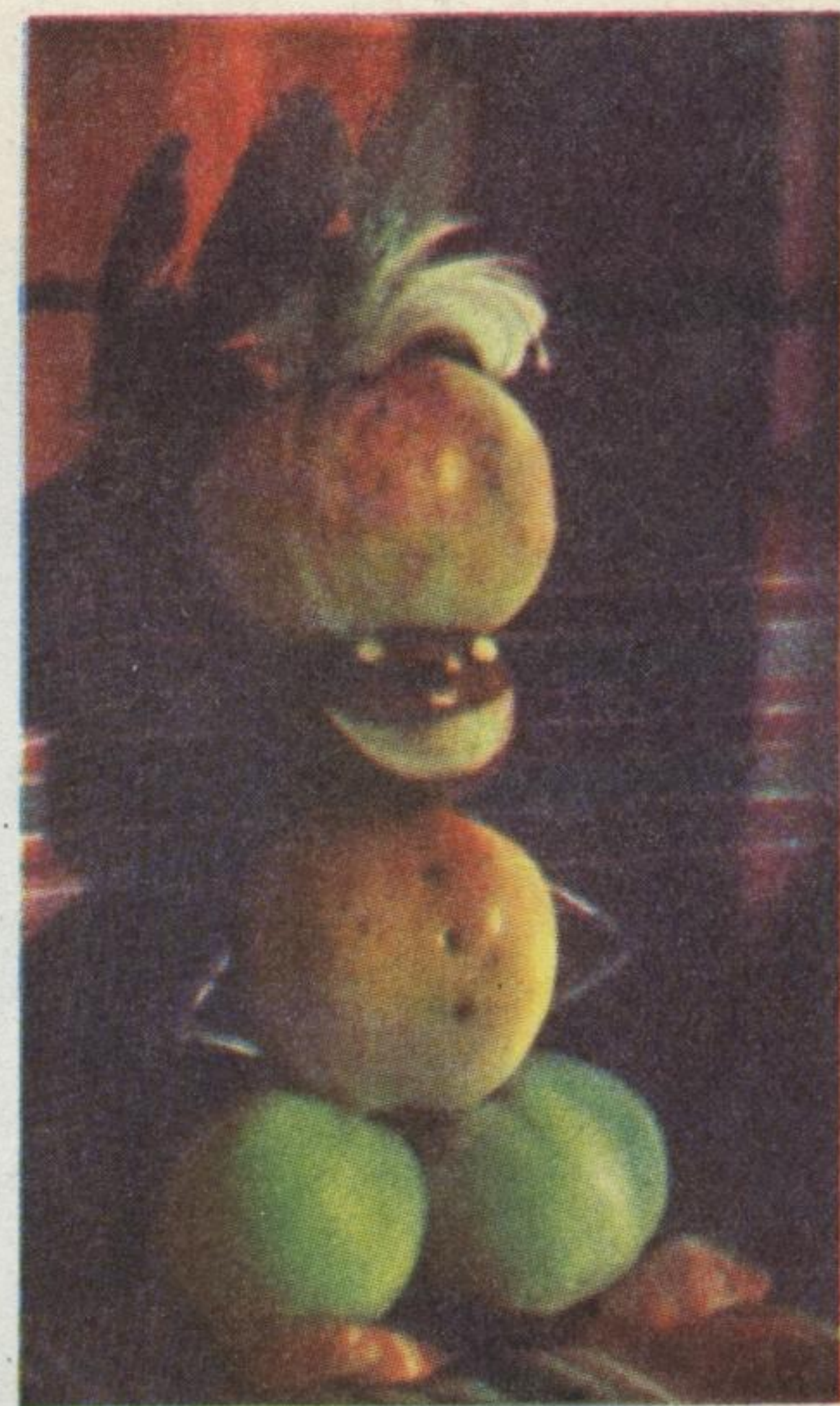
Как создать свое лесничество?

Вместе с учителем биологии, с руководителями ближайшего лесничества юные лесники выбирают совет лесничества, который будет руководить вашей работой. Она не прекращается круглый год. **ВАШИ РУКИ НУЖНЫ** и в питомниках и на сборе семян деревьев и кустарников. Юные лесники готовят искусственные гнездовья для птиц, кормушки на зиму, помогают в борьбе с браконьерами, следят, чтобы не было **ПОЖАРОВ**, собирают коллекции семян, образцов древесины разных деревьев, фотографируют зверей и птиц.

РЕБЯТА, ОРГАНИЗУЙТЕ ШКОЛЬНОЕ ЛЕСНИЧЕСТВО! МНОГО УВЛЕКАТЕЛЬНЫХ И ПОЛЕЗНЫХ ДЕЛ ЖДЕТ ВАС.

Цена 25 коп.
Индекс 70694.

ЭТИ ЗАБАВНЫЕ ИГРУШКИ ИЗ ОВОЩЕЙ

вам нетрудно будет сделать самим. Отдельные части игрушек соединяются между собой палочками, заостренными с обоих концов.

Цыпленок сделан из сросшегося двойного яблока сказочный арапчонок — также из яблок, но разного цвета, мышка — из редьки. Туловище петуха делается из изогнутого стручка перца, клюв, ноги и хвост — из перьев.

Для глаз крокодила удобно использовать срезы с конца огурца — с того места, где прикрепляется плодоножка. Если вы живете на юге, то можете сделать отличного бегемота из баклажан.

